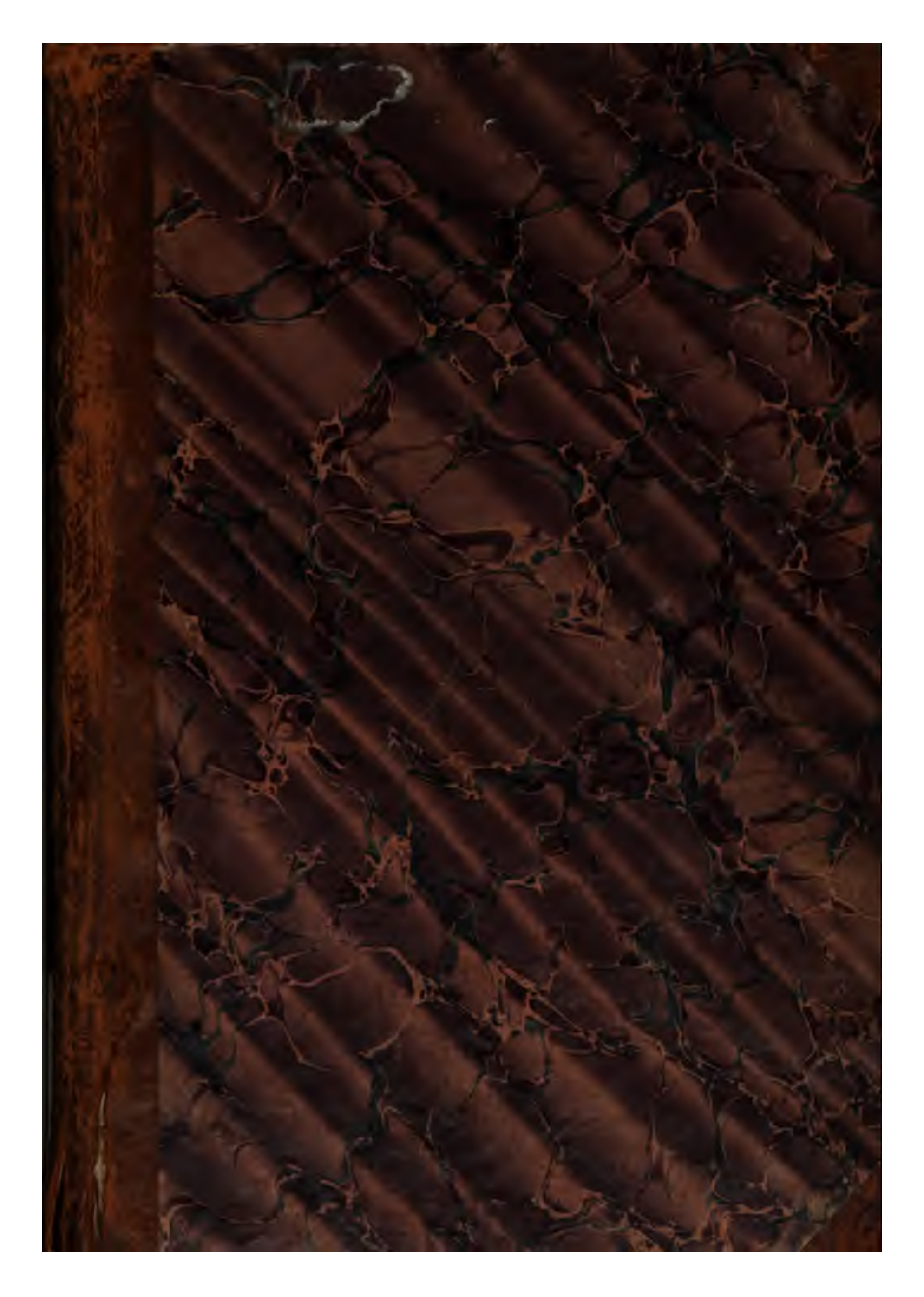

Ф. 24/184

№ 217

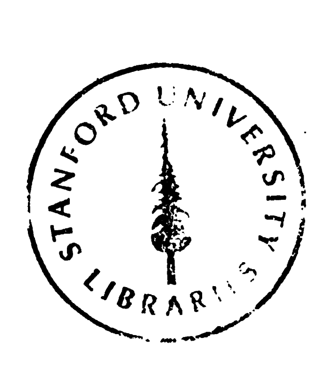
[illegible] л. ст. 38

Д. 1544.

Пермскаго удѣльнаго уча-
стка.

~~№ 217.~~

~~оп. 2, д. 38~~

STANFORD UNIVERSITY
LIBRARIES

ПОЛНОЕ СОБРАНЕ

СОЧИНЕНІЙ

РУССКИХЪ АВТОРОВЪ.

ПЕЧАТАТЬ ПОЗВОЛЯЕТСЯ,

съ тѣмъ, чтобы по отпечатаніи представлено было въ Цензурный Комитетъ узаконенное число экземпляровъ. С. Петербургъ, 16-го Февраля 1849 года.

Цензоръ *И. Срезневскій.*

СОЧИНЕНІЯ

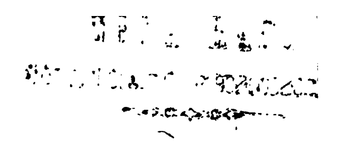
ХМѢЛЬНИЦКАГО.

ТОМЪ ТРЕТІЙ.

Изданіе Александра Смирдина.

САНКТПЕТЕРБУРГЪ.
Въ типографіи Карла Крайя.
1849.

Цѣна за три тома три рубля серебромъ.

ОГЛАВЛЕНІЕ

къ

сочиненіямъ

ХМѢЛЬНИЦКАГО.

ТОМЪ III.

Стр.

ЦАРСКОЕ СЛОВО

или

СВАТОВСТВО РУМЯНЦЕВА.

ИСТОРИЧЕСКАЯ КОМЕДІЯ ИЗЪ ВРЕМЕНЪ ПЕТРА ВЕЛИКАГО, ВЪ ТРЕХЪ ДѢЙСТВІЯХЪ, СЪ ПРОЛОГОМЪ И ЭПИЛОГОМЪ.

ВМѢСТО ПРЕДИСЛОВІЯ ОТЪ АВТОРА.

Кромѣ простительнаго желанія говорить о подвигахъ Петра Великаго, о разныхъ нововведеніяхъ, обычаяхъ и языкѣ того времени, цѣль моей комедіи заключается и въ томъ, чтобы показать, какъ смѣшно пристрастное употребленіе словъ иностранныхъ въ языкѣ отечественномъ.

Въ царствованіе Великаго преобразователя, въ этотъ славный вѣкъ быстраго перерожденія Россіи, языкъ нашъ, которымъ никто не занимался, никакъ не успѣвалъ слѣдовать за общественнымъ образованіемъ и потому всѣ новые предметы, понятія, дѣйствія, постановленія, занесенныя къ намъ отъ иностранцевъ, поневолѣ должно было именовать тѣми же иностранными словами, какими они назывались въ ихъ отечествѣ.

Когда у самаго Ѳеофана Прокоповича (*въ Исторіи Петра Великаго*) вы находите: *сатисфакцію*, *пассе*, *фузею*, *баснеты*, *фортецію*, *экспиріенцію* и даже *циркомференцію*, то можно судить, каковъ былъ тогда языкъ русскій? Чтобы ближе съ нимъ познакомиться, я прочелъ переводъ Квинта Курція объ Александрѣ Македонскомъ, упомянутую исторію Прокоповича, письма Петра Великаго и, наконецъ, разные календари и *Сантпітербурхскія* вѣдомости того времени.

Представьте мое удивленіе, когда изъ 100 словъ иностранныхъ, выбранныхъ мною для помѣщенія въ комедію, я нашелъ 70 такихъ, которые по сіе время употре-

бляются въ разговорѣ. Я просто ужаснулся! Если въ 120 лѣтъ изъ сотни словъ только 30 были отброшены, и частію замѣнены чисто русскими, то по этому расчету, для такой же участи остальныхъ 70-ти, надобно дожидаться XXI столѣтія!

Конечно, послѣ того учреждена Россійская Академія, вмѣсто прежнихъ книжниковъ и грамотѣевъ, явились ученые и словесники и самый языкъ нашъ смягчился и развился примѣтнымъ образомъ. Но если замѣтить, что вмѣсто словъ, бывшихъ въ употребленіи при Петрѣ 1-мъ ввелись тысячи новыхъ иностранныхъ, что введеніе ихъ основано не столько на необходимости, сколько на произволѣ, и что произволъ этотъ, съ распространеніемъ знанія языковъ иностранныхъ, болѣе и болѣе усиливается, безъ всякаго ограниченія, то при такомъ непріязненномъ вторженіи словъ иностранныхъ, трудно, кажется, ожидать обогащенія языка отечественнаго.

При такомъ положеніи русскаго слова, мы не имѣемъ почти никакого права трунить надъ языкомъ временъ Петра I-го. Но какъ нынѣшняя моя комедія будетъ имѣть связь съ другою, которая покажетъ пестроту и коверканье языка въ наше время, то я желалъ бы, чтобы читатели, по сравненіи обѣихъ комедій, какъ образщиковъ языка, которымъ говорили въ началѣ 18 и 19-го столѣтій, рѣшили: который изъ двухъ вѣковъ, по пристрастному и непомѣрному употребленію словъ иностранныхъ — былъ смѣшнѣе? *

---

* Къ сожалѣнію, второй комедіи, изъ нашего быта, покойный драматургъ нашъ написать не успѣлъ.

ДѢЙСТВУЮЩІЕ.

—

Графъ Андрей Артамоновичъ Матвѣевъ.
Марья Андреевна, его дочь.
Баронъ Бергольцъ, Голштинскій камергеръ.
Подполковникъ Румянцевъ.
Дворянинъ Полубояриновъ, своякъ графа Матвѣева.
Марья } **Андреевны**, его дочери.
Аграфена }
Лейбъ-Медикъ Лаврентій Лаврентьевичъ Блументростъ.
Баронъ фонъ-Мердефельдъ.
Василій Андреевичъ Корчминъ, бомбардирскій капитанъ.
Баронъ Соловьевъ.
Захаровъ. }
Меркурьевъ. } русскіе художники.
Земцовъ. }
Василевскій. }
Крюковъ, подрядчикъ.
Лейбманъ, учитель.
Ширингеръ, танцмейстеръ.
Балакиревъ, придворный шутъ.
Нартовъ, деньщикъ царскій.
Василиса Петровна, дальняя свойственница Матвѣева.
Сержантъ Огневъ, ея сынъ.

Мироныч, дворецкій.

Музыкантъ.

Князь-Кесарь, Өедоръ Юрьевичъ Ромодановскій.

Посѣтители ассамблеи, дворяне, художники.

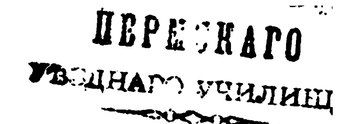
Купцы, иностранцы, въ томъ числѣ **баронъ Любрасъ**, купцы: **Мейеръ и Сердюковъ.**

Танцоры, Шведы, Малороссіяне и Казаки.

Свита князя-Кесаря.

Хоръ.

Пѣсенники, перевощики, купцы, солдаты, артельщики, разночинный народъ и проч.

ЦАРСКОЕ СЛОВО

или

СВАТОВСТВО РУМЯНЦЕВА.

═

ПРОЛОГЪ.

РУССКІЕ ВЪ СВОИХЪ ПОСЛОВИЦАХЪ.

—

Театръ представляетъ сборище народа на площади, гдѣ построенъ нынѣ Зимній Дворецъ. Отсюда видны перевозъ, Нева, часть Васильевскаго Острова и Петропавловской крѣпости. При поднятіи занавѣса плыветъ по Невѣ шлюбка съ пѣсенниками, которые въ кружкѣ, съ рожкомъ и тарелками, поютъ пѣсню:

Какъ во городѣ, во Сант-Питерѣ,
Что на матушкѣ, на Невѣ рѣкѣ,
На Васильевскомъ славномъ островѣ,
Какъ на пристани корабельной
Молодой матросъ корабли снастилъ,
О двѣнадцати тонкихъ парусахъ,

Тонкихъ, бѣлыхъ, полотняныхъ.
Ахъ! ты душечка, молодой матросъ,
Ты зачѣмъ рано корабли снастишь?
Говорила красна дѣвица,
Красна дѣвица, дочь отецкая.
Какъ отвѣтъ держалъ добрый молодецъ,
Добрый молодецъ, молодой матросъ:
Ахъ ты, гой еси красна дѣвица,
Красна дѣвица, дочь отецкая?
Не своей волей корабли снащу
По указу государеву
По приказу адмиральскому, и проч.

МНОГІЕ ИЗЪ НАРОДА.

Ай да пѣсеннички! славно, ребята, славно!

ДРУГІЕ.

Эй! перевощики! перевощики!

НЕИЗВѢСТНЫЙ, (*въ чекменѣ, съ арапникомъ.*)

Дерите горло, коли всѣ разъѣхались.

1-й изъ толпы.

Давно-ли въ Питерѣ лодокъ не стало?

2-й изъ толпы.

Вишь, полонныхъ шведовъ перевозятъ.

НЕИЗВѢСТНЫЙ.

Ну, чтобы построить мостъ, такъ всѣмъ былъ бы просторъ и путь безденежный.

1-й КУПЕЦЪ.

Вотъ умница, безъ него недогадаются.

НЕИЗВѢСТНЫЙ.

Отъ потѣшныхъ огней скоро Нева загорится, а на мостъ денегъ не стало.

1-й купецъ.

Ахъ ты, хула чертова! прости, Господи! Моста не строятъ для того, чтобъ прїучить насъ къ водѣ, толкуютъ умные люди.

заштатный церковникъ, (*1-му Купцу.*)

Что голова, то разумъ, Авдѣичъ.

1-й купецъ.

А по нашему, догадка лучше разума.

неизвѣстный, (*Церковнику.*)

Что съ нимъ толковать, зайдемъ лучше въ кружало, да выпьемъ чару зеленова.

церковникъ.

Стомаха ради и частыхъ его недуговъ. (*Отходятъ*).

подъячій, (*съ сумкою подъ мышкою.*)

Слушайте, почтенные! Не валить всѣмъ въ первую ладью, понеже она зѣло *мизирна.* Намнясь, не отъ чего инаго, какъ отъ сего самаго, *казусъ* былъ: потонуло четверо—и вотъ вамъ свѣжій *экземпель!* Садится по характеру чести и чина. Кому довлѣетъ по регламенту къ 8 часамъ утра быть въ *Коллегіумѣ*, тотъ по *рошпекту* и *по резону* долженъ ѣхать въ первомъ.

2-й купецъ.

Всякому свое дѣло, милостивецъ!

1-й купецъ, (*тихо 2-му.*)

Молчи, дружище. Вишь грамотѣй и законникъ.

солдатъ, (*съ разсыльною книгою.*)

И мнѣ по командѣ слѣдуетъ ѣхать въ первой.

2-й купецъ.

Вотъ и другой! просимъ покорно, все первые!

1-й купецъ.

Говорятъ тебѣ, молчи! Что-жъ прикажешь— когда съ книгой?

торговка, (*съ узломъ.*)

Раздайтесь, разступитесь, добрые люди, и мнѣ ѣхать въ первой лодкѣ. Вотъ билетъ въ *Куншкамеру*!

1-й крестьянинъ.

Ахъ, ты кофейница — ворожейница!

многіе.

Отваливайте, господа первые!

1-й крестьянинъ, (*бородачу.*)

Ахъ ты, Господи! Куншкамера? что она говоритъ, дѣдушка, такое? Отродясь не слыхивалъ.

старый бородачъ.

И подумать страшно, дитятко!

1-й крестьянинъ.

Неужто?

бородачъ, (*тихо.*)

Повѣришь ли? куншкамера все тоже, что Лысая гора подъ Кіевомъ.

1-й крестьянинъ.

Ахти, мои матушки!

бородачъ.

Чудеса, да уроды, все заморское волхвованье и сила нечистая!

1-й крестьянинъ.

Съ нами крестная! вижу, что недаромъ пугали насъ Санктеромъ!

(*Первая лодка отваливаетъ. Является рядчикъ съ артелью.*)

хозяинъ, (*увидя знакомаго рядчика.*)

А! добрый день, честные люди!

рядчикъ.

Добра и здравія желаемъ Ивану Пафнутьичу.

хозяинъ.

Ну что, Сидорычъ? какова поденщина, доволенъ ли артелью?

рядчикъ.

Не что бы, родимой, одно худо: *для чайниковъ и бражниковъ живетъ много праздниковъ.*

хозяинъ.

Правда, правда, поменьше питейныхъ, да побольше будней, не испортитъ дѣла. Ну что? нѣтъ ли новизны какой, Сидорычъ!

рядчикъ.

Во всемъ городѣ только и вѣстей, что Свейская война кончена; и будетъ *пиръ на весь міръ.*

хозяинъ.

Слава тебѣ, Господи!

одинъ изъ артели.

Правда ли, хозяинъ, что съ радости будутъ бросать деньги народу?

хозяинъ.

Вздоръ, молодецъ, денегъ не бросаютъ, ихъ заработываютъ.

СЛУЖИТЕЛЬ.

Какъ служитель Волынскаго двора, могу объявить вамъ, добрые люди, что на радости будутъ травить медвѣдя со львомъ, привезеннымъ изъ Персіи.

МНОГІЕ ИЗЪ АРТЕЛИ.

Ой-ли? вотъ потѣха! увидимъ, увидимъ, любезнѣйшій.

ПЕРЕВОЩИКИ.

Эй, за Неву! на ту сторону!

РЯДЧИКЪ.

Шевелись, ребята; счастливо оставаться, Иванъ Пафнутьичъ.

ХОЗЯИНЪ.

И вамъ того желаемъ, Сидорычъ. (*Лодки отчаливаютъ и опять являются новыя лица.*)

1-й КУПЕЦЪ.

Кого я вижу? вѣрить-ли глазамъ! Землякъ Саратовскій!

ЗЕМЛЯКЪ.

Иванъ Авдѣичъ, особенный благодѣтель!

1-й КУПЕЦЪ.

Да какъ нелегкая тебя съ мѣста?

ЗЕМЛЯКЪ.

Сдвинетъ, родимой, какъ не стало *ни двора*, *ни кола*, *ни перегороды*.

КУПЕЦЪ.

Ой-ли! сердечно болю и плачу, да какъ же случилось?

ЗЕМЛЯКЪ.

Все злые люди, благодѣтель.

КУПЕЦЪ.

Люди съ лихостью, а Богъ съ милостью.

ЗЕМЛЯКЪ.

До Бога высоко, до Царя далеко.

КУПЕЦЪ.

А у насъ до Царя близехонько. Слава тебѣ, Господи!

ЗЕМЛЯКЪ.

Ой-ли? Вразуми, вселюбезнѣйшій, будь ходатаемъ и заступникомъ. Да какъ ты самъ — легко-ли! Все въ Питерѣ, и живъ по сю пору?

КУПЕЦЪ.

А какъ бы не жить и не жить припѣваючи, дружище! Русскій народъ на все готовъ и гораздъ, самъ знаешь. Правда, кой-часъ по указу потянули насъ изъ Саратова въ Питеръ, было трудновато, молвить нечево. Но годъ, два, три, стерпѣли, понавыкли и утѣшились! И какъ не утѣшиться, видя толикія несчетныя царскія милости! За нами, новыми поселенцами, самъ батюшка ухаживаетъ, какъ за дѣтками родными. Врачевалъ больныхъ, помогалъ неимущимъ, занималъ добрыхъ мастерствомъ, посѣщалъ именитѣйшихъ, крестилъ даже дѣтей нашихъ, и мы у Царя въ Питерѣ живемъ, какъ у Христа за пазухой.

ЗЕМЛЯКЪ.

Чудныя дѣла, послушаешь!

КУПЕЦЪ.

Словомъ сказать, мы обжились и разжились, дружище. Разныхъ нѣмцевъ и кораблей здѣсь тьма-тьмущая! Былъ-бы товаръ, мигомъ под-

хватятъ, не то, что въ Саратовѣ, и оттого себѣ великія прибыли получаемъ.

ЗЕМЛЯКЪ.

Святая истина, вселюбезнѣйшій!

КУПЕЦЪ.

Небось, умный Царь умѣлъ смѣкнуть дѣломъ и завоевалъ намъ мѣстечко для заморскаго торга.

СТАРЫЙ БОРОДАЧЪ.

Хорошо мѣстечко!... Того и смотри, что потонемъ, какъ на всемірномъ, упаси Господи!

КУПЕЦЪ.

Ахъ ты, борода козлиная!

БОРОДАЧЪ.

Не горячись, г. честный отступникъ.

КУПЕЦЪ.

Знаемъ, знаемъ, что бритье, да спинныя нашивки, вамъ бородачамъ, больно не любы.

БОРОДАЧЪ.

Бороды не замай, борода свое возьметъ.

КУПЕЦЪ.

И вѣдомо, *безъ бороды и въ рай не пустятъ.*

(*Слышенъ барабанный бой*).

ЗЕМЛЯКЪ.

Ахъ, страсти, оставь его, Авдѣичъ, и уберемся по добру, по здорову.

КУПЕЦЪ.

Небось, здѣсь барабанъ не диковинка. (*Входятъ съ барабаннымъ боемъ капралъ съ солдатами*).

КАПРАЛЪ, (*читаетъ*).

«Отъ генералъ - полицмейстерской канцеляріи, всѣмъ, кому вѣдать надлежитъ, объявляется: что

его Царское Величество указать соизволилъ: быть сегодня въ лѣтнемъ саду *ассамблеи*. Пріѣзду быть въ 4, а разъѣзду въ 10 часовъ послѣ полудни. (*Солдаты прибиваютъ къ фонарямъ печатныя объявленія и съ барабаннымъ боемъ идутъ дальше*).

ЗЕМЛЯКЪ.

Ассамблея! ужъ не звѣрь-ли какой, Иванъ Авдѣичъ.

КУПЕЦЪ.

Оно, по новости, трудновато растолковать, любезный. Ассамблея, говорятъ, слово нѣмецкое, которое, видишь, по-русски однимъ словомъ никакъ не выскажешь. Обстоятельно сказать: ассамблея, знаешь, вольное въ которомъ домѣ собраніе и съѣздъ дѣлается неточію для забавы, но и для дѣла, понеже тутъ можно другъ друга видѣть и о всякой нуждѣ поговорить, такожде слышать, гдѣ что дѣлается, притомъ же и забава.

ЗЕМЛЯКЪ.

А что-жъ тамъ дѣлается?

КУПЕЦЪ.

Мало-ли что... играютъ въ шашки, въ карты, пляшутъ, курятъ табакъ. (*Землякъ морщится; бородачъ, который прислушивался, отворачивается*).

ЗЕМЛЯКЪ.

Вотъ ужъ это не бывалое на Руси, Иванъ Авдѣичъ.

КУПЕЦЪ.

Мало-ли что небывалое, да вездѣ водится для

полированія народнаго. Въ наше время вящее смышленіе потребно, любезнѣйшій. И женщины жили за тремя порогами, а теперь, глядь и онѣ въ ассамблеи.

ЗЕМЛЯКЪ.

И женщины купно съ мужчинами! Воля твоя, а ужъ этаго не похвалю, Иванъ Авдѣичъ!

БОРОДАЧЪ.

Что тутъ хвалить: *что стыдно и грѣшно, то въ обычай вошло.*

КУПЕЦЪ.

Ахъ ты, зложелатель! опять втерся, какъ змѣя подколодная!

НЕИЗВѢСТНЫЙ, (*прежній, вступаясь за бородатаго*).

Да что-жъ, взаправду, кричишь и рядишь, какъ воевода какой. Хорошо вамъ торгашамъ, рядчикамъ, да подрядчикамъ. Всякому свое. Инымъ любо, другимъ не любо. По новому *маниру* довели до того, прости Господи, что русскіе бары псарей не держатъ.

КУПЕЦЪ.

Смотри, хватъ, заштатный писарь, чтобъ не попасть въ полицмейстерскую.

НЕИЗВѢСТНЫЙ.

Небось, *косова не объѣдешь!*

БОРОДАЧЪ.

Что согрѣшили, то согрѣшили! недаромъ Господь наказываетъ: самыя знаменья гласятъ тоже. (*Вокругъ разговаривающихъ собирается толпа,*

иные къ сторонѣ 1-го купца, другіе къ сторонѣ неизвѣстнаго).

НѢСКОЛЬКО ГОЛОСОВЪ.

Какія знаменья.... какія знаменья?

НЕИЗВѢСТНЫЙ.

Мало-ли какія! а пророки на амвонахъ и торжищахъ?

БОРОДАЧЪ.

А наводненія, а сіянья небесныя, а змѣй съ хвостомъ огненнымъ?

КУПЕЦЪ.

Экую ахинею городятъ, мошенники!

БОРОДАЧЪ.

Видимо, гнѣвъ Божій есть въ Питерѣ, когда скоропостижной смертью мрутъ христіане.

КУПЕЦЪ, (*народу*).

Ребята! вѣдь это просто баломуты.

КРЕСТЬЯНИНЪ.

Ой-ли?

НЕИЗВѢСТНЫЙ.

Чего тутъ баламутить! А что правда, то правда.

БОРОДАЧЪ.

Только и дѣла, что курятъ, да брѣютъ, храни Господи!

МАЛОРОССІЯНИНЪ.

Паны, що хотятъ, то роблятъ.

КУПЕЦЪ.

Ахъ ты, хохолъ! ахъ вы, разбойники! Унять ихъ, рябята, да и только.

МНОГІЕ.

Для чего-жъ не такъ, все возможно.

ЗАШТАТНЫЙ ЦЕРКОВНИКЪ, (1-*му купцу*).

Иванъ Авдѣичъ, нелѣпо умному съ безумнымъ бесѣдовать, якоже трезвому съ піянымъ.

КУПЕЦЪ.

Не мѣшайся.

НЕИЗВѢСТНЫЙ.

Вишь разхорохорился.

КУПЕЦЪ.

Постой, азарникъ! мы тебя доѣдемъ. Ребята! *удалой долго не думаетъ*! въ полицмейстерскую ихъ, да и только.

НЕИЗВѢСТНЫЙ, (*грозя арапникомъ*).

Ахъ ты, русской пузанъ! нука, сунься, попробуй?

КУПЕЦЪ.

Ахъ ты, коза брянская! ахъ ты, чертова кукла, прости Господи!

ЦЕРКОВНИКЪ, (1-*му купцу*).

Молчати лучше есть, ниже глаголати не подобная!

КУПЕЦЪ.

Убирайся! за мной ребята!

НЕИЗВѢСТНЫЙ, (*своимъ*).

Не выдавать своихъ!

КУПЕЦЪ.

Ну что-жъ?... *али силки отвѣдать, силкой помѣриться*?

(*Народъ схватываетъ неизвѣстнаго, также бородача и малороссіянина*).

РУМЯНЦЕВЪ, (*разталкивая народъ*).

Что за шумъ? Остановитесь, приказываю именемъ царскаго величества!

КУПЕЦЪ.

Просимъ милосердія въ винѣ дерзости нашей.

КУПЕЦЪ.

Что повелишь, милостивецъ: челядь да скоморохи мутятъ народъ всякимъ образомъ.

РУМЯНЦЕВЪ.

Негодяи! глупцы! орудія козней и суевѣрства! (*неизвѣстному*). Кто ты таковъ?

НЕИЗВѢСТНЫЙ, (*про себя*).

Попался, какъ бѣсъ въ перевѣсъ (*падая на колѣна*). Вольный ловчій! помилуй! государь милостивый! — *повинную голову и мечь не сѣчетъ.*

РУМЯНЦЕВЪ.

Заслужи, и царь помилуетъ.

НЕИЗВѢСТНЫЙ.

Радъ всюду, куда изволишь.

РУМЯНЦЕВЪ.

Ребята! онъ солдатъ полка Румянцова. (*Малороссіянину*) А ты?

МАЛОРОССІЯНИНЪ.

Я ни въ тихъ, ни въ сихъ, самъ ни бачу, якъ пупавса! взмилуйся! добрый панъ, ни бье ни лае!

РУМЯНЦЕВЪ.

Съ Богомъ, добрякъ, иди во свояси; увѣрь своихъ, что мы не враги, а братья; что скоро русскіе и малороссіяне сольются въ одинъ народъ и въ

одну душу! (*старому бородачу*) А ты старый бородачъ?

бородачъ, (*падая на колѣна*).

Брей, да не зарѣжъ, милостивецъ!

РУМЯНЦЕВЪ.

И жизнь, и борода при тебѣ, суевѣръ закоренѣлый, время и просвѣщеніе откроютъ вамъ глаза и вы сами броситесь въ объятья христолюбивыхъ братій (*народу*). Друзья! хулители дѣлъ Петровыхъ не стоятъ гнѣва. Они жалкіе слѣпцы, не видятъ пользы, къ которой ведетъ насъ благая воля и труды великаго преобразованія.

НАРОДЪ.

Вѣстимо, вѣстимо, батюшка!

РУМЯНЦЕВЪ.

Для пользы общей, для славы и могущества земли русской, пора стряхнуть иго старины и стать народу съ другими.

НАРОДЪ.

Да будетъ по волѣ Божіей и государевой.

РУМЯНЦЕВЪ.

Самъ Богъ избралъ Петра Великаго просвѣтить умъ народа!

НАРОДЪ.

Слава, слава государю!

РУМЯНЦЕВЪ.

Пройдетъ сто лѣтъ и изъ слабаго царства русскаго возникнетъ могущественная Имперія!

НАРОДЪ.

Да здравствуетъ его царское величество!

РУМЯНЦЕВЪ.

Друзья! двадцатилѣтняя война со шведами кончена, поздравляю васъ съ славнымъ Нейштадскимъ миромъ!

НАРОДЪ.

Ура! ура! да здравствуетъ батюшка Петръ Великій!

ДѢЙСТВІЕ ПЕРВОЕ.

—

РУМЯНЦЕВЪ И ГРАФИНЯ МАТВѢЕВА.

═

Театръ представляетъ небогато-убранную комнату, на столѣ разбросаны книги. У окна сидитъ живописецъ Захаровъ и оканчиваетъ портретъ.

—

I.

ЗАХАРОВЪ, БАРОНЪ БЕРНГОЛЬЦЪ.

БАРОНЪ БЕРНГОЛЬЦЪ.

А! г. русской Ванъ-Дикъ, здорово! дома ли Румянцевъ.

ЗАХАРОВЪ.

Когда же онъ бываетъ дома, высокопочтенный баронъ! сами знаете. По пріѣздѣ изъ Италіи всякъ часъ у царя, да на службѣ. Истинно, я чаще бесѣдовалъ съ нимъ въ Римѣ да въ Неаполѣ, чѣмъ здѣсь, на одной квартирѣ.

БАРОНЪ.

Кстати, Захаровъ, пожалуй разскажи, какъ вы добрались сюда изъ Италіи.

ЗАХАРОВЪ.

Началось тѣмъ, что въ Неаполѣ мы нагрузили на корабль разныя царскія *статуи* и мраморы и по *Медитеранскому* морю дошли до города Марселіи. Оттуда пріѣхали въ Парижъ. Здѣсь Александръ Иванычъ накупилъ для царя тьму тьмущую разныхъ разностей и книгъ, и чертежей, и таблицъ, и *машинъ*, и *штрументовъ* новой *инвенціи*. Потомъ были въ Брестѣ и въ Амстердамѣ; прошли благополучно Зундъ и, наконецъ, живы и здоровы, какъ видите, добрались до Кроншлота.

БАРОНЪ.

По трудамъ и честь; но какъ ты думаешь, дождусь ли я Румянцева?

ЗАХАРОВЪ.

Авось и дождетесь.

БАРОНЪ.

Между тѣмъ, что наша живопись?

ЗАХАРОВЪ.

Охъ, охъ, баронъ: жили отцы безъ картинъ, проживемъ и мы, говорятъ наши бары.

БАРОНЪ.

Какъ быть, нельзя же вдругъ, — дай посозрѣть для этого. — Ну что-же ты работаешь?

ЗАХАРОВЪ.

Недавно написалъ царскій портретъ, а теперь, по заказу, окончилъ одинъ женскій.

БАРОНЪ.

Дай полюбоваться! (*увидя портретъ*). Браввиссимо! поздравляю тебя съ полнымъ успѣхомъ!

ЗАХАРОВЪ.

Вамъ нравится?

БАРОНЪ.

Чрезвычайно! А чей это портретъ?

ЗАХАРОВЪ.

Самъ не знаю, г. баронъ: какой-то сержантъ заказалъ мнѣ написать съ большаго *миніатюрный*?

БАРОНЪ.

Захаровъ! ссуди меня на часъ симъ портретомъ.

ЗАХАРОВЪ.

Это невозможно.

БАРОНЪ.

А почему?

ЗАХАРОВЪ.

А явится сержантъ?

БАРОНЪ.

Тотчасъ и явится!

ЗАХАРОВЪ.

Онъ просилъ никому не показывать.

БАРОНЪ.

Не бойся. Я хочу только похвалиться русскимъ мастерствомъ барону фонъ-Мерфельду.

ЗАХАРОВЪ.

Барону Мерфельду, прусскому послу, славному живописцу?

БАРОНЪ.

Да, да, который на дняхъ написалъ миніатюрные портреты съ великихъ княженъ Анны и Елисаветы Петровенъ.

ЗАХАРОВЪ.

О! для него отказать не смѣю. Если такъ — возьмите.

БАРОНЪ, (*спрятавъ портретъ*).

Я возвращу его сего-дня-же.

—

II.

ТѢЖЕ, РУМЯНЦЕВЪ.

РУМЯНЦЕВЪ, (*за сценой*).

Эй! кто нибудь! слуга, деньщикъ! всѣ провалились сквозь землю! (*входитъ сердитый, бросаетъ на столъ шляпу и перчатку*). Одинъ отвѣтъ: «Подожди, учись терпѣнью;» пока трава растетъ, лошадь умираетъ съ голода. (*Увидя Бергольца*) А! любезнѣйшій баронъ! добро пожаловать! просимъ садиться!

БАРОНЪ, (*садясь, перебираетъ книги*).

Вобанъ, Пуффендорфъ, Квинтъ Курцій.... О, о! вы быстро подвигаетесь.

РУМЯНЦЕВЪ.

Незабудь, баронъ, упомянуть объ этомъ въ твоихъ современныхъ запискахъ.

БАРОНЪ.

Кстати, мнѣ бы нужно объ нихъ посовѣтоваться съ тобой, Александръ Иванычъ.

РУМЯНЦЕВЪ.

Всегда готовъ съ радостью, — но теперь истинно немогу, не въ силахъ, любезнѣйшій. Я встревоженъ, и кромѣ того, есть важное дѣло. Но чѣмъ же подчивать дорогаго гостя? не прикажешь ли рюмку Мозельскаго, или Венгерскаго?

БАРОНЪ.

Ни того, ни другаго; скажи лучше, отчего ты такъ встревоженъ?

РУМЯНЦЕВЪ.

Неразъ жаловался я царю на свою бѣдность: «ну подожди, учись терпѣнью!» былъ всегдашній отвѣтъ государя. По крайней мѣрѣ, рѣшился сказать я, какая жъ, государь, причина, что удостоивая всею вашею доверенностью, вы допускаете меня въ тоже время претерпѣвать и въ самомъ нужномъ недостатокъ? — «Надобно учиться терпѣнью,» отвѣчалъ государь: «я тебѣ не одинъ разъ сказывалъ: подожди, пока рука моя не разверзнется.» *

БАРОНЪ.

Поздравляю! такое слово не всякому скажется.

РУМЯНЦЕВЪ.

Я жду, но рука не разверзается.

---

* См. Дѣянія знаменитыхъ полководцевъ и министровъ Петра I. Бантышъ-Каменскаго. Часть II, стр. 220.

БАРОНЪ.

Знаешь что, Александръ! женись на богатой, такъ разомъ разживешься.

РУМЯНЦЕВЪ.

А что ты думаешь!

БАРОНЪ.

И весьма; стоитъ хорошенько повысмотрѣть.

РУМЯНЦЕВЪ.

Потомъ?

БАРОНЪ.

И выбрать по сердцу, и по нраву.

РУМЯНЦЕВЪ.

Я неумѣю мѣшкать, вздумано — рѣшено, сказано — сдѣлано. Знай, баронъ: невѣста отыскана.

БАРОНЪ.

Возможно ли!

РУМЯНЦЕВЪ.

Мало того, я влюбленъ, влюбленъ страстно, до безумія: на жизнь или на смерть — таковъ Румянцевъ!

БАРОНЪ.

Ты меня больше пугаешь, чѣмъ радуешь.

РУМЯНЦЕВЪ.

Въ первый разъ я увидѣлъ ее на ассамблеѣ и какое-то новое для меня чувство приковало къ ней взглядъ, мысль и душу! Она, между нами, одна изъ дочерей дворянина Полубояринова.

БАРОНЪ.

Полубояринова? я слышалъ это имя, онъ человѣкъ богатый и у него двѣ дочери.

РУМЯНЦЕВЪ.

На ассамблеѣ ихъ было три и мнѣ навѣрно сказали, что онѣ сестры.

БАРОНЪ.

Можетъ быть.

РУМЯНЦЕВЪ.

Я тотчасъ познакомился съ отцемъ и онъ обласкалъ меня несказанно.

БАРОНЪ.

И ты былъ въ домѣ?

РУМЯНЦЕВЪ.

Если не былъ, то буду скоро, сего-дня поутру.

БАРОНЪ.

Послушай, Александръ, такими дѣлами спѣшить не должно, обдумай зрѣло.

РУМЯНЦЕВЪ.

Все сдѣлано, обдумано, рѣшено и будетъ кончено, если свиданье и разговоръ съ нею не перемѣнятъ первэго впечатлѣнья. Я сего-дня же прошу руки ея и царскаго благословенья.

БАРОНЪ.

Что-жъ толковать послѣ этого! Будь счастливъ и дѣйствуй, какъ укажетъ сердце!

—

III.

ТѢЖЕ, *живописцы* МЕРКУРЬЕВЪ И ВАСИЛЕВСКІЙ.

МЕРКУРЬЕВЪ.

Александръ Иванычъ! царская записка!

РУМЯНЦЕВЪ.

Царская записка (*читая вслухъ*). «Вели послѣ обѣда собраться русскимъ живописцамъ къ графу Матвѣеву. Надобно ихъ поощрить. Тамъ раскупятъ ихъ картины. *Аукціонистомъ* быть Балакиреву.»

ВАСИЛЕВСКІЙ.

Ура! наша взяла!

ВСѢ ЖИВОПИСЦЫ.

Да здравствуетъ его царское величество!

РУМЯНЦЕВЪ.

Слышите! собрать картины, сдѣлать имъ регистръ и быть у графа Матвѣева.

ЗАХАРОВЪ, (*прибѣгая съ портретомъ*).

Вотъ и я съ царскимъ *портретомъ*!

РУМЯНЦЕВЪ, (*глядя на портретъ*).

Взгляни, взгляни, баронъ, какое сходство! Онъ какъ живой, смотритъ, говоритъ и увлекаетъ!

БАРОНЪ.

А, а! сердитъ, а проговорился нарѣчьемъ души!

румянцевъ, (*восхищаясь портретомъ*).

Это онъ! нашъ герой, нашъ геній-преобразователь! Слушай Захаровъ: портретъ мой, я съ нимъ не разстанусь.

захаровъ.

Сжальтесь, Александръ Иванычъ! родные мои терпятъ нужду, а я знаю, что у васъ нѣтъ денегъ.

румянцевъ.

Нѣтъ денегъ, чортъ возьми! (*вынимая золотую табакерку*) Вотъ тебѣ задатокъ.

баронъ, (*удерживая Румянцева*).

Остановись? Эта табакерка подарена тебѣ государемъ!

румянцевъ, (*принуждая Захарова взять табакерку*).

Ничего, отъ Петра за Петра! бери смѣло.

баронъ, (*ударяя Румянцева по плечу*).

Ну, Александръ, быть тебѣ фельдмаршаломъ! (*Уходятъ*).

ПЕРЕМѢНА ДЕКОРАЦІИ.

—

Театръ представляетъ довольно богатую комнату въ домѣ Полубояринова.

—

IV.

ПОЛУБОЯРИНОВЪ, (*любуясь своимъ кафтаномъ*).

Ай да Андрей Иванычъ! славно, важно, знатно! А все сіятельнѣйшій своякъ и особенный благодѣтель графъ Андрей Артамонычъ. Вытащилъ на Божій свѣтъ изъ захолустья; спасъ отъ воинской службы и обѣщаетъ втереть въ *цивильную*. Теперь мы живемъ, знакомимся, задаемъ *трактаменты*. Намнясь, когда, по свойству нашему съ его сіятельствомъ, я съ дочерьми и племянницей, графиней Марьею Андреевною былъ въ ассамблеѣ, глядь.... подлетѣлъ Румянцевъ, любимецъ царской. Онъ мнѣ поклонъ, я такой-же; онъ меня за руку: «весьма желаю, дескать, съ вами, государь мой, познакомиться;» а я: почту за величайшее счастье и проч.; онъ дальше—хвалитъ дочерей, а я смѣкаю. Ахъ ты, Господи, что еслибъ сегодня, когда условлено быть у меня избранному гостю, дошло, этакъ *до формальной пропозиціи*! То-то и есть: *много хочется, да не все сможется*. А ужъ

женихъ завидный, сказать нечего! Боюсь одного: Маша моя больно диковата; какъ бы поразвязать ее, да выказать.

—

V.

ПОЛУБОЯРИНОВЪ, ЛЕЙБМАНЪ.

ПОЛУБОЯРИНОВЪ.

Карлъ Иванычъ! другъ и наставникъ, прошу пожаловать.

ЛЕЙБМАНЪ.

Ну что ваши *вокабулы*, Андрей Иванычъ?

ПОЛУБОЯРИНОВЪ.

Простите, виноватъ, за недосугомъ ровно ничего не выучилъ.

ЛЕЙБМАНЪ, (*вынимая листъ*).

А я *для* сегодняшней *лекціи* приготовилъ было вамъ маленькую *коллекцію* словъ самыхъ *интересныхъ*.

ПОЛУБОЯРИНОВЪ.

Покажите, покажите, любезнѣйшій! (*беретъ листъ и читаетъ*) «*фамилья*,» то есть, семейство. Представьте, Карлъ Иванычъ: именно это самое слово я ужъ слышалъ въ ассамблеѣ. Одинъ изъ посѣтителей, желая узнать, кто я таковъ, спросилъ у другаго: какъ мои фамилія?

ЛЕЙБМАНЪ.

Спрашивать о фамиліи, значитъ спрашивать

собственно о семействѣ; ему слѣдовало спросить: какъ вы прозываетесь?

ПОЛУБОЯРИНОВЪ, (*смотря на листъ*).

Представьте! Но что-жъ далѣе....

Комплименты, т. е. привѣтствія — прекрасно!

Коммерція, торговля.

Кондиціи, условія.

Корреспонденція, переписка — гораздо лучше.

Протекція! Покровительство... самое необходимое! Чудныя слова! надобно удивляться только, какъ мы прожили безъ нихъ по сіе время?

ЛЕЙБМАНЪ.

Для того-то они и вводятся.

ПОЛУБОЯРИНОВЪ.

И есть-же человѣкъ, именно, графъ Андрей Артамоновичъ Матвѣевъ, который всячески этому препятствуетъ.

ЛЕЙБМАНЪ.

Что за *фантазія!*

ПОЛУБОЯРИНОВЪ.

То-то и есть; чистая фантазія. Вообразите, хлопочетъ объ учрежденіи какой-то академіи и самъ сочиняетъ для нее предначертаніе.

ЛЕЙБМАНЪ.

Скажите: *планъ*, *проэктъ*, *организацію*.

ПОЛУБОЯРИНОВЪ.

Такъ точно; вообразите: хочетъ, чтобы она составляла русскія слова и преслѣдовала-бы сколько возможно иностранныя.

ЛЕЙБМАНЪ.

Просто, *химира*.

ПОЛУБОЯРИНОВЪ.

Чистая химира, потому-что онъ домогается даже награждать всякаго, кто нужное иностранное слово замѣнитъ чисто русскимъ.

ЛЕЙБМАНЪ.

Помилуйте! на это не достанетъ государственныхъ сокровищъ.

ПОЛУБОЯРИНОВЪ.

Разумѣется: по моему, ужъ гораздо-бы ближе остальныя-то русскія слова перевести по-нѣмецки. Да и чѣмъ замѣнить, какъ придумать? Дѣло не важное, возьмемте, напримѣръ, хоть слово *лейбъ*: оно, кажется, и ничего, а попробуйте отбросить, попробуйте замѣнить? Ужъ не то, воля ваша. Напримѣръ, лейбъ-медикъ! лейбъ-кучеръ! и пр. и пр.

ЛЕЙБМАНЪ

Натурально, натурально, (*вынимая изъ камзола записку*). Кстати, я васъ, какъ особеннаго любителя, могу подарить такими двумя словечками, которыми, при случаѣ, истинно можно блеснуть, Андрей Иванычъ.

ПОЛУБОЯРИНОВЪ.

Ради Бога! покажите, Карлъ Иванычъ.

ЛЕЙБМАНЪ.

Напримѣръ: *куртизанить?* то есть, подслуживаться, увиваться.

ПОЛУБОЯРИНОВЪ.

Понимаю, понимаю.

ЛЕЙБМАНЪ.

Напримѣръ: *экуировать?* то есть, кутить или вполнѣ наслаждаться.

ПОЛУБОЯРИНОВЪ.

Жуировать! чрезвычайно! Ахъ, вы мой *экуиръ!* дайте обнять себя, почтеннѣйшій, г. Лейбманъ.

—

VI.

ТѢЖЕ, СЛУГА,

СЛУГА.

Курьеръ отъ графа Матвѣева, требуетъ васъ къ его сіятельству за важнымъ дѣломъ, батюшка, Андрей Иванычъ.

ПОЛУБОЯРИНОВЪ.

Къ его сіятельству за важнымъ дѣломъ, когда я занимаюсь и жду гостя! Экая *конфузія*, подумаешь. Ну, Карлъ Ивановичъ, извините.

ЛЕЙБМАНЪ.

Напрасная *экскузація*; ничего не значитъ: до понедѣльника, не такъ-ли?

ПОЛУБОЯРИНОВЪ.

Такъ точно, къ которому непремѣнно все выучу.

ЛЕЙБМАНЪ.

Прощайте-жъ! (*уходитъ*).

ПОЛУБОЯРИНОВЪ.

Прощайте, почтеннѣйшій! Что тутъ дѣлать?

сказать чрезъ слугу, что не досужно, подумать не смѣю; писать, того пуще! (*слугѣ.*) Вели обождать, пока обдумаюсь. Добро, когда-бъ успѣть вернуться, а если не успѣю? Постой, ай-да Андрей Иванычъ, знатная идея! (*раздумывая*) Ну, что-жъ, тѣмъ лучше, скорѣй ознакомятся, да и только. Ей! Василиса Петровна! барышни! просимъ пожаловать.

—

VII.

ПОЛУБОЯРИНОВЪ, ЕГО ДОЧЕРИ, ВАСИЛИСА ПЕТРОВНА.

ПОЛУБОЯРИНОВЪ.

А гдѣ-жъ дражайшая гостья?

АГРАФЕНА АНДРЕЕВНА.

Она сей-часъ будетъ.

МАРЬЯ АНДРЕЕВНА.

Сестрица что-то дочитываетъ.

ПОЛУБОЯРИНОВЪ.

То-то и есть, не по вашему, вѣчно за книгами! Слушайте-жъ, вотъ въ чемъ дѣло; я жду гостя, а меня экстреннымъ образомъ требуетъ графъ Андрей Артамонычъ. Его слово законъ, я вернусь мигомъ, но если гость предупредитъ меня, слушай, Маша, прими его *деликатно*, проси обождать и обласкай сколько можно.

марья андреевна.

Ахъ, батюшка! воля ваша.... мнѣ этого не случалось, я не могу, я боюсь, я не умѣю.

полубояриновъ, (передразнивая).

Воля ваша! я боюсь, я не умѣю; а учители-то на что? а приказъ перенимать каждую *мину*, каждое слово, каждый *жестъ* ея сіятельства, графини Марьи Андреевны?—все втунѣ, деревенщина!

василиса петровна.

Вотъ до чего дожили! дѣвицамъ велятъ принимать мужчинъ! гдѣ это видано?

полубояриновъ.

Не прикажешь ли по твоему до старости бояться ихъ, какъ чертей, прости Господи!

василиса петровна.

Ужъ не женихъ ли еще какой, чего добраго?

полубояриновъ.

Женихъ? какой тутъ женихъ! (*тихо.*) Ахъ, ты старая колдунья!

марья андреевна, (*тихо сестрѣ*).

Слышишь, Грунюшка!

полубояриновъ, (*отводя Василису Петровну въ сторону*).

Слушай, Василиса Петровна! я давно проникъ твои замыслы: скажу въ ясныхъ *терминахъ*: если хочешь оставаться въ моемъ домѣ, то выбрось изъ головы глупую мысль, чтобъ на родной племянницѣ его сіятельства графа Матвѣева женить своего сынка, какого нибудь сержанта.

ВАСИЛИСА ПЕТРОВНА, (*рассердясь.*)

Сержантъ не недоросль, государь мой!

ПОЛУБОЯРИНОВЪ.

Не недоросль! а съ какой *интенцiей* это сказано? старая дурища!

ВАСИЛИСА ПЕТРОВНА.

Старая дурища?

МАРЬЯ АНДРЕЕВНА.

Они бранятся.

АГРАФЕНА АНДРЕЕВНА.

Не бойсь, она не поддастся.

ВАСИЛИСА ПЕТРОВНА.

Старая дурища! ужъ не за то ли, что не изгибаюсь передъ всякимъ въ три погибели, какъ иные?

ПОЛУБОЯРИНОВЪ.

Ахъ ты *ребелла!*

ВАСИЛИСА ПЕТРОВНА.

Не за то ли, что не перенимаю у нѣмцевъ коверкать русскiй языкъ, прости Господи!

ПОЛУБОЯРИНОВЪ, (*тихо*).

Это я!

ВАСИЛИСА ПЕТРОВНА.

Не за то-ли, что не срамлюсь и не учусь, потихоньку у танцмейстера кланяться, да шаркать, да плясать на старости.

ПОЛУБОЯРИНОВЪ, (*также*).

Совершенно я! (*вслухъ*). Такъ этакъ-то, г-жа Василиса Петровна! хулить, поносить, злословить свойственника и благодѣтеля. Коли такъ, кончено! вонъ изъ дому, сей-часъ — и вотъ мое рѣшенье.

ВАСИЛИСА ПЕТРОВНА.

Вонъ изъ дому, кого? меня, родственницу, дворянку! Ахъ ты старый плясунъ, ахъ ты танцмейстеръ этакой, прости Господи! да кто безъ меня наставитъ, кто приласкаетъ, кто сбережетъ моихъ голубушекъ?

(Обѣ Полубояриновы бросаются умилостивлять отца, который ихъ отталкиваетъ!)

МАРЬЯ АНДРЕЕВНА.

Батюшка! простите, простите Василису Петровну!

ПОЛУБОЯРИНОВЪ.

Ни за что, ни для кого на свѣтѣ!

ВАСИЛИСА ПЕТРОВНА.

Сама, сама не прощу, не дамъ себя въ обиду, сама середь бѣла дня караулъ закричу.

—

VIII.

ТѢЖЕ, ГРАФИНЯ МАТВѢЕВА.

ГРАФИНЯ, (*вбѣгая*).

Дядюшка! что это значитъ? вы меня перепугали.

ПОЛУБОЯРИНОВЪ.

Простите великодушно — послѣдняя [illegible] свои на своихъ, ваше сіятельство.

ГРАФИНЯ.

Полноте жъ, какъ не стыдно, добрый, любезный дядюшка.

ПОЛУБОЯРИНОВЪ.

И пѣтухъ на своемъ пепелищѣ храбрится, Марья Андреевна; что-жъ прикажите, когда всѣ ослушиваются.

ВАСИЛИСА ПЕТРОВНА.

Да въ чемъ ослушиваются?

ПОЛУБОЯРИНОВЪ.

Въ чемъ ослушиваются! разсудите сами. Я приказываю безъ меня принять и удержать гостя, а онѣ руками и ногами.

ГРАФИНЯ.

А кто-жъ этотъ гость?

ПОЛУБОЯРИНОВЪ.

Кто этотъ гость? (*всторону.*) Ни за что не скажу, чтобъ пуще переполошить. (*вслухъ*). Этотъ гость.... просто деревенскій сосѣдъ, съ которымъ мнѣ отмѣнно нужно видѣться, а онъ (*про себя:*) схитрю! (*вслухъ*) завтра же отъѣзжаетъ.

ГРАФИНЯ.

Такъ почему жъ не принять его?

ПОЛУБОЯРИНОВЪ.

Ну, такъ изволите видѣть, не хотятъ да и только.

СТАРШАЯ ДОЧЬ, (*въ слезахъ графинѣ*).

Сестрица! батюшка гонитъ изъ дому Василису Петровну.

ГРАФИНЯ.

Василису Петровну? это невозможно!

ВАСИЛИСА ПЕТРОВНА.

Да ужъ вѣстимо невозможно, матушка! самъ мѣста не найдетъ.

ПОЛУБОЯРИНОВЪ.

Воля вашего сіятельства, а на это есть важныя *персональныя* причины!

ГРАФИНЯ, (*качая головой*).

Дядюшка!

ПОЛУБОЯРИНОВЪ.

Сами разсудить извольте: каково въ своемъ дому терпѣть разныя намеки, да *афронты!*

ГРАФИНЯ.

Посмотрите, сестрицы плачутъ! старушка раскаивается.

ВАСИЛИСА ПЕТРОВНА.

Нѣтъ, нѣтъ, матушка, ни въ чемъ, ни въ чемъ не виновата.

ГРАФИНЯ.

Она взростила *кузинъ*, она готова просить прощенія.

ВАСИЛИСА ПЕТРОВНА.

Ни за что на свѣтѣ!

ГРАФИНЯ.

Онѣ одумаются и все исполнится по волѣ вашей.

ПОЛУБОЯРИНОВЪ.

Марья Андреевна! чего вы требуете....

ГРАФИНЯ.

Смѣю ли я требовать, я прошу, цѣлую любезнаго дядюшку.

ПОЛУБОЯРИНОВЪ, (*в сторону*).

Ахъ, ты Господи! да кто-жъ устоитъ противъ такой *атенціи!* (*вслухъ*) Такъ и быть, тяжело, но на этотъ разъ быть по вашему.

ВАСИЛИСА ПЕТРОВНА.

То-то и есть, образумился, старый грѣшникъ.

ГРАФИНЯ, (*прыгая*).

Дайте жъ, дайте жъ еще поцѣловать васъ.

ПОЛУБОЯРИНОВЪ.

Марья Андреевна! я ихъ прощаю.

ВАСИЛИСА ПЕТРОВНА, (*в сторону*.)

Экая милость!

ПОЛУБОЯРИНОВЪ.

Но вотъ *кондиція....*

ГРАФИНЯ.

Какая кондиція?

ПОЛУБОЯРИНОВЪ.

Чтобъ Маша непремѣнно приняла гостя.

ВАСИЛИСА ПЕТРОВНА, (*в сторону*.)

Чтобы Маша приняла гостя!

ГРАФИНЯ.

И приметъ.

ПОЛУБОЯРИНОВЪ.

Если такъ, прощайте жъ, я бѣгу, я опоздалъ до крайности. (*Василисѣ Петровнѣ*). Еслибъ не ея сіятельство, я далъ бы тебѣ, старая разскащица, за недоросля, да за танцмейстера!

ВАСИЛИСА ПЕТРОВНА.

Ужъ и я бы дала знать за сержанта, да старую дурищу! (*Полубояриновъ уходитъ*).

—

IX.

ТѢЖЕ, *кромѣ* ПОЛУБОЯРИНОВА.

МАША.

Заступница! благодѣтельница! дай разцѣловать тебя, мое сіятельство!

МАША И ГРУНЯ.

Милочка! душечка!

ГРАФИНЯ.

А, а каково? но изъ чего-жъ вы *разкапризничались*?

МАША.

Да какъ же принять мужчину?

ГРУНЯ.

И подумать ужасно!

ВАСИЛИСА ПЕТРОВНА.

Съ молоду не пріучены, ваше сіятельство.

ГРАФИНЯ.

Да что это за мужчина? слышите ли: сосѣдъ, деревенщина, чего жъ бояться?

ВАСИЛИСА ПЕТРОВНА.

Матушка, ваше сіятельство, да дѣвичье ли это дѣло? гдѣ это видано, когда бывало? повѣрьте, что этотъ новый, прости Господи! *маниръ* — тамъ, что-ли какой, — не доведетъ до добра православныхъ.

ГРАФИНЯ.

Нѣтъ, Василиса Петровна, сердитесь не сердитесь, и вы напрасно нападаете на всякія нововведенія. Былъ вѣкъ, теперь другой. Скажите сами

кузины, неужели вы не видите, что мы начинаемъ перерождаться? бывало, что за фигура: плеча вверхъ, голову внизъ, смотрѣли изъ подлобья, не знали, куда руки дѣвать, кланялись, какъ кормилицы. А теперь любо посмотрѣть: плеча внизъ, руки къ платью, голову вверхъ, немножко в сторону, чтобъ видѣть въ другую и, наконецъ, смотря по человѣку, *книксенъ* самый важный и *граціозный*.

МАША.

Оно и такъ, да гдѣ-жъ до этаго.

ГРУНЯ.

Сестрица, одолжи, выучи меня твоимъ *манерамъ*.

ГРАФИНЯ.

Съ охотой, Грунюшка. Да какъ ты сего-дня *авантажна!* какъ платье *потрафлено*,—того и смотри, что слѣлаешь *конкету!*

МАША.

Сестрица, голубушка, объ одномъ прошу! ради Бога, избавь меня отъ гостя.

ГРАФИНЯ.

Да это невозможно: дядюшка не шутя разсердится.

МАША.

Дружечикъ, милочка, душечка! знаешь что.... прими его втѣсто меня.

ГРАФИНЯ.

Вмѣсто тебя! (*хохочетъ*). Какая мысль! да это чудо! это цѣлая комедія.

ВАСИЛИСА ПЕТРОВНА.

Ахъ, мои матушки, да что вы такое затѣваете?

ГРАФИНЯ.

Слышишь, Василиса Петровна, проситъ, чтобъ я вмѣсто ея приняла гостя.

МАША, (*цѣлуя и упрашивая Василису Петровну*).

Василиса Петровна!

ВАСИЛИСА ПЕТРОВНА.

Ахъ, ты мое сокровище, мое дитятко.... чего бы я для тебя не сдѣлала!

ГРАФИНЯ.

Ну, а какъ узнаютъ? это можетъ меня *компрометировать*.

ВАСИЛИСА ПЕТРОВНА.

Узнать-то не узнаетъ, матушка....

МАША.

Ужъ мы не разскажемъ.

ГРУНЯ.

И этотъ гость завтра же совсѣмъ уѣдетъ.

ГРАФИНЯ.

Въ самомъ дѣлѣ? Ну что-жъ, славно! сыграю комедію! какъ вы думаете, Василиса Петровна—что? страшно немножко? совѣстно!

ВАСИЛИСА ПЕТРОВНА.

Дѣло, впрочемъ, не заочное, вѣдь и *я*, и сестрицы будутъ тутъ же.

ГРАФИНЯ.

Тѣмъ лучше! рѣшено, честь имѣю *рекомендоваться*: Я Марья Андреевна Полубояринова. По-

слушайте, Василиса Петровна, надобно сдѣлать *репетицію*.

ВАСИЛИСА ПЕТРОВНА.

Истинно не понимаю словъ нѣмецкихъ, ваше сіятельство.

ГРАФИНЯ.

Эхъ вы какія! видите, я играю комедію: (*Василиса Петровна тихонько плюетъ и крестится*) я представляю Машу, а вы, чтобъ мнѣ приладиться, пожалуйста, душечка, представьте мужчину.

ВАСИЛИСА ПЕТРОВНА.

Что вы это, ваше сіятельство, мнѣ представлять мужчину! Господи помилуй!

ГРАФИНЯ.

Да вѣдь это въ шутку, экія вы какія!

ВАСИЛИСА ПЕТРОВНА.

Воля милости вашей, а ужъ на старости лѣтъ не буду комедіанкою. Довольно я безъ того принимаю на душу! (*идетъ къ окну*).

ГРАФИНЯ.

Ахъ, какая скучная! Ну, куэнны, разставляйте стулья. Сюда три.... вотъ такъ, это для насъ. — А этотъ — гораздо подальше для *сосѣда*. Сядемте: вообразите, что онъ пріѣхалъ: старикъ пыхтитъ и входитъ: «нижайшее почтеніе, государыни мои!» — Добра и здоровья желаемъ, государь мой. «Премного бладарствую.» — Не угодно-ли отдохнуть да присѣсть, побесѣдовать. — «Нешто, прошу какія разумницы! просимъ насъ любить да жаловать.»

ВАСИЛИСА ПЕТРОВНА.

Гость пріѣхалъ!

ГРАФИНЯ.

Пріѣхалъ, пріѣхалъ! (*кузинамъ.*). Отворотимтесь немножко.

СЛУГА, (*вбѣгая.*)

Гвардіи подполковникъ Румянцевъ. *Всѣ съ словомъ: «Ахъ!» вскакиваютъ. Полубояриновы убѣгаютъ, остается графиня, а у дверей Василиса Петровна.*

—

X.

ГРАФИНЯ, ВАСИЛИСА ПЕТРОВНА, РУМЯНЦЕВЪ.

РУМЯНЦЕВЪ, (*Василисѣ Петровнѣ*).

Пожалуйте, скажите Андрею Ивановичу, что пріѣхалъ Румянцевъ.

ВАСИЛИСА ПЕТРОВНА, (*всторону*).

Государь мой.... Андрея Ивановича нѣтъ дома; онъ сей-часъ вернется... проситъ обождать, и вотъ барышня.... Марья Андреевна....

РУМЯНЦЕВЪ, (*про-себя*).

Это она, какое счастіе! (*Онъ и графиня церемонно раскланиваются*).

РУМЯНЦЕВЪ.

Смѣю-ли я дождаться возвращенія Андрея Ивановича?

ГРАФИНЯ, (*въ волненіи*).

Онъ приказалъ принять васъ и просить обождать. (*Смотритъ, не воротились ли кузины*).

РУМЯНЦЕВЪ.

Онъ этимъ случаемъ доставилъ мнѣ неожиданное удовольствіе.

ГРАФИНЯ, (*про себя*).

Я насилу держусь на ногахъ. (*Невольно садится и показываетъ Румянцеву на дальній стулъ.*) Неугодно-ли садиться.

РУМЯНЦЕВЪ, (*садясь*).

Покорнѣйше васъ благодарю. (*Румянцевъ вмѣсто дальняго стула садится на одномъ изъ тѣхъ, которые ближе. Графиня взглядываетъ на Василису Петровну, которая всплескиваетъ руками и закрываетъ глаза*).

РУМЯНЦЕВЪ.

Я въ первый разъ имѣлъ счастіе видѣть васъ на послѣдней ассамблеѣ.

ГРАФИНЯ.

Можетъ статься.

РУМЯНЦЕВЪ.

Недавно возвратясь изъ чужихъ краевъ, я ни съ кѣмъ почти не успѣлъ познакомиться.

ГРАФИНЯ.

Вы были за границей?

РУМЯНЦЕВЪ.

Былъ, по волѣ царской, но любовь къ отчизнѣ, какое-то тайное предчувствіе, тайная надежда на новое, невѣдомое для меня счастіе, всегда влекли меня въ землю родную.

ГРАФИНЯ.

Я думаю, что послѣ тамошняго, все наше кажется вамъ очень запоздалымъ.

РУМЯНЦЕВЪ.

Не думайте того, мы догонимъ, мы опередимъ ихъ, Марья Андреевна.

ГРАФИНЯ, (*оправляясь*).

Но музыка, художества, поэзія.

РУМЯНЦЕВЪ.

Повѣрьте, возвысится душа, слетитъ и поэзія.

ГРАФИНЯ.

Вы, конечно, видѣли все любопытное?

РУМЯНЦЕВЪ.

Я ничего не оставилъ безъ обозрѣнія — даже баловъ и танцевъ.

ГРАФИНЯ.

И театровъ? что-жъ вамъ больше понравилось?

РУМЯНЦЕВЪ.

Дитя ума и *физіогноміи*; подъ этимъ я разумѣю комедію. Признаюсь, французы рождены быть *актерами*, на нихъ любо смотрѣть. Въ Парижѣ, напримѣръ, я видѣлъ комедію подъ названіемъ: *Игра любви и случая*, гдѣ одна дѣвушка принимаетъ незнакомаго мужчину подъ чужимъ именемъ. Онъ влюбляется и послѣдствія выходятъ ужасныя. Конечно, это вымыселъ; но игра физіогноміи, ея смущеніе, упрекъ обмана, страхъ, чтобъ онъ не открылся—все это вмѣстѣ было мастерски выполнено—это стоило срисовать, Марья Андреевна.

ГРАФИНЯ, (*про себя*).

Я не выдержу!

РУМЯНЦЕВЪ.

Что до баловъ, это просто ложная выставка живыхъ и *мануфактурныхъ* произведеній природы.

ГРАФИНЯ.

Но *дамы*!

РУМЯНЦЕВЪ.

Клянусь вамъ, Марья Андреевна, что на послѣдней только ассамблеѣ, гдѣ вы были, я постигъ красоту и достоинство женщины.

ГРАФИНЯ.

Что вы хотите сказать, г. Румянцевъ?

РУМЯНЦЕВЪ.

Эта женщина, этотъ *идеалъ* совершенства, это вы, Марья Андреевна!

ГРАФИНЯ, (*вскакивая*).

Ахъ, Боже мой!...

ВАСИЛИСА ПЕТРОВНА.

Андрей Иванычъ! Андрей Иванычъ!

ГРАФИНЯ.

Онъ пріѣхалъ! (*Она убѣгаетъ, Василиса Петровна также скрывается*).

—

XI.

РУМЯНЦЕВЪ, *потомъ* ПОЛУБОЯРИНОВЪ.

РУМЯНЦЕВЪ.

Я внѣ себя, забылся, я увлекся! но чѣмъ бы ни кончилось, медлить не должно... (*увидя Полубояринова, бѣжитъ обнять его*). Андрей Ивановичъ!

ПОЛУБОЯРИНОВЪ.

Простите великодушно!

РУМЯНЦЕВЪ.

Ваше отсутствіе составляло мое счастіе!

РУМЯНЦЕВЪ.

Да, да; я познакомился, говорилъ, бесѣдовалъ съ Марьею Андреевною!

ПОЛУБОЯРИНОВЪ.

Не прогнѣвайтесь, ради Бога, если Машинька...

РУМЯНЦЕВЪ.

Понятія и воспитаніе вашей дочери составляютъ честь вашу.

ПОЛУБОЯРИНОВЪ, (*про себя*).

Прошу покорно!

РУМЯНЦЕВЪ.

Андрей Иванычъ! я скоръ, нетерпѣливъ, рѣшителенъ, таковъ нравъ мой! Не откажите въ моей просьбѣ.

ПОЛУБОЯРИНОВЪ.

Въ вашей просьбѣ!

РУМЯНЦЕВЪ.

Согласитесь назвать меня вашимъ зятемъ.

ПОЛУБОЯРИНОВЪ, (*бросаясь обнимать Румянцева*).

Александръ Ивановичъ! другъ, благодѣтель, зять вселюбезнѣйшій!

РУМЯНЦЕВЪ, (*также, обнимая его*).

Не забудьте, что для этого нужно согласіе Марьи Андреевны.

ПОЛУБОЯРИНОВЪ.

Согласенъ отецъ, согласна и дочь, по русскому обычаю.

РУМЯНЦЕВЪ.

Обычай обвѣтшалъ, поступимъ по новому.

ПОЛУБОЯРИНОВЪ.

Ручаюсь вамъ головой, Александръ Ивановичъ.

РУМЯНЦЕВЪ.

Постойте! Лучше обождать дѣйствительно, пока я не извѣщу государя.

ПОЛУБОЯРИНОВЪ.

Его царское величество!

РУМЯНЦЕВЪ.

Нѣтъ сомнѣнія, что государь не воспротивится. Но все, на случай... пока не изъявитъ соизволенія — да будетъ это тайной между нами.

ПОЛУБОЯРИНОВЪ.

Святой и ненарушимой!

РУМЯНЦЕВЪ.

Пожелайте же мнѣ счастья!

ПОЛУБОЯРИНОВЪ.

На все благое!

РУМЯНЦЕВЪ, (*уходя*).

Прощайте! Бѣгу за царскимъ благословеніемъ.

ПОЛУБОЯРИНОВЪ, (*въ восторгѣ*).

Уфъ! боюсь, чтобъ не разбилъ параличъ отъ радости.

—

ДѢЙСТВІЕ ВТОРОЕ.

НИ ЧЕМУ НЕ БЫВАТЬ!

—

I.

ГРАФИНЯ, *за ней обѣ* ПОЛУБОЯРИНОВЫ, ВАСИЛИСА ПЕТРОВНА.

ГРАФИНЯ.

Что мнѣ дѣлать? что мнѣ дѣлать! научите, Василиса Петровна!

ВАСИЛИСА ПЕТРОВНА.

Матушка, ваше сіятельство, не кручиньтесь, ради Господа!

МАША.

Сестрица, дружочикъ, успокойся, можетъ быть не узнаютъ.

ГРУНЯ.

Милочка! не плачь, чтобъ не догадались.

ГРАФИНЯ.

Узнаетъ батюшка, узнаютъ люди: я погибла!

ВАСИЛИСА ПЕТРОВНА.

Погибнутъ всѣ: и я, и первый Андрей Иванычъ.

ГРАФИНЯ.

Нѣтъ, Василиса Петровна, я одна виновата; я поступила, какъ вѣтренница, какъ сумасшедшая!

ВАСИЛИСА ПЕТРОВНА.

Матушка! объ одномъ прошу: ради Бога, не проговорись, пока возможно.

ГРАФИНЯ.

Это само собой должно открыться. Румянцевъ можетъ видѣть меня вездѣ: здѣсь, у насъ, въ гостяхъ, при дворѣ, даже у государыни!

ВАСИЛИСА ПЕТРОВНА.

Ахъ, я горемычная! что мы надѣлали!

II.

ТѢЖЕ, ПОЛУБОЯРИНОВЪ.

ПОЛУБОЯРИНОВЪ.

Маша, Груня, ваше сіятельство! помилуйте, что это значитъ? словно нарочно увертываетесь. Что я вижу? Марья Андреевна! у васъ глаза заплаканы?

ГРАФИНЯ.

Отъ одной ужасной исторіи, дядюшка.

ПОЛУБОЯРИНОВЪ.

Ахъ, матушка! Стоитъ-ли читать и покупать такія глупыя книги, чтобъ плакать. Выбросьте эту дрянь за окно, а поговорите, этакъ, объ чемъ нибудь повеселѣе: о сегодняшнемъ танцъ-классѣ, или, пожалуй, объ гостѣ, да объ ихъ переполохѣ. (*Подходя къ Машѣ съ небывалою лаской*). Ну, что-жъ, моя Машечка, моя умница, приняла таки гостя?

ВАСИЛИСА ПЕТРОВНА, (*за Машу*).

Какже-съ, батюшка.

ПОЛУБОЯРИНОВЪ, (*Машѣ*).

Умѣла-ль, не умѣла-ль, а удалось славно, моя душечка. Понятья и воспитанье дочери составляютъ честь отца, говорятъ люди. Василиса Петровна! да что за лукавый вотъ такъ тебя и отталкиваетъ въ сторону? Ну, подойди: миръ такъ миръ! Повѣришь ли, по лицу видно, что виновата: да ужъ Богъ проститъ, коли образумилась. Спасибо и за то, что послушалась. Какова-жъ Маша?

ВАСИЛИСА ПЕТРОВНА, (*всторону*).

То-то и есть: Маша да не наша, Өедотъ да не тотъ, говоритъ пословица.

ПОЛУБОЯРИНОВЪ.

Знаешь что, Василиса Петровна? Какъ-бы намъ изъ твоей свѣтлицы перенести, да повѣсить здѣсь портретъ Машиньки?

ВАСИЛИСА ПЕТРОВНА, (*смѣшавшись*).

Портретъ.... портретъ попортился, Андрей Иванычъ, такъ снесли къ живописцу.

ПОЛУБОЯРИНОВЪ.

И то дѣло.

ВАСИЛИСА ПЕТРОВНА, (*тихо Машѣ*).

Чуть было не попались.

ПОЛУБОЯРИНОВЪ.

А ужъ кто, что называется, разодолжилъ меня всѣхъ больше, такъ это графиня Марья Андреевна.

ГРАФИНЯ.

Я, дядюшка!...

ПОЛУБОЯРИНОВЪ.

Повѣрьте, ни чему-бъ не бывать безъ вашего сіятельства.

ГРАФИНЯ.

Вы тоже сдѣлали очень дурно, дядюшка, что не сказали правды о вашемъ гостѣ.

ПОЛУБОЯРИНОВЪ.

Марья Андреевна, разсудите: скажи я правду, пуще-бъ перепугались.

ГРАФИНЯ.

По крайней мѣрѣ.... тогда-бъ знали и поступали-бъ иначе.

ПОЛУБОЯРИНОВЪ.

Да ужъ поступлено такъ, что лучше требовать невозможно; повѣрьте этому. Между нами, я подозрѣваю даже, ужъ не влюбился ли онъ въ Машеньку!

ГРАФИНЯ.

Этого быть не можетъ!

ПОЛУБОЯРИНОВЪ.

Чтобъ влюбиться въ Машиньку?

ГРАФИНЯ.

Виновата, я не объ ней думала.

ПОЛУБОЯРИНОВЪ, (*про себя*).

Не объ ней думала? (*вслухъ*) Конечно, ужъ куда-жъ намъ до Румянцева.

ГРАФИНЯ.

Румянцевъ не одинъ на свѣтѣ, есть и другіе.

ПОЛУБОЯРИНОВЪ, (*про себя*).

Есть и другіе? (*вслухъ*) Конечно, есть и другіе, да не такіе, матушка, Марья Андреевна.

ГРАФИНЯ.

Скажите, дядюшка, неужели онъ будетъ къ вамъ ѣздить?

ПОЛУБОЯРИНОВЪ.

Почему-жъ не удостоитъ и нашу братью, ваше сіятельство?

ГРАФИНЯ.

Ахъ! дядюшка, во всякомъ случаѣ, не говорите ему обо мнѣ ни слова.

ПОЛУБОЯРИНОВЪ.

Помилуйте! неужели вы стыдитесь роднаго дяди?

ГРАФИНЯ.

Не то, не то, дядюшка! но знакомство внѣ дома съ мужчиною можетъ сильно прогнѣвать батюшку.

ПОЛУБОЯРИНОВЪ.

Что правда, то правда.

ГРАФИНЯ.

Къ чему вамъ гоняться за Румянцевымъ?

ПОЛУБОЯРИНОВЪ, (*съ ироніей*).

И въ самомъ дѣлѣ.

ГРАФИНЯ.

Онъ не женихъ для Машеньки.

ПОЛУБОЯРИНОВЪ.

Неужели....

—

III.

ТѢЖЕ, СЛУГА, *потомъ* ТАНЦМЕЙСТЕРЪ *съ* МУЗЫКАНТОМЪ.

СЛУГА.

Василиса Петровна! *танцмейстеръ* пріѣхалъ.

ВАСИЛИСА ПЕТРОВНА.

До мнѣ, провались онъ сквозь землю, окаянный!

ГРУНЯ, (*подбѣгая къ графинѣ*).

Танцмейстеръ, танцмейстеръ, душечка сестрица!

ПОЛУБОЯРИНОВЪ, (*слугѣ*).

Ну, проси; объ чемъ тутъ докладывать. (*Отходя въ сторону*). Къ чему гоняться за Румянцевымъ, онъ не женихъ, Маша не невѣста, объ ней ни слова. Ахъ, ты Боже мой! да что-жъ это значитъ? Ужъ не зависть, не ревность-ли? подумать не смѣю, а ужъ что-то подозрительно.... (*увидя танцмейстера*). А! г. Шпрингеръ, добро пожаловать.

(*Шпрингеръ раскланивается по-танцмейстерски*).

ПОЛУБОЯРИНОВЪ.

Ба! да и съ музыкантомъ?

ШПРИНГЕРЪ.

Мейнъ-швагеръ изъ Стокгольмъ.

ПОЛУБОЯРИНОВЪ.

Да ужъ послѣ выписныхъ вѣнскихъ музыкантовъ, ты насъ не удивишь шведскимъ, г. Шпрингеръ.

ШПРИНГЕРЪ.

Вы изволитъ слущать, это совсѣмъ нѣтъ хуже.

ПОЛУБОЯРИНОВЪ.

Послушаемъ, послушаемъ; а ужъ признаться, отъ польскаго козла *, литавръ да барабановъ, въ ушахъ трещитъ, прости Господи!

ШПРИНГЕРЪ.

Прикажитъ начинай, Андрей Иванычъ?

ПОЛУБОЯРИНОВЪ.

Начинать, начинать, а мы посмотримъ, да полюбуемся. (*Садится въ кресла и смотритъ на часы*).

ГРАФИНЯ.

Ахъ, мнѣ не до танцевъ, кузины.

ГРУНЯ.

Марья Андреевна не хочетъ танцовать, батюшка!

ПОЛУБОЯРИНОВЪ.

Марья Андреевна, что это значитъ?

ГРАФИНЯ.

Я, право, не расположена, дядюшка.

ПОЛУБОЯРИНОВЪ.

Помилуйте, да безъ васъ онѣ съ мѣста не

* Родъ рожка, бывшаго тогда въ большомъ употребленіи.

двинутся. Вотъ то-то матушка; на исторіи, такъ вы первая, а тутъ и одолжить не хотите.

ШПРИНГЕРЪ, (*музыканту*).

Ей, *полонезъ*!

ПОЛУБОЯРИНОВЪ, (*ангажируя*).

Марья Андреевна! неужели откажите всепокорнѣйшему?

(*Графиня подаетъ руку дядѣ. Полубояриновъ бодрится, особенно проходя мимо Шпрингера*).

ПОЛУБОЯРИНОВЪ.

Что? каково, г. танцмейстеръ?

ШПРИНГЕРЪ.

Корошъ! совершенъ картинъ!

ПОЛУБОЯРИНОВЪ.

То-то и есть, безъ *комплементовъ* сказать: важно, врожденно; какъ парусъ, прости Господи! настоящій русскій баринъ?

(*Шпрингеръ также проходитъ польскій съ обѣими Полубояриновыми*).

ПОЛУБОЯРИНОВЪ, (*глядя на дочерей*).

Туповаты на ходу немножко, а впрочемъ славно, славно!

ШПРИНГЕРЪ, (*музыканту*).

Геръ швагеръ! минюетъ?

ПОЛУБОЯРИНОВЪ.

А! миноваю! знаемъ, знаемъ, штука знатная.

(*Шпрингеръ устанавливаетъ дѣвицъ и самъ съ ними танцуетъ*).

ПОЛУБОЯРИНОВЪ.

Что, Василиса Петровна, не нашего поля ягода; больно не нравятся тебѣ всякія нововведенія?

ВАСИЛИСА ПЕТРОВНА.

Не знаю-съ, батюшка.

ПОЛУБОЯРИНОВЪ.

По сіе время, проѣзжая мимо Кунскамеры, плюемъ да крестимся.

ВАСИЛИСА ПЕТРОВНА.

Крестъ нигдѣ не мѣшаетъ, государь мой.

ПОЛУБОЯРИНОВЪ.

Въ ассамблею и калачемъ, чай, не заманишь?

ВАСИЛИСА ПЕТРОВНА.

Воля милости вашей, а пока жива, не загляну туда, Андрей Иванычъ!

—

IV.

ТѢЖЕ, СЛУГА *и за нимъ* РУМЯНЦЕВЪ (*входитъ нѣсколько встревоженный, онъ раскланивается и танцы пріостанавливаются*).

СЛУГА, (*вбѣгая*).

Г. Румянцевъ!

ГРАФИНЯ, (*всторону*).

Боже мой! опять Румянцевъ!

ПОЛУБОЯРИНОВЪ, (*бѣжитъ на встрѣчу*).

Скажите, ради Бога! Александръ Иванычъ!

РУМЯНЦЕВЪ, (*тихо*).

Я докладывалъ государю.

ПОЛУБОЯРИНОВЪ.

Докладывали! (*отъ нетерпѣнья досадуетъ, что Румянцевъ, отворачиваясь, поглядываетъ на дѣвицъ*). Г. танцмейстеръ! продолжайте, продолжайте! (*Румянцеву*). Ну, что-жъ, Александръ Иванычъ?

РУМЯНЦЕВЪ.

«*Отъ сговора удержись*,» сказалъ мнѣ Царь: «*я самъ посмотрю невѣсту и, буде она тебя достойна, то не стану препятствовать твоему благополучію.*»

ПОЛУБОЯРИНОВЪ, (*тихо*).

Дѣло худо, Александръ Иванычъ?

РУМЯНЦЕВЪ.

Ничего не бывало! намъ должно только какъ можно скорѣе показать государю Марью Андреевну.

ПОЛУБОЯРИНОВЪ.

Какимъ же образомъ? наставьте ради Бога!

РУМЯНЦЕВЪ.

Постарайтесь быть на сегоднишней ассамблеѣ. Тамъ будетъ Государь и я самъ напомню и укажу на Марью Андреевну.

ПОЛУБОЯРИНОВЪ.

Прекрасно, прекрасно! (*вслухъ*) Дѣвицы! поздравляю васъ съ *сюрпризомъ*. Сего-дня мы ѣдимъ въ ассамблею!

ДѢВИЦЫ, (*съ неудовольствіемъ*).

Въ ассамблею!

графиня, (*Василисѣ Петровнѣ*).

Я ни за что не поѣду.

василиса петровна, (*Полубояринову*).

Марьѣ Андреевнѣ ѣхать не угодно.

полубояриновъ.

Не угодно (*про себя*). *Супсона* подтверждается! (*подходя къ графинѣ*). Марья Андреевна! отъ этой ассамблеи зависитъ, можетъ быть, счастье Машиньки. Воля ваша, если вы заупрямитесь, чего-бъ не стоило, я объявлю о вашемъ сіятельствѣ Румянцеву.

графиня, (*тихо*).

Дядюшка, дядюшка, я ѣду съ охотой для Машиньки.

полубояриновъ, (*мимоходомъ Румянцеву*).

Она ѣдетъ.

румянцевъ.

Она ѣдетъ!

полубояриновъ, (*тихо*).

Ахъ, Александръ Ивановичъ! что, если да Машинька не понравится Его Величеству?

румянцевъ, (*издали любуясь Марьею Андреевною*).

Взгляните сами! этого быть не можетъ.

полубояриновъ.

Вы думаете? дай-то Господи! (*усаживая Румянцева*) присядьте, присядьте, почтеннѣйшій! побесѣдуемте, да посмотримъ. Ну, г. Шпрингеръ,

нельзя ли для ассамблеи еще немножко съ моими? Да знаете, по одиночкѣ, оно лучше, видите, отчетистѣе.

ШПРИНГЕРЪ.

Зеръ гутъ, зеръ гутъ! (*онъ беретъ Машу, она упрямится*). Аберъ зачомъ... это никакъ нѣтъ можно Андрей Иванычъ!

(Отецъ съ неудовольствіемъ грозитъ, она опять начинаетъ; Шпрингеръ хлопочетъ, потѣетъ, она упрямится и рвется. Наконецъ, вмѣсто того, чтобы въ минуэтѣ оборотиться лицомъ къ Шпрингеру, она становится задомъ).

ШПРИНГЕРЪ.

Помилть! сюда, не здѣсь, куда ви пошелъ, куда ви пошелъ?

МАША, (*вырываясь, плачетъ*).

Я не хочу, я не могу, я не умѣю!

ПОЛУБОЯРИНОВЪ, (*вскакивая*).

Довольно, довольно, г. Шпрингеръ! истинно говорится: *идти въ науку, терпѣть муку!*

(Въ это время сильно хлопнула дверь и всѣ какъ будто остолбенѣли).

V.

ТѢЖЕ, *и перепуганный* ДВОРЕЦКІЙ.

ПОЛУБОЯРИНОВЪ.

Что это значитъ, Мироничъ? на тебѣ лица не видно.

МИРОНЫЧЪ.

Не могу, не въ силахъ, ноги подкосились, душа въ пятки ушла. Андрей Иванычъ.... (*Василиса Петровна поддерживаетъ Мироныча*).

ПОЛУБОЯРИНОВЪ.

Что за *аказія*!

ВАСИЛИСА ПЕТРОВНА.

Говори, говори, Миронычъ.

МИРОНЫЧЪ.

Языкъ прилипъ, слова не могу выговорить!

ПОЛУБОЯРИНОВЪ.

Говори, говори, что случилось?

МИРОНЫЧЪ.

Андрей Иванычъ!... сейчасъ... въ нашемъ домѣ...

ПОЛУБОЯРИНОВЪ.

Что въ моемъ домѣ?..

МИРОНЫЧЪ.

Изволилъ быть его царское величество! *

ВСѢ.

Государь!

ГРАФИНЯ, (*про себя*).

Боже мой! что это значитъ!

---

* Государь пріѣзжалъ скрытнымъ образомъ и когда дверь залы была отворена, то онъ видѣлъ невѣсту и, сказавъ про себя, такъ что и другіе, стоявшіе у двери, могли то слышать: «ни чему не бывать» — уѣхалъ. См. *Дѣянія Знамен. Полководцевъ и Министровъ Петра I-го*, Бантышъ-Каменскаго. Часть II, стр. 222.

МИРОНЫЧЪ.

Онъ вошелъ въ сѣни.... погрозилъ мнѣ страшно, и тихонько началъ смотрѣть въ двери,

РУМЯНЦЕВЪ.

Онъ видѣлъ Марью Андреевну: этого довольно!

МИРОНЫЧЪ.

Этого мало, государь милостивый. Царь, гнѣвно хлопнувъ дверью, сказалъ: *ни чему не бывать!* и исчезъ, какъ молнія!

ВСѢ.

Ни чему не бывать!

(*Полубояриновъ чуть не убитый, опирается на столъ и невольно падаетъ въ кресла*)

РУМЯНЦЕВЪ.

Нѣтъ, быть не можетъ, это ошибка. Успокойтесь, успокойтесь, Андрей Ивановичъ!

ГРАФИНЯ, (*своимъ.*)

Боже мой, нашъ обманъ, его пріѣзды, ихъ скрытность, государь! я погибла! онъ по ошибкѣ ищетъ на мнѣ жениться!

(*Дѣвицы и Василиса Петровна суетятся около графини.*)

РУМЯНЦЕВЪ, (*Полубояринову*).

Говорю вамъ, успокойтесь, Андрей Ивановичъ, я брошусь къ стопамъ царя. Безъ Марьи Андреевны я погибъ! Она мнѣ все: жизнь, слава, счастье!

ГРАФИНЯ, (*почти въ иступленіи.*)

Нѣтъ сомнѣнья! Александръ Ивановичъ, остановитесь!

полубояриновъ, (*вскакивая.*)

Я не ошибся!

графиня, (*Румянцеву.*)

Ради Бога! не противьтесь государю!

полубояриновъ.

Пустой *претекстъ!* не слушайте, не слушайте! слѣдуйте своимъ *сентиментамъ*, Александръ Иванычъ!

румянцевъ, (*уходя.*)

Царь меня приметъ, выслушаетъ, сжалится, не погубитъ!

—

VI.

тѣже, *кромѣ* румянцева.

полубояриновъ, (*въ отчаяніи.*)

Шляпу, палку, колымагу! *Алармъ! Скандалъ!* да и только! Всѣ за мной къ графу Андрею Артамоновичу! (*Уходятъ.*)

графиня, (*вслѣдъ ему.*)

Дядюшка, дядюшка! постойте, постойте!

(*Всѣ бѣгутъ, стараясь удержать; графиню занавѣсъ опускается*).

—

ДѢЙСТВІЕ ТРЕТЬЕ.

ПЕРВЫЙ АУКЦІОНЪ.

I.

Въ домѣ графа Матвѣева.

ПОЛУБОЯРИНОВЪ.

Бѣжалъ, какъ сумасшедшій, увязъ, чуть не потонулъ *на преспективѣ*, а графа нѣтъ дома! Что если сватовство Румянцева за мою Машу да отказъ государя разгласится и помимо меня дойдетъ до его сіятельства? Тогда пропалъ Андрей Иванычъ! Я задохся, отдохнемъ и во ожиданіи, разсѣемся, хоть этимъ (*беретъ со стола книгу*). — Календарь, или мѣсяцословъ 1721 года (*читаетъ*).

«О затмѣніяхъ солнечныхъ и лунныхъ« *прогностикъ* на 12 мѣсяцевъ. Генварь, февраль, мартъ, апрѣль.... что-жъ въ апрѣлѣ? (*читаетъ*) «обычно есть въ пословицѣ глаголати: «въ *апрѣлѣ огородные сверчки начинаютъ являть свои скачки.*» Ибо въ семъ мѣсяцѣ, какъ еще снѣжныя и громовыя тучи обыкли бывати, тако иному случается противу противной *фортуны* и препятія своего дѣла, болѣе скачковъ въ головѣ имѣти,» —На счетъ противной фортуны и скачковъ въ головѣ истинно остро и справедливо сказано. Далѣе.... (*читаетъ*).

«О войнѣ и мірскихъ дѣлахъ.»

«О плодородіи и недородіи.»

«О здравіи и болѣзняхъ.»

«Знаки кровопусканія и дни, когда принимать лекарства.»

Славная книга! А эта? (*беретъ другую*).

Санктпітербурхскія вѣдомости. Посмотримъ, что новаго на бѣломъ свѣтѣ (*читаетъ*). *Изъ Стокгольма*: «вчерась о пяти часахъ послѣ полудня стался пожаръ и такъ ярко, что въ два часа времени множество домовъ помело пепломъ.»

И ништо, за чѣмъ воевали.

Изъ Копенгагена: «Король разсудилъ за потребно, для важныхъ резоновъ, жениться на Герцогинѣ Шлезвицкой.»

Что резонъ, то резонъ!

Изъ Лондона: «Отъ 14 февраля, здѣсь молва великая носится, что будутъ чинить великія перемѣны въ главныхъ государственныхъ *шаржахъ*.»

Изъ Вѣны: «Въ прошлые дни была здѣсь жестокая буря съ молніею, градомъ, а потомъ шло множество снѣгу, который разстаялъ, однако-жъ Перунъ упалъ на мостъ, который на Дунаѣ, такъ что часть его сожгло». — Перунъ! не забыть бы спросить о немъ Карла Иваныча.

—

II.

ПОЛУБОЯРИНОВЪ, БАРОНЪ БЕРНГОЛЬЦЪ, СЛУГИ.

БАРОНЪ.

Знаю, знаю, что графа нѣтъ дома, но я не къ нему, я ищу живописца Захарова.

СЛУГА.

Другіе собрались *къ аукціону*, а онъ не бывалъ, кажется.

БАРОНЪ.

Посмотри, пожалуй! и если онъ здѣсь, то вызови на минуту. Скажи, что спѣшу и дожидаться некогда. (*Слуга уходитъ. Полубояринову*). Вы, вѣрно, любитель художествъ и по раньше пожаловали на аукціонъ?

ПОЛУБОЯРИНОВЪ.

Отчасти, впрочемъ, я здѣсь человѣкъ домашній. Я Полубояриновъ—своякъ его сіятельства.

БАРОНЪ.

Возможно ли! какая встрѣча.

ПОЛУБОЯРИНОВЪ.

Что-жъ тутъ удивительнаго, государь мой?

БАРОНЪ.

Что удивительнаго? да развѣ не съ вами познакомился Румянцевъ.

ПОЛУБОЯРИНОВЪ.

Румянцевъ! (*всторону*). Такъ и есть! исторія разгласилась!

БАРОНЪ, (*таинственно*).

Я все знаю.

ПОЛУБОЯРИНОВЪ, (*всторону.*)

Все знаетъ! узналъ и Андрей Артамоновичъ.

БАРОНЪ.

Рекомендуюсь, я баронъ Бернгольцъ.

ПОЛУБОЯРИНОВЪ.

Боже мой! разгласитъ по всей Европѣ!

БАРОНЪ, (*глядя на часы*).

А, а! поспѣшу, не то опоздаю.

ПОЛУБОЯРИНОВЪ, (*всторону*).

Спѣшитъ разбарабанить!

СЛУГА, (*вбѣгая*).

Захаровъ не бывалъ, но его ждутъ.

БАРОНЪ.

Жаль, а дѣлать нечего! (*слугѣ, шаря за пазухой*). Слушай, когда придетъ Захаровъ, отдай ему эту вещь и скажи: что я самъ былъ и дожидался. Кстати, г. Полубояриновъ, какъ любитель художествъ, не хотите-ли полюбоваться славнымъ русскимъ мастерствомъ!

ПОЛУБОЯРИНОВЪ, (*взглянувъ на портретъ, выхватываетъ его изъ рукъ Бернгольца*).

Боже мой! что я вижу?

БЕРНГОЛЬЦЪ.

Вотъ что значитъ быть истиннымъ любителемъ!

ПОЛУБОЯРИНОВЪ.

Г. баронъ.... какъ онъ вамъ достался?

БАРОНЪ.

Онъ не мой, а принадлежитъ какому-то сержанту.

ПОЛУБОЯРИНОВЪ.

Сержанту!

БАРОНЪ.

Вообразите! но пожалуйте! мнѣ некогда.

ПОЛУБОЯРИНОВЪ.

Нѣтъ, я самъ отдамъ его—по принадлежности.

БАРОНЪ.

Тѣмъ лучше! до радостнаго свиданья!

(*Уходитъ и за нимъ слуга.*)

ПОЛУБОЯРИНОВЪ.

Чтобъ вѣчно не видать тебя, воронъ заморскій.

—

III.

ПОЛУБОЯРИНОВЪ.

Портретъ моей дочери! я въ *десперацiи!* а все старая *интригантка!* «Портетъ попортился, портретъ снесли къ живописцу!» Такъ вотъ зачѣмъ снесли, чтобъ написать другой, носить по городу, отбить жениховъ и кончить сержантомъ! такъ и есть! бѣда одна не приходитъ. Возстанетъ судьба! — вотъ такъ и пойдетъ доколачивать!

—

IV.

ПОЛУБОЯРИНОВЪ, ГРАФИНЯ, МАША, ВАСИЛИСА ПЕТРОВНА.

МАША, (*подбѣгая къ отцу*).

Вотъ и мы пріѣхали!

ПОЛУБОЯРИНОВЪ, (*въ бѣшенствѣ.*)

Пріѣхали! (*бѣжитъ къ дверямъ, схватываетъ за руку Василису Петровну и тащитъ впередъ.*) А, а! попалась—Эзавель окаянная!

ГРАФИНЯ.

Дядюшка, пощадите!

ПОЛУБОЯРИНОВЪ.

Конецъ, Марья Андреевна, конецъ ласкамъ! конецъ сказкамъ да присказкамъ! (*Василисѣ Петровнѣ.*) Скажи! вѣришь ли ты суду страшному?

ВАСИЛИСА ПЕТРОВНА, (*въ страшномъ испугѣ.*)

Кто жъ не вѣритъ, государь мой!

ПОЛУБОЯРИНОВЪ.

Тьма кромечная, огонь вѣчный — все открылось! Нѣтъ спасенья!

ВАСИЛИСА ПЕТРОВНА (*на колѣнахъ.*)

Не погубите! пустите душу на покаянье, Андрей Иванычъ.

ГРАФИНЯ.

Дядюшка! шутка, хоть и дурная, но простительная—все-таки не злодѣйство!

ПОЛУБОЯРИНОВЪ.

Шутка! славная шутка! (*Василисѣ Петровнѣ*). Чей это портретъ, смотрите, смотрите обѣ.... Чей это портретъ, развратницы?

МАША, (*упадая на колѣна*).

Батюшка!

ПОЛУБОЯРИНОВЪ.

И все это для сынка Василисы Петровны? Ахъ, ты сержанша! тебѣ-ли быть подполковницей!

ГРАФИНЯ.

Дядюшка, дядюшка! я всѣхъ больше виновата.

ПОЛУБОЯРИНОВЪ.

Что вы сказали!... еще-ли мало! ну доразсказывайте, Марья Андреевна.

ГРАФИНЯ.

Изъ рѣзвости, изъ шалости, обманутая вами на счетъ гостя, въ которомъ мы думали найти стараго деревенщину, я.... чтобъ помочь Машѣ, приняла.... вмѣсто ея Румянцева.

ПОЛУБОЯРИНОВЪ.

Кресло, кресло! я не выдержу.

ГРАФИНЯ.

По ошибкѣ, по сходству именъ, онъ считаетъ меня вашею дочерью, простите, спасите меня, дядюшка!

ПОЛУБОЯРИНОВЪ.

Ну, Марья Андреевна, погубили, погубили и себя, и меня, и все семейство!

ГРАФИНЯ.

Я брошусь къ батюшкѣ и во всемъ признаюсь!

ПОЛУБОЯРИНОВЪ, (*про себя*).

Ей монастырь, мнѣ петля, старухѣ каторга!

ГРАФИНЯ.

Этого мало, дядюшка....

ПОЛУБОЯРИНОВЪ, (*вскакивая*).

Этого мало! что-жъ вы еще хотите?

ГРАФИНЯ.

Я хочу видѣться съ Румянцевымъ.

ПОЛУБОЯРИНОВЪ.

Марья Андреевна! бойтесь новой исторіи. Мало, чтобы читать, хотѣли сочинить и сочинили, да ужъ такую, что пуще всякой иностранной.

—

V.

ТѢЖЕ, РУМЯНЦЕВЪ.

РУМЯНЦЕВЪ.

Андрей Иванычъ—все погибло!

ПОЛУБОЯРИНОВЪ.

Такъ, все погибло, Александръ Иванычъ!

РУМЯНЦЕВЪ.

Государь велитъ одно, сердце требуетъ другаго. Лить кровь за царя готовъ до капли, но жениться, или не жениться по его волѣ, это дѣло другое, ваше царское величество. Андрей Иванычъ! я сдѣлалъ предложенье, вы дали слово, я осчастливилъ васъ,—дочь вашу! Такъ отказаться бы-

ло бы безчестно. — Румянцевъ не таковъ. Онъ на все рѣшится, всѣмъ пожертвуетъ, даже царскою милостью.

ПОЛУБОЯРИНОВЪ.

Нѣтъ, ни за что на свѣтѣ!

РУМЯНЦЕВЪ.

Марья Андреевна!

ГРАФИНЯ.

Александръ Ивановичъ.... я должна просить у васъ прощенья.

РУМЯНЦЕВЪ.

Прощенья! у меня? просить прощенья!

ГРАФИНЯ.

Я передъ вами виновата, такъ виновата, какъ вы не воображаете.

РУМЯНЦЕВЪ.

Что это значитъ?

ГРАФИНЯ.

Шутка, рѣзвость, неожиданность, могутъ имѣть ужасныя для меня послѣдствія!

РУМЯНЦЕВЪ.

Ради Бога говорите, Марья Андреевна.

ГРАФИНЯ.

Я — дочь графа Матвѣева!

РУМЯНЦЕВЪ.

Дочь графа Матвѣева!

ГРАФИНЯ.

Дядюшка, у котораго я гостила, ожидая васъ, сказалъ, что ждетъ деревенскаго сосѣда, велѣлъ непремѣнно принять его; сестра боялась, я, изъ

шалости, чтобъ пособить ей, заняла ея мѣсто; вы вошли, — сестрица убѣжала.....

РУМЯНЦЕВЪ.

И я вмѣсто мнимой дѣвицы Полубояриновой, искалъ руки дочери графа Матвѣева.

ГРАФИНЯ.

Дядюшка скрывалъ, мы ничего не знали.

РУМЯНЦЕВЪ.

Я слишкомъ уважаю васъ, чтобъ дѣтскую шалость принять за личную насмѣшку; но случай этотъ — ужасенъ, Марья Андреевна!

ГРАФИНЯ.

Я это чувствую, я мучусь, я слишкомъ наказана.

РУМЯНЦЕВЪ.

Еслибъ я зналъ, что вы дочь надмѣннаго вельможи, графа Матвѣева, повѣрьте, я не такъ тщеславенъ, и никогда не смѣлъ бы искать руки вашей. Еслибъ невольно даже эта мысль вкралась въ мою душу, я бы изгналъ, я бы вырвалъ ее, во что бы то ни стало. Теперь это поздно... Я увлекся надеждою и искра перваго впечатлѣнія обратилась въ страсть, Марья Андреевна.

ГРАФИНЯ.

Александръ Ивановичъ!

РУМЯНЦЕВЪ.

Успокойтесь! клянусь вамъ всѣмъ, что для меня драгоцѣнно, клянусь вамъ, что о случившемся никто не узнаетъ.

ГРАФИНЯ.

По чувствамъ вашимъ — я была въ томъ уверена.

РУМЯНЦЕВЪ.

Но шутка ваша, въ существѣ своемъ дѣтская, огласила сестрицу вашу, огорчила добраго дядю — она погубила меня, графиня.

ГРАФИНЯ.

Сжальтесь, пощадите! я сама несчастлива! *между лакеями начинается суета*).

СЛУГА, (*вбѣгая*).

Графъ пріѣхалъ.

ПОЛУБОЯРИНОВЪ.

Этого недоставало!

—

VI.

ТѢЖЕ, ГРАФЪ МАТВѢЕВЪ.

ГРАФЪ, (*увидя дочь, которая шла его встрѣтить*).

Машинька, другъ мой! ты въ слезахъ. (*Полубояринову*). Андрей Ивановичъ, что это значитъ? (*увидя Румянцева, сухо*). Здравствуйте г. подполковникъ.

ПОЛУБОЯРИНОВЪ.

Я бранилъ.... дочь, она этого стоила. Марья Андреевна вступилась — и сама расплакалась.

ГРАФЪ.

Что вступилась, это хорошо, (*тихо*) не плакать, при чужихъ, не годится! (*вслухъ*). Постой, я утѣшу тебя и какъ ты думаешь, чѣмъ? царскою милостью, и какою-жъ? царскимъ поцѣлуемъ! (*цѣлуя дочь*). Да, да, Государь, оставляя меня, сказалъ: поцѣлуй отъ меня нашу Машиньку, да намекни, что я видѣлъ ее сегодня. (*Полубояриновъ вздрагиваетъ*). Да гдѣ-жъ Государь могъ тебя видѣть?

ПОЛУБОЯРИНОВЪ.

Онѣ.... сегодня катались по городу и вѣрно.... имѣли счастье встрѣтиться съ его царскимъ величествомъ.

ГРАФЪ.

Должно быть такъ. Да отъ чего ты блѣденъ, какъ смерть, Андрей Ивановичъ?

ПОЛУБОЯРИНОВЪ.

Отъ *акцесса* лихорадки, ваше графское сіятельство.

ГРАФЪ.

Да и вы, г. Румянцевъ, сильно встревожены.

РУМЯНЦЕВЪ.

Отъ неожиданной потери, графъ.

ГРАФЪ.

Вѣрно родственной?

РУМЯНЦЕВЪ.

Душевной, невозвратной! Чтобъ удалиться отъ мѣста, напоминающаго эту потерю — я ѣду въ Малороссію на службу.

графъ.

Въ Малороссію! жалѣю. А что жъ наши художники и аукціонъ, намъ порученный?

румянцевъ.

Художники должны быть здѣсь; посѣтители сходятся. — Я узнаю.... (*уходитъ*).

графъ.

А вамъ, дѣвицы, здѣсь не мѣсто, особливо съ заплаканными глазами.

графиня, (*тихо уходитъ*).

Въ Малороссію!

(*Дѣвицы уходятъ*).

полубояриновъ, (*всторону*).

Ну! какъ гора съ плечь!

—

VII.

ГРАФЪ МАТВѢЕВЪ, ПОЛУБОЯРИНОВЪ, МАЛО-ПОМАЛУ РАЗНЫЕ ПОСѢТИТЕЛИ.

графъ, (*Полубояринову*).

Что-жъ, Андрей Иванычъ, ужъ вѣрно купишь картину?

полубояриновъ.

Какъ приказать изволите, ваше сіятельство?

графъ.

Не мѣшаетъ, даже совѣтую, распишутъ въ вѣдомостяхъ и все-таки, какъ ни на есть, а имя твое попадется въ глаза государю.

ПОЛУБОЯРИНОВЪ.

Непремѣнно, непремѣнно куплю, ваше сіятельство.

ГРАФЪ.

Знаешь ли чему дивлюсь, Андрей Ивановичъ?

ПОЛУБОЯРИНОВЪ.

Чему.... ваше сіятельство?

ГРАФЪ.

Этакъ переродиться въ одинъ годъ.... чудо да и только. Вотъ что значитъ добрая воля. Еще шагъ, два, и кончено.

ПОЛУБОЯРИНОВЪ, (*про себя*).

И полѣзай въ петлю! (*вслухъ*) Истинно; все это по высокой *эстимѣ* и *протекціи*, ваше сіятельство.

ГРАФЪ.

Эстимѣ! протекція!... Экая страсть пестрить да коверкать русскій языкъ нѣмецкими словами.

ПОЛУБОЯРИНОВЪ.

Да кто-жъ его не коверкаетъ, ваше сіятельство?

ГРАФЪ.

Правда, по времени, дѣлать нечего; но я не люблю, и на всѣхъ за это нападаю.

ПОЛУБОЯРИНОВЪ.

Помилуйте, ваше сіятельство! да чѣмъ же помочь! какимъ *манеромъ*?

ГРАФЪ.

Не манеромъ, а горячею любовью къ слову русскому.

ПОЛУБОЯРИНОВЪ.

Интенція прекрасная! но обычай не кафтанъ; не переставишь, ваше сіятельство.

ГРАФЪ.

Предсказываю, что праправнуки будутъ смѣяться надъ языкомъ нашимъ. Они просѣютъ его сквозь двойное рѣшето ученья и вкуса; отдѣлятъ славянщину, отбросятъ нѣметчину и заговорятъ чисто по-русски.

ПОЛУБОЯРИНОВЪ.

А если не заговорятъ?

ГРАФЪ.

Такъ надъ ними будутъ точно также смѣяться въ ихъ очередь.

(*Входитъ бомбардирской подполковникъ Корчминъ*).

ГРАФЪ.

А! г. Корчминъ, что у васъ на Васильевскомъ славномъ островѣ?

КОРЧМИНЪ.

Дома растутъ, какъ грибы, ваше сіятельство.

(*Входитъ лейбъ-медикъ Блюментростъ*).

ГРАФЪ.

А! почтенный Лаврентій Лаврентьевичъ, прошу присѣсть. (*Входитъ баронъ Мерфельдъ*). Почтеннѣйшій, г. посланникъ! и вы даже не забыли нашего аукціона?

БАРОНЪ МЕРФЕЛЬДЪ.

Какъ старинный любитель художествъ, ваше сіятельство!

ГРАФЪ.

И отличный знатокъ этого дѣла.

(*Входитъ баронъ Соловьевъ*).

БАРОНЪ СОЛОВЬЕВЪ!

Андрей Артамоновичъ! г. посланникъ! Лаврентій Лаврентьевичъ, честь имѣю свидѣтельствовать мое почтеніе. Извините, если замѣшкалъ. Истинно нѣтъ свободнаго *момента*. Здѣсь куча *консилій*, *комитеты*, совѣты измучили да и только; прибавьте къ этому *претензію*: на *экспедитивность* работы, на сладкозвучность рѣчи — и судите о моемъ положеніи, или, лучше сказать, о моей *сетуаціи*.

ГРАФЪ, (*всторону*).

Болтунъ!

БАРОНЪ СОЛОВЬЕВЪ.

Не смотря на это, какъ *протекторъ* поэзіи и художествъ, я кой-какъ успѣлъ урваться, чтобы явиться въ вашу *компанію*.

ГРАФЪ.

Весьма рады, просимъ садиться. (*Почетные посѣтители садятся*).

ГРАФЪ, (*Блюментросту*).

Ну, г. лейбъ-медикъ, нѣтъ ли чего новаго въ ученомъ свѣтѣ?

БЛЮМЕНТРОСТЪ.

Химія, да механика творятъ чудеса, ваше сіятельство.

БАРОНЪ СОЛОВЬЕВЪ.

Да, это дѣйствительно: *эксперименты* важные,

ГРАФЪ.

Да ужъ не выдумаютъ же летать по воздуху, плавать безъ вѣтра и ѣздить безъ лошадей.

БЛЮМЕНТРОСТЪ.

Уму человѣческому положены преграды, ваше сіятельство.

ГРАФЪ, (*увидя Крюкова*).

А! г. честный подрядчикъ Крюковъ, какъ можешь? Что твой *каналъ*!

КРЮКОВЪ.

Живо работается, ваше графское сіятельство.

ГРАФЪ.

Говорятъ, что царь хочетъ назвать его Крюковымъ каналомъ.

КРЮКОВЪ.

И думать не смѣемъ о такомъ высокомъ счастіи, ваше графское сіятельство.

ГРАФЪ, (*почетнымъ посѣтителямъ*).

Вотъ, что значитъ славный Нейштатскій миръ, государи мои! Говорятъ, что Георгъ I, король англійскій, всячески старается примириться съ государемъ.

БАРОНЪ МЕРФЕЛЬДЪ.

И всѣ *суверейны* ищутъ того-же.

БАРОНЪ СОЛОВЬЕВЪ.

Извѣстно, что Дукъ Орлеансъ, регентъ Франціи, испрашиваетъ царевну Елизавету Петровну въ супружество своему сыну.

ГРАФЪ.

А король испанскій испрашиваетъ *для* сына своего, инфанта, руки царевны Наталіи.

БАРОНЪ МЕРФЕЛЬДЪ.

Для содержанія *балансей* въ Европѣ, желательно, чтобы со всѣми была *конфиденція* и добрая *корреспонденція.*

ГРАФЪ.

Да такъ, о Польшѣ и говорить нечего.

—

VIII.

ТѢЖЕ, БАЛАКИРЕВЪ (*въ разноцвѣтномъ платьѣ*).

БАЛАКИРЕВЪ.

Здѣсь не Польша, есть и больше!

ГРАФЪ.

А, г. аукціонистъ, что такъ замѣшкался?

БАЛАКИРЕВЪ.

Да дядя Алексѣичъ задержалъ; извини Андрей Артамонычъ.

БАРОНЪ СОЛОВЬЕВЪ.

Странное дѣло! за что называютъ тебя дуракомъ, Балакиревъ?

БАЛАКИРЕВЪ.

Ой-ли? да кто-жъ называетъ?

БАРОНЪ СОЛОВЬЕВЪ.

Да всѣ придворные.

БАЛАКИРЕВЪ.

Не вѣрь придворнымъ; у нихъ все на выворотъ; они и тебя называютъ умнымъ.

КОРЧМИНЪ.

Ахъ ты собака!

БАЛАКИРЕВЪ.

Собака! оттого, что вѣренъ тому, кому служу; зубастъ и на васъ лаять гораздъ (*Корчмину*). А что, дядя Андреичъ: ты да я—такъ много ли насъ стало?

КОРЧМИНЪ.

Разумѣется — что два, дуракъ.

БАЛАКИРЕВЪ.

Анъ вотъ и ошибся, умница, вспомни пословицу: *за битаго двухъ не битыхъ даютъ*, дядя Алексѣичъ поколотилъ тебя, поутру, анъ ты и сталъ за двоихъ, да я, дуракъ, третій.

КОРЧМИНЪ, (*[illegible]*).

Прямо по командѣ *отрапортую* свѣтлѣйшему князю Александру Данилычу.

БАЛАКИРЕВЪ.

О! о! *такой фаворитъ, что и говорить*!

ГРАФЪ.

Слушай, г. аукціонистъ: *шутку шути, а людьми не мути*, принимайся лучше за дѣло.

БАЛАКИРЕВЪ, (*[illegible] графу*).

Въ томъ то и дѣло, что оно не созрѣло, Андрей Артамонычъ.

ГРАФЪ, (*тихо*).

Не бойся, мы поддержимъ.

(*Слуги подвигаютъ столъ, и [illegible] прино-*

сять картины и стойку, на которой въ продолженіе аукціона, поперемѣнно выставляются картины; посѣтители передвигаются на одну сторону, а Балакиревъ, съ молоткомъ въ рукѣ, важно становится на свое мѣсто.)

БАЛАКИРЕВЪ.

Прошу прислушать, государи и государыни! аукціонъ начинается! (*Меркурьеву, который подаетъ ему списокъ*). Это что?

МЕРКУРЬЕВЪ.

Реестръ картинамъ.

БАЛАКИРЕВЪ.

Ладно! (*читаетъ*) Картина 1-я: *Потопъ всемірный.* (*глядя на картину*). Рѣдкая картина! ничего не видно, кромѣ воды да облаковъ небесныхъ. Штука славная на охотника!

1-й посѣтитель.

Пять рублей.

2-й посѣтитель.

Десять рублей.

БАРОНЪ МЕРФЕЛЬДЪ.

Пятьдесятъ.

БАЛАКИРЕВЪ.

Пятьдесятъ! 2-й — разъ; никто больше? (*стуча молоткомъ*) третій разъ!

МЕРКУРЬЕВЪ, (*записывая*).

Купилъ баронъ Мерфельдъ.

БАЛАКИРЕВЪ.

Картина 2-я: *Побіеніе младенцевъ*... Экая ихъ пропасть! хоть по рублю за штуку, такъ стоитъ сотни.

ПОЛУБОЯРИНОВЪ.

100 рублей!

БАРОНЪ СОЛОВЬЕВЪ.

120.

1-й ПОСѢТИТЕЛЬ.

150.

ПОЛУБОЯРИНОВЪ.

Двѣсти!

БАЛАКИРЕВЪ.

2-й разъ, ни кто больше? 3-й разъ!

МЕРКУРЬЕВЪ, (*записывая*).

Г. Полубояриновъ.

БАРОНЪ МЕРФЕЛЬДЪ, (*Полубояринову*).

Вѣрно охотники?

ПОЛУБОЯРИНОВЪ.

Чрезвычайный охотникъ, г. посланникъ.

БАЛАКИРЕВЪ.

Картина 3-я: *Пожарище города Трои.*—Ахъ ты Господи! да этакъ и Москва не горѣла.

КОРЧМИНЪ.

20-ть рублей.

1-й ПОСѢТИТЕЛЬ.

25-ть.

ГОЛОСЪ.

50-тъ.

БАЛАКИРЕВЪ.

100! Кто больше? дешево, картина съ огнемъ.

КОРЧМИНЪ.

Семьдесятъ пять.

ГОЛОСЪ.

Сто.

БАЛАКИРЕВЪ, (*протяжно*).

3-й разъ!

МЕРКУРЬЕВЪ.

Господа! кто купилъ?

ГОЛОСЪ.

Сержантъ Огневъ.

(*Полубояриновъ вздрагиваетъ и оглядывается*).

БАЛАКИРЕВЪ.

Картина 4-я: *Баталія грековъ съ троянцами*.... Слава! а все не Полтава!

КОРЧМИНЪ.

100 рублей.

МЕРФЕЛЬДЪ.

200.

БАРОНЪ СОЛОВЬЕВЪ.

300.

ГРАФЪ.

Пятьсотъ рублей.

БАЛАКИРЕВЪ, (*протяжно*).

Кто больше? 3-й разъ!

МЕРКУРЬЕВЪ, (*записывая*).

Графъ Андрей Артамоновичъ.

БАЛАКИРЕВЪ.

Картина 5-я: *Гора Парнасъ*. Государи мои! гора высокая! не угодно-ли попытаться, да вскарабкаться (*всѣ молчатъ*). Али нѣтъ охотниковъ?

1-й ПОСѢТИТЕЛЬ.

Цѣлковикъ!

РУМЯНЦЕВЪ, (*съ досадою*).

100 рублей!

БАЛАКИРЕВЪ.

Ай да наши! Не боятся ни горъ, ни пропастей! 3-й разъ.

МЕРКУРЬЕВЪ, (*записывая*).

Александръ Ивановичъ Румянцевъ.

БАЛАКИРЕВЪ.

Картина 6-я и послѣдняя: *Баталья императора Константина*. Вотъ картина, такъ ужъ картина! Знаете ли что сказалъ объ ней его царское величество? *Кто меня любитъ, тотъ ее купитъ.*

(*Посѣтители приходятъ въ волненіе*).

КОРЧМИНЪ.

Двѣсти рублей!

ПОЛУБОЯРИНОВЪ.

Триста.

БАРОНЪ СОЛОВЬЕВЪ.

Пятьсотъ.

МЕРФЕЛЬДЪ.

Семьсотъ.

ГРАФЪ.

Даю тысячу.

БАЛАКИРЕВЪ, (*тонкимъ голосомъ*).

А ты пустая голова? не ужъ то ты менѣе другихъ любишь Государя? (*своимъ голосомъ*). Двѣ тысячи пять сотъ!

ПОДЬЯЧІЙ КРЮКОВЪ, (*басомъ*).

Три тысячи!

БАЛАКИРЕВЪ, (*стучитъ молоткомъ*).

Картина за Крюковымъ!

МНОГІЕ.

Ай да Крюковъ!

(*Половина посѣтителей расходятся*).

—

IX.

ТѢЖЕ, ДЕНЬЩИКЪ ЦАРСКІЙ.

ДЕНЬЩИКЪ, (*подавая графу записку*).

Записка его царскаго величества.

ГРАФЪ, (*принимая ее униженно*).

Что угодно повелѣть государю? (*Читая, перемѣняется въ лицѣ*). Боже мой! я не могу опомниться!

(*подымается суета, лейбъ-медикъ Блюментростъ щупаетъ пульсъ, даетъ нюхать спирту*).

—

X.

ТѢЖЕ, ГРАФИНЯ.

ГРАФИНЯ, (*вбѣгая, бросается къ отцу*).

Батюшка!

ГРАФЪ, (*почти въ безпамятствѣ*).

Румянцевъ! (*дочери, отдавая записку*). Взгляни! (*Румянцевъ, услыша свое имя, подходитъ ближе*).

ГРАФИНЯ, (*пробѣгая записку*).

Возможно ли! Александръ Ивановичъ.... вы не уѣдите въ Малороссію!

(*Занавѣсъ опускается*).

ЭПИЛОГЪ

РУССКАЯ АССАМБЛЕЯ.

—

Дѣйствіе въ Лѣтнемъ саду. Вдали транспарантъ съ надписью: Ассамблея. Множество народа, между которымъ видны казаки, малороссіяне и шведы, но никого съ бородой. У столовъ сидятъ посѣтители. Иные играютъ въ карты, другіе въ шашки, пьютъ пиво и курятъ трубки. Женщины держатся одной стороны.

—

ДВА КУПЦА.

1. КУПЕЦЪ.

Эки затѣванья, подумаешь! экая пропасть народа.

2. КУПЕЦЪ.

А шкиперовъ-то, шкиперовъ-то, сердце радуется. Вишъ и гданчане, и гамбурчане, и альтоновцы.

1. КУПЕЦЪ.

И нашихъ не мало.

2. КУПЕЦЪ.

Смотри-жъ, Новинокъ; вести себя *деликатно*, не шумѣть, не толкаться, а то какъ разъ поднесутъ орла.

1. КУПЕЦЪ.

Какого орла, Авдѣичъ?

2. КУПЕЦЪ.

То-то жъ, голова. Вотъ видишь, орломъ малымъ и большимъ называется кубокъ съ виномъ, который на ассамблеи подносятъ за *штрафъ*, а иной разъ и съ радости.

1. КУПЕЦЪ.

Ужъ не *проштрафится* ли и намъ, Авдѣичъ.... Какъ ты думаешь?

2. КУПЕЦЪ.

Ахъ ты потѣшникъ! (*кому-то кланяется*).

1. КУПЕЦЪ.

А кому отдаешь поклонъ?

2. КУПЕЦЪ.

Человѣкъ зѣло надобный и свѣдомый на здѣшнее дѣло въ конецъ и не глупаго состоянья. Можетъ вспомоществовать во всякомъ приключеніи.

1. КУПЕЦЪ.

Вотъ что-съ. — Пойдемъ-ка ближе къ музыкѣ. (*отходятъ всторону*).

ДВА ИГРАЮЩИХЪ ВЪ КАРТЫ.

ПЕРВЫЙ.

Нѣтъ, въ короли сильно несчастливитъ.

ВТОРОЙ.

Не хочешь ли въ *грявіасъ* или въ *лантре*?

ПЕРВЫЙ.

Пожалуй, попробуемъ.

ПРИКАЗНЫЙ.

Смотрите, господа, больше рубля проигрывать не велѣно.

ДВА ПРИКАЗНЫХЪ.

ПЕРВЫЙ.

Клянусь, Ѳома Максимычъ! что о произведеніи такого пространнаго предвоспріятія я никогда не мыслилъ.

ВТОРОЙ.

Сказывай, сказывай, а такъ поступать противно и совѣсти, и виду, не точію христіанъ, но и варваровъ нѣкоторыхъ.

ПЕРВЫЙ

Истинно невѣденіемъ попалъ въ прегрѣшные! но, честно чтобъ дѣлу настоящему все возможное получить, я до послѣдней силы и живота готовъ на всякую *ассикурацію*.

ВТОРОЙ.

Увидимъ, такъ и разсудимъ.

ПЕРВЫЙ.

Ну полно жъ, *акордъ*, такъ акордъ, Ѳома Максимычъ?

ВТОРОЙ.

Да вѣдь истинно зѣло досадительно есть.

ПЕРВЫЙ.

Натурально сіе, но кончено. Да будетъ всему свѣту извѣстно, что между нами дружба и доброе согласье цвѣтетъ по прежнему, (*уходятъ всторону*).

(*Входитъ баронъ Бернгольцъ, котораго преслѣдуетъ Захаровъ*).

БЕРНГОЛЬЦЪ.

Да отвяжись, несносный.

ЗАХАРОВЪ.

Помилуйте, г. баронъ! Сержантъ пристаетъ, какъ съ ножемъ къ горлу.

БЕРНГОЛЬЦЪ.

Говорятъ тебѣ, что портрета нѣтъ со мною; его взялся отдать по принадлежности, г. Полубояриновъ.

ЗАХАРОВЪ.

Кто его знаетъ? а между тѣмъ бѣшенный сержантъ грозитъ меня зарѣзать!

БАРОНЪ.

Если портретъ нуженъ, отыщи Полубояринова.

ЗАХАРОВЪ.

Да сорванецъ меня караулитъ, не выпуститъ, онъ убьетъ меня, г. баронъ, кромѣ всякихъ шутокъ.

БАРОНЪ.

Если такъ, изволь, чтобъ тебя успокоить, я самъ отправлюсь и тотчасъ явлюсь съ портретомъ.

ЗАХАРОВЪ.

Ради Бога! дѣло идетъ о жизни человѣка!

(*Оба скрываются*).

МНОГІЕ ГОЛОСА.

Князь Кесарь, Князь Ѳедоръ Юрьичъ Ромодановскій пріѣхалъ.

(*При входѣ князя Ромодановскаго со свитою, въ полустаринномъ платьѣ, музыка играетъ маршъ и всѣ его привѣтствуютъ съ особеннымъ уваженіемъ*).

КНЯЗЬ РОМОДАНОВСКІЙ.

Государи мои и государыни! Его царское величество, по великимъ трудамъ, не изволитъ сегодни быть въ ассамблеи. Онъ повелѣваетъ безъ него бесѣдовать да веселиться. А, баронъ Любрасъ! здравствуйте! А! г. Мейеръ, какъ нашъ *коммерціумъ*.

(*Оба униженно раскланиваются*).

КНЯЗЬ РОМОДАНОВСКІЙ, (*купцу Сердюкову*).

А, Сердюковъ! что нашъ *каналъ* Ладожскій да Вышневолоцкій?

СЕРДЮКОВЪ.

Дѣло великое, ваше кесарское величество....

РОМОДАНОВСКІЙ.

Великому и подобаетъ великое.

(*Садятся на скамейки*).

КАЗАКЪ СЪ КАЗАЧКОЮ.

Не позволитъ ли князь Кесарь проплясать казацкую?

КНЯЗЬ РОМОДАНОВСКІЙ.

Пожалуй!

МАЛОРОССІЯНЕ.

Чи, пане-кесарь позволи и намъ поплясати?

КНЯЗЬ РОМОДАНОВСКІЙ.

Пожалуй, пожалуй.

(*Вбѣгаетъ человѣкъ въ старинномъ барскомъ кафтанѣ, въ высокой шапкѣ изъ заячьяго мѣха и съ*

зеленою шелковою бородою, почти до пояса. Это Балакиревъ. Обратясь къ князю Ромодановскому, онъ снимаетъ шапку и падаетъ въ ноги).

КНЯЗЬ РОМОДАНОВСКІЙ.

Вставай! царь не любитъ, чтобъ валялись; онъ хочетъ народъ свой поставить на ноги.

БАЛАКИРЕВЪ, (*вставая*).

Князь Кесарь! бьетъ челомъ нижайшій рабъ Дормидошка, по прозванію пустая голова!

БАРОНЪ ЛЮБРАСЪ.

Не по *формѣ* просишь.

БАЛАКИРЕВЪ.

Не въ формѣ сила! «*Матушка сила* меня съ *ногъ безъ формы сбила*». Пунктъ 1, укажи, свѣтлѣйшій, пѣсню спѣть. Пунктъ 2, и спѣлъ бы, да голоса нѣтъ. Пунктъ 3, былъ у меня голосъ, да сплылъ. Князь Александръ Данилычъ * оттягалъ; отъ того-то голосъ у него гораздо сильнѣе сталъ; какъ закричитъ, такъ всѣ слушаютъ.

РОМОДАНОВСКІЙ, (*улыбаясь*).

Ну, спой же пѣсню.

БАЛАКИРЕВЪ.

Изволь, свѣтлѣйшій! Есть у меня признаться голосъ, только не своей, а краденый. У меня борода длинна, да у козла не короче. Запою, заслушаешься, что твой пѣтухъ! Случается, правда, что и *курица запоетъ пѣтухомъ*. Ну, слушайте жъ добрые люди мою пѣсню.

---

* Меншиковъ.

ПѢСНЯ.

Солнце наше, Русскій Царь!
Слава войску, миръ народу!
Православный государь,
Мы съ тобой въ огонь и въ воду!
Выбрить, вышколить отцовъ
Тяжела была работа,
За то создалъ удальцовъ
И столицу изъ болота!
А Полтава, а Гангутъ!
Что вы скажите, Геръ-Деичь?
Не поддать ли?—Поддадутъ,
Прикажи лишь Алексѣичъ!
Вотъ и Питеръ—русскій свѣтъ!
Богатырь! оно и просто....
Кто такъ выросъ въ двадцать лѣтъ!
Что-жъ онъ будетъ черезо сто?
Подавай орла—царя.
Осушимъ его по братски,
За Царя-Богатыря
И за славный миръ Нейштадскій!

КНЯЗЬ РОМОДАНОВСКІЙ, (*своей свитѣ*).

Подавай орла!

ПОСѢТИТЕЛИ.

Ура! (*Свита Ромодановскаго подноситъ кубки*).

КНЯЗЬ РОМОДАНОВСКІЙ, (*увидя вошедшаго Бернгольца, показываетъ на кубокъ*).

А! г. баронъ, просимъ объ маломъ!

БЕРНГОЛЬЦЪ.

Отъ радости, и готовъ осушить хоть большой!

КНЯЗЬ РОМОДАНОВСКІЙ.

А что за радость?

БЕРНГОЛЬЦЪ.

Ахъ! для меня превеликая! мой другъ, Румянцевъ, женится и на комъ же, представьте? На дочери графа Матвѣева.

КНЯЗЬ РОМОДАНОВСКІЙ.

И такъ внезапно?

БЕРНГОЛЬЦЪ.

Царь сначала забраковалъ мнимую его невѣсту. «*Нѣтъ*, братъ, сказалъ государь Румянцеву: *невѣста твоя тебѣ не пара, и свадьбѣ не бывать; но не безпокойся—я твой сватъ, положись на меня, я посватаю тебѣ гораздо лучшую*». Румянцевъ въ отчаяньи. Между тѣмъ, царь пишетъ записку къ графу Матвѣеву и что-жъ пишетъ? «*У тебя есть невѣста, у меня есть женихъ. Ты знаешь, я люблю Румянцева и что въ моей власти сравнять его съ самыми знатными*» *.

КНЯЗЬ РОМОДАНОВСКІЙ, (*улыбаясь*).

Ну что-жъ графъ, Андрей Артамоновичъ?

БЕРНГОЛЬЦЪ.

Ну что-жъ, дѣлать было нечего, покряхтѣлъ и

---

* Смотри Дѣянія Знаменитыхъ Полководцевъ Петра I, Бантышъ-Каменскаго, часть II стр. 220.

согласенъ. И вотъ невѣста съ женихомъ на ассамблеѣ!

(*Музыка играетъ польской и между другими танцующими идетъ Румянцевъ съ невѣстою, за нимъ старшая Полубояринова съ сержантомъ и Полубояриновъ съ меньшею дочерью*).

ЗАХАРОВЪ, (*Бернгольцу*).

Г. баронъ, портретъ, ради Бога!

БЕРНГОЛЬЦЪ.

Да отвяжись, мучитель! Взгляни: *оригиналъ* танцуетъ съ своимъ сержантомъ.

ГРАФЪ МАТВѢЕВЪ.

Гдѣ Румянцевъ, гдѣ Румянцевъ? (*Отдаетъ поклонъ князю Ромодановскому*).

КНЯЗЬ РОМОДАНОВСКІЙ.

Поздравляю съ зятемъ, графъ Андрей Артамоновичъ!

ГРАФЪ, (*молча кланяется*).

ПОЛУБОЯРИНОВЪ, (*съ робостію подходитъ къ графу*).

Могу ли имѣть счастіе поздравить ваше сіятельство.

ГРАФЪ МАТВѢЕВЪ, (*Полубояринову*).

Ахъ, ты хитрецъ! кто бъ это думалъ!

ПОЛУБОЯРИНОВЪ, (*про себя*).

Ну! вѣрно все разболтали.

РУМЯНЦЕВЪ (*съ неохотою подходитъ къ графу*).

Вы меня звали, что прикажите, Андрей Артамонычъ?

ГРАФЪ.

Я сей-часъ отъ государя. Онъ приказалъ спросить тебя: что онъ тебѣ всего чаще говаривалъ?

РУМЯНЦЕВЪ, (*нѣсколько подумавъ*).

«Подожди, учись терпѣнію, пока рука моя не развернется».

ГРАФЪ.

Она развернулась! государь жалуетъ васъ бригадиромъ и многими деревнями!...

РУМЯНЦЕВЪ, (*въ восторгѣ*).

Марья Андреевна! поспѣшимъ броситься къ стопамъ государя.

КНЯЗЬ РОМОДАНОВСКІЙ.

Дѣло! (*своей свитѣ*). Подавайте орла!

ХОРЪ.

Подавай орла царя,
Осушимъ его по-братски,
За Петра-богатыря!
И за славный миръ Нейштадскій.

ЗИНОВІЙ БОГДАНЪ ХМѢЛЬНИЦКІЙ

или

ПРИСОЕДИНЕНІЕ МАЛОРОССІИ.

ИСТОРИЧЕСКАЯ ДРАМА ВЪ ПЯТИ КАРТИНАХЪ.

ДѢЙСТВУЮЩІЕ.

—

Баравашъ, наказный гетманъ казацкій.
Полчжай, войсковой судья.
Зиновій Богданъ * Хмѣльницкій.
Диживдживлей.
Туча.
Нечай.
Нивава.
Бѣда.

Старшины, кошевые и Куренные атаманы.

Русскій бояринъ Бутурлинъ.
Панъ Даніилъ Чаплицкій, подстароста Чигиринскій.
Панна Ольга, невѣста Зиновія.
Маруся, малороссійская Сафо.

---

* Зиновій Хмѣльницкій при крещеніи получилъ другое имя, Богданъ, данное ему, по обычаю католиковъ отъ воспріемнаго отца, князя Сунгушка. Зиновій съ молодыхъ лѣтъ обучался въ Кіевѣ, а потомъ въ польскомъ Ярославцѣ у Іезуитовъ. Онъ пріобрѣлъ обширныя познанія въ латинскомъ языкѣ, что было, по словамъ пастора, рѣдкостью въ грубомъ народѣ. Отецъ Хмѣльницкаго былъ Михаилъ, сотникъ Чигиринскій, а мать Анастасія, дочь перваго казацкаго гетмана князя Богдана Рожинскаго. Для славы своего имени онъ не имѣлъ нужды въ знатномъ происхожденіи.

Гаркуша.
Чура, бандуристъ.
Оксана.
Подруги Ольги.
Продiусъ.
Бурсакъ.
Шляхтичи городской стражи.
Украинскiе поселяне.
Женихъ. }
Невѣста. } Свадебный поѣздъ.
Отецъ. }
Мать. }
Хорунжiй. }
Ватага. }
Мушкетъ. } Казаки.
Кукуруза. }
Скурай. }
Гайдамаки.
Казаки и казачки.
Поляки и польки.
Татарскiе мурзы и татары.
Хайло. }
Мовша. } Евреи.
Израиль. }

ЗИНОВІЙ БОГДАНЪ ХМѢЛЬНИЦКІЙ

или

ПРИСОЕДИНЕНІЕ МАЛОРОССІИ *.

ДѢЙСТВІЕ ПЕРВОЕ.

КАЗАЦКАЯ РАДА **

Театръ представляетъ Чигиринскую дубраву, подъ самымъ городомъ, на рѣкѣ Тясминѣ.

I.

КАЗАКИ, ВАТАГА, МУШКЕТЪ, ЗА НИМИ НѢСКОЛЬКО УКРАИНСКИХЪ ПОСЕЛЯНЪ.

1-Й УКРАИНЕЦЪ.

Гей, гей! Панове, запорожцы!... а що, туде ли мы йдемъ!

---

* Источниками были: Исторія Малой-Россіи — *Бантышъ-Каменскаго* и въ особенности Запорожская Старина—*Г. Срезневскаго;* также описаніе Украйны—*Боплана* и Собраніе Малороссійскихъ пѣсенъ — *Г. Максимовича.*

** Совѣтъ изъ старѣйшинъ казацкихъ, имѣвшій право ограничивать власть гетмана.

ВАТАГА.

Экіе деревенщины! не знаютъ Чигиринской дубравы, подъ самымъ городомъ.

1-й УКРАИНЕЦЪ.

Хтожъ ее знае.

2-й УКРАИНЕЦЪ.

Языкъ довете до Кіева, панове.

МУШКЕТЪ.

Да что за нелегкая несетъ васъ въ Кіевъ?

1-й УКРАИНЕЦЪ.

Щожъ робить, коли панъ пуславъ.

ВАТАГА.

А кто вашъ панъ?

1-й УКРАИНЕЦЪ.

Але хто его знаé.... Польскій панъ, живе въ Варшавѣ.

ВАТАГА.

Такъ у васъ управитель?

1-й УКРАИНЕЦЪ.

И арендаторъ, и жиды, и старосты, и подстаросты.

МУШКЕТЪ.

Тѣмъ лучше.

1-й УКРАИНЕЦЪ.

Эхъ, эхъ! панове, панове! *Пустивъ Бигъ мыкіту на волокиту!...*

МУШКЕТЪ.

А, а! вѣрно тяжела панщина?

1-й УКРАИНЕЦЪ.

А тобѣ ничего: трый дня на пана, трый дня на собе.

ВАТАГА.

Стало, вы днями-то чередуетесь?

1-й УКРАИНЕЦЪ.

А якъ же: дурніи дни для собе, а свитлые—для пана.

ВАТАГА.

Вотъ что.

1-й УКРАИНЕЦЪ.

Да тобѣ ничѐго.... якъ бы не возка дровъ и панскаго жита на кирмаши.

МУШКЕТЪ.

Воловъ жалѣть нечего—у васъ ихъ много.

1-й УКРАИНЕЦЪ.

А якъ же много, кеды чрезъ трый года отдаешь пану трыйтьяго.

ВАТАГА.

А, а!

1-й УКРАИНЕЦЪ.

И это бъ ничего....

ВАТАГА.

И это ничего?... Понимаю! вѣрно жиды для панскихъ доходовъ спояли васъ съ круга?

1-й УКРАИНЕЦЪ.

Эхъ! панове и ето бъ ничего.... кеды бы не панская десятина *.

ВАТАГА.

Какая жъ десятина?

1-й УКРАИНЕЦЪ.

Якъ же какая?... и съ овецъ, и съ свиней, и съ курчатъ, и съ утятъ, и съ гусятъ, и съ яицъ, и съ

* Описаніе Украйны Боплана, въ половинѣ XVII вѣка.

жита, и съ міду, и съ холста, и съ талекъ, и
грибовъ, и со всякой всячины!

МУШКЕТЪ.

Полно, полно, быть не можетъ.

1-Й УКРАИНЕЦЪ.

Якъ Бигъ святъ!

ВАТАГА.

Полно, брешешь, брешешь, дидько.

1-Й УКРАИНЕЦЪ.

А коли я брешу.... такъ нехай мене.... а п
Богъ знащо.... от-що, а не только-що!

ВАТАГА.

Да этакъ вы безъ жупана останетесь.

1-Й УКРАИНЕЦЪ.

А якъ видишь панъ... да и это-бъ ничего..
на полгода не пусылали насъ въ Кіевъ н
постную работу.

ВАТАГА.

По моему, ужъ лучше прямо на галеры.

1-Й УКРАИНЕЦЪ.

Якъ не лучше, да нильзя! що-жъ робит

ВАТАГА.

Ахъ вы горемычные, горемычные! До
нако-жъ, мы заболтались. (*товарищу*) П
Мушкетъ! а не то и къ обѣднѣ опоздаем

1-Й УКРАИНЕЦЪ, (*своимъ*).

Гей, Дмитрусъ! Андрійко! Охримко! п
пойдемъ.

[redacted] далеко опередилъ

ій кастеланъ Кра-
й и сынъ его горе-
ь буйную голову и
ользнулъ изъ Рукъ

[redacted] доѣхалъ, панъ Ча-

[redacted] *(съ торжествен-
нымъ видомъ).*
[redacted] *камень!* Ну, Чура,
[redacted] ченье, жениховaнье
[redacted] ицей. Мы бендземъ
[redacted] па позывъ гетмана

[redacted] дно, съ нимъ боль-

[redacted] , *(сухо).*
[redacted] вый пріятель, якъ
[redacted] какъ инче и робить,
[redacted] іая велятъ быть съ

[redacted] *(насмѣшливо).*
[redacted] тманомъ въ сѣчѣ
[redacted]

ЧУРА.

Какъ же панъ подстароста; гетманъ Барабашъ получилъ позывъ и также будетъ на Радѣ.

ЧАПЛИЦКІЙ.

Дивлюсь, что гетманъ допускаетъ такія собранія!

ЧУРА.

Такъ ужъ ведется изстари; то право и вольность казацкая.

ЧАПЛИЦКІЙ.

Эхъ! еслибъ я былъ гетманомъ, я бъ умѣлъ вскрутитъ хвосты и прошутурмовать дурней запорожцевъ. А что Чура, не слыхалъ ли чего.... ты внаешь.... понимаешь....

ЧУРА.

О Зиновіи Хмѣльницкомъ? какъ же: его съ часу на часъ ожидаютъ изъ Варшавы. (*въ полголоса*) Вѣдь онъ отправился туда съ жалобою на тебя, панъ подстароста.

ЧАПЛИЦКІЙ.

Знаю, знаю, я ужъ писалъ къ панамъ-добродѣямъ и надѣюсь, что дѣло обдѣлается.

ЧУРА.

Разумѣется, гдѣ жъ казаку тягаться съ магнатомъ.

ЧАПЛИЦКІЙ.

Такъ есть! одно худо; что этотъ казакъ опаснѣе многихъ.

ЧУРА.

Правда, правда! воспитанный у іезуитовъ, онъ

при умѣ, познаніяхъ и отвагѣ, далеко опередилъ дикарей Запорожья.

чаплицкій.

То-то и есть, не даромъ великій кастеланъ Краковскій, гетманъ Конецпольскій и сынъ его горевали, что оставили въ живыхъ буйную голову и что этотъ казакъ *на бѣду* ускользнулъ изъ Рукъ нашихъ.

чура.

За то честь и слава! ты его доѣхалъ, панъ Чаплицкій.

чаплицкій, *(съ торжественнымъ видомъ).*

Такъ есть: *трафила каса на камень!* Ну, Чура, сегодня ты мой. У мене заручене, жениховане съ панной Ольгой, твоей ученицей. Мы бендземъ спивать и танчитць! и я иду на позывъ гетмана Барабаша.

чура.

Панъ подстароста, какъ видно, съ нимъ большой пріятель?

чаплицкій, *(сухо).*

Пріятель? такъ есть, ранговый пріятель, якъ вси магнаты межъ собе. Але какъ инче и робить, кеды и круль и рѣчь посполитная всхатъ быть съ нимъ пріятелемъ.

чура.

А для чего жъ?

чаплицкій, *(насмѣшливо).*

А для того, что съ такимъ гетманомъ въ сѣчѣ казаки уйдутъ не далече.

ЧУРА.

И то правда.

ЧАПЛИЦКІЙ, (*стражѣ*).

До гетмана!

—

III.

ТѢЖЕ И ЦѢЛЫЙ СВАДЕБНЫЙ ПОѢЗДЪ: ЖЕНИХЪ СЪ НЕВѢСТОЮ, ОТЕЦЪ, МАТЬ, ПРОВОЖАТЫЕ И ЕВРЕЙ ХАЙЛО.

ЖЕНИХЪ.

Помилуй! панъ подстароста: то моя заручениая, а жиды не пускаютъ въ церковь.

ОТЕЦЪ.

Вотъ до чего дожили! лишаютъ креста спасенія!

МАТЬ.

Іуда не пускаетъ въ церковь Божію!

ЧАПЛИЦКІЙ.

Кто не пускаетъ?

ХАЙЛО, (*Чаплицкому*).

Але прошу уважить, ясневельможный: я самъ арендаторъ, господарь естемъ того русскаго костела. Панъ знаѐ, цо значе аренда, кварта, англаги, лецибы, шарварки, люстрація, вакенбухи, гвалтовые дни (*тихо*). Панъ знае другія респонціи. Яжъ муссивъ заквитать ихъ съ рѣштою и самъ дали бугъ жадный интересъ маю. За поручанье прошу всего единъ дукатъ (*показывая на жениха*), а онъ ни....

СТАРИКЪ.

Мы рады бъ заплатить, да гдѣ жъ взять бѣднымъ людямъ.

ЧАПЛИЦКІЙ.

Нѣтъ грошей и о свадьбѣ думать нечего.

ЖЕНИХЪ.

Это просто грабежъ, панъ подстароста, за что платить дукатъ!

ХАЙЛО, (*Чаплицкому*).

Але прошу уважить: имъ бендзе дать панотца, а іонъ у мене оре. Але каждый батракъ чего либо коштуе.

ЧАПЛИЦКІЙ.

Такъ есть.

ЖЕНИХЪ.

А коли такъ есть, то я не спущу и буду жаловаться, панъ подстароста.

ЧАПЛИЦКІЙ.

Что! какъ, на кого, кому жаловаться?

ЖЕНИХЪ.

И всѣмъ, и каждому, и первому пану гетману.

ЧАПЛИЦКІЙ, (*насмѣшливо*).

Пану Гетману!

ЖЕНИХЪ.

Не то побѣгу на Раду....

ЧАПЛИЦКІЙ.

На Раду! (*стражѣ*). Гей, въ тютрьму его.

ОТЕЦЪ И МАТЬ, (*бросаясь на колѣна*).

То сыненько нашъ! взмилуйся, панъ Чаплицкій!

ЧАПЛИЦКІЙ, (*не слушая*).

Въ тюрьму!

ОТЕЦЪ.

Взмилуйся! взмилуйся! онъ у насъ одинъ, нашъ кормилецъ, нашъ защитникъ, не то мы пойдемъ дальше Рады, пойдемъ до Варшавы!

ЧАПЛИЦКІЙ.

До Варшавы! Ахъ вы схизматики! (*стражѣ*) Въ тюрьму!

ЧУРА, (*всторону*).

Теряю послѣднее терпѣнье!

НЕВѢСТА.

Панъ Чаплицкій! ради Бога сжалься! отпусти ихъ; не то берегись, за насъ вступятся мой братъ-запорожецъ.

ЧАПЛИЦКІЙ.

Запорожецъ! (*стражѣ*) Гей! въ тюрьму ее.

ШЛЯХТИЧЬ, (*тихо Чаплицкому*).

Вмѣсто тюрьмы, не лучше ли схопать ее, панъ Чаплицкій!

ЧАПЛИЦКІЙ.

Якъ схопать...

ШЛЯХТИЧЬ.

Якъ самъ схопалъ панну Ольгу.

ЧАПЛИЦКІЙ.

Эхъ! эхъ! ну схопать, такъ схопать. (*шляхты насильно схватываютъ невѣсту*).

ЧУРА, (*останавливая*).

Нѣтъ, я не допущу до такого насильства; это моя крестница, панъ Чаплицкій! ради сегодняш-

няго заученья, ради панны Ольги, ради моей вѣрной службы, вели отпустить бѣдную дѣвушку.

ЧАПЛИЦКІЙ, (*шляхтичамъ*).

Гей, гей! панове, панове! за нехайте ее, возьмите иншую.

НЕВѢСТА, (*падая къ ногамъ Чуры*).

Добрый человѣкъ! спаси нашихъ.

ЧУРА, (*въ полголоса*).

Тише, бѣги домой и молись Богу (*Чаплицкому*). Спасибо, панъ Чаплицкій! за то ужъ и я тебѣ удружу въ свою очередь.

ЧАПЛИЦКІЙ.

Добрже, добрже. Ухъ! Чура, усталъ до смерти!

ЧУРА.

Какъ не устать — такова служба.

ЧАПЛИЦКІЙ.

Какъ видишь: всякій день тоже и тоже.

ЧУРА.

Ужасно.

ЧАПЛИЦКІЙ.

Какъ не ужасно! и всякій хочетъ оправдываться.

ЧУРА.

Что ихъ слушать.

ЧАПЛИЦКІЙ.

Я такъ и роблю (*глядя на рѣку*). Взгляни Чура... что это тянется по Тясминѣ?

ЧУРА.

Вѣрно запорожцы съѣзжаются на Раду.

ЧАПЛИЦКІЙ.

Не могу видѣть этихъ дурней.

ЧУРА.

Народъ буйный.

ЧАПЛИЦКІЙ.

Брыдкій!..

ЧУРА.

Своевольный!

ЧАПЛИЦКІЙ.

Не даромъ говорится: *що жидъ, а що и казакъ запорожскій!* (*стражѣ*). Гей! до гетмана! (*отправляются прежнимъ порядкомъ*).

—

IV.

ПОЛЕЖАЙ, ДЖЕНДЖЕЛЕЙ, ТУХА, НЕЧАЙ, НЕБАВА, БѢДА *и нѣсколько казаковъ.*

ПОЛЕЖАЙ.

Товарищи! я созвалъ васъ на Раду и нарочно назначилъ ее здѣсь, чтобъ залучить гетмана.

ДЖЕНДЖЕЛЕЙ.

Несчастная совѣсть давно его отъ насъ отталкиваетъ.

НЕБАВА, (*разглаживая усы*).

Побѣй — Богъ, правда.

ТУХА.

Барабашъ продалъ себя ляхамъ и вмѣсто защиты угнѣтаетъ только бѣдную отчизну.

ПОЛЕЖАЙ.

И долго ли, друзья, мы будемъ игралищемъ прихотей, крамолъ и козней? Поляки, жиды, уніаты завладѣли нами. Православіе съ каждымъ годомъ угнѣтается болѣе и болѣе. Города и селенія заняты поляками. Они грабятъ, мучатъ, убиваютъ. Одни мы — Кравчина Запорожская, казаки, цвѣтъ народа Украинскаго, кой-какъ сохраняемъ независимость въ лѣсахъ и стѣнахъ поддиѣпровскихъ. Но и тутъ въ Никитинскую сѣчь засѣлъ гарнизонъ польскій. Я созвалъ васъ для спасенья отчизны.—Признаюсь, я поджидалъ изъ Варшавы нашего Зиновія, но время летитъ, опасность увеличивается.... скажите, что намъ дѣлать?

НЕБАБА.

Треба рубиться!

ДЖЕНДЖЕЛЕЙ.

Мы не прочь, храбрый Небаба, но прежде надобно дождаться разрѣшенія на посланную отъ насъ жалобу.

БѢДА.

Неужели, Полежай, по сіе время нѣтъ на нее королевскаго отвѣта.

ПОЛЕЖАЙ.

Барабашъ увѣряетъ, что нѣтъ; но мнѣ сомнительно.

ДЖЕНДЖЕЛЕЙ.

Слухи, что онъ скрываетъ этотъ отвѣтъ, подтверждаются болѣе и болѣе.

ТУХА.

Надобно настоять и узнать всю правду.

ПОЛЕЖАЙ.

Вотъ и Гетманъ! спросите сами.

—

V.

ТѢЖЕ, ГЕТМАНЪ БАРАБАШЪ *со своими казаками.*

БАРАБАШЪ.

Здорово, здорово, братеньки, казаченьки.

КАЗАКИ.

Доброй день, панъ гетманъ.

БАРАБАШЪ, (*садясь*).

Ну, что-жъ?... къ чему собрались, къ чему эта Рада? Эхъ, эхъ! въ Варшавѣ этого не любятъ.

ПОЛЕЖАЙ.

То вольность законная, панъ гетманъ.

БАРАБАШЪ.

Оно и такъ... но здѣсь Рады, а тамъ не рады.

ПОЛЕЖАЙ.

Поводъ къ нынѣшней—бѣдствіе отчизны, панъ гетманъ; предметъ совѣщанья—спасти Украйну; послѣдствія: смерть или слава, панъ гетманъ!

БАРАБАШЪ.

Эхъ! эхъ, братеньки! дачи мы не даемъ, въ польское войско нейдемъ — чего-жъ лучше?

ТУХА.

Отнимаютъ землю и воду; отнимаютъ все, чего

самъ Богъ даже не лишаетъ ни злыхъ, ни добрыхъ... а ты говоришь: чего-жъ лучше?

ДЖЕНДЖЕЛЕЙ.

Развѣ панъ гетманъ не читалъ послѣдней нашей жалобы?

БАРАБАШЪ.

Читалъ, читалъ: тамъ все ясно.

ПОЛЕЖАЙ.

И рѣзко: она написана слезами и кровью казацкою.

НЕЧАЙ.

Неужели на нее, панъ гетманъ, по сіе время нѣтъ отвѣта?

БАРАБАШЪ, (*смѣшавшись*).

А, а! отвѣта?... вѣдомо, нѣтъ, а то-бъ вы знали.

БѢДА.

Носятся слухи, однако-жъ, панъ гетманъ, что ты многое отъ насъ скрываешь.

БАРАБАШЪ.

Э! э!

ТУХА.

Говорятъ даже, что нашъ гетманъ передался полякамъ.

НЕБАБА.

Побей Богъ!

БАРАБАШЪ.

О! о!

ПОЛЕЖАЙ.

Увѣряютъ, что ты хочешь поруйновать казаковъ до изводу.

БАРАБАШЪ.

И! И! не вѣрьте, не вѣрьте, братеньки.

ПОЛЕЖАЙ.

Мало того, мы слышали, что ты писалъ полякамъ: придите и мстите, а на меня будьте надежны.

БАРАБАШЪ.

Брешатъ, брешатъ, братеньки.

ПОЛЕЖАЙ.

Однако-жъ, гетманъ, ты отъ насъ отстаешь; съ поляками дружишься; жалобы наши остаются безъ отвѣта и мы, вмѣсто защиты, угнѣтаемся болѣе и болѣе. Такое поведеніе подтверждаетъ слышанное и мы требуемъ отвѣта.

БАРАБАШЪ, (*вскакивая*).

Отвѣта? какъ отвѣта? я обязанъ отвѣтомъ одному королю!

ПОЛЕЖАЙ.

Ты обязанъ отвѣчать и намъ, тебя избравшимъ; не то — Рада будетъ судить тебя, какъ измѣнника!

БАРАБАШЪ, (*потерявшись*).

Судить! меня судить? за что? братеньки, козаченьки... да я готовъ на все... скажите, велите, прикажите...

ПОЛЕЖАЙ.

Если такъ, ты долженъ испросить отвѣтъ на нашу жалобу.

БАРАБАШЪ.

Ладно, ладно.

ПОЛЕЖАЙ.

Настоять, чтобъ гарнизонъ польскій былъ немедленно выведенъ изъ Никитинской Сѣчи.

БАРАБАШЪ.

Эхъ, эхъ! вотъ это напрасно, братеньки.

ПОЛЕЖАЙ.

Это первое условіе: взявъ одну сѣчь, поляки возьмутъ другую, возьмутъ третью — это явно посягать на нашу вольность.

БАРАБАШЪ.

Добро, добро, буду писать, буду стараться, потерпите.

ПОЛЕЖАЙ.

Терпѣнью конецъ, панъ гетманъ: ты долженъ самъ ѣхать въ Варшаву и исполнить обѣщанное.

БАРАБАШЪ.

Эхъ, эхъ! но дѣлать нечего: быть тому, что положила Рада (*подавая руку Полежаю*). Ну миръ такъ миръ! знай Барабаша!

ДЖЕНДЖЕЛЕЙ.

Кто-то идетъ?...

БАРАБАШЪ.

Ба! панъ Чаплицкій, другъ и пріятель!

VI.

ТѢЖЕ, ЧАПЛИЦКІЙ *съ своею стражею.*

ЧАПЛИЦКІЙ, (*Барабашу*).

Падамъ до ногъ, падамъ до ногъ.

ПОЛЕЖАЙ.

Панъ Чаплицкій! постороннимъ не мѣсто на казацкой Радѣ.

ЧАПЛИЦКІЙ.

Я самъ ордонаторъ порядка. Мнѣ нужно только сказать два слова пану гетману.

БАРАБАШЪ.

Что-жъ скажешь, почтеннѣйшій?

ЧАПЛИЦКІЙ.

У меня сегодня вечерница и зарученье съ панной Ольгой.

БАРАБАШЪ.

А, а!

ЧАПЛИЦКІЙ.

Незаставъ пана гетмана дома, я нарочно пришелъ до сюда просить его на мою колацію.

БАРАБАШЪ.

Твой гость! съ радостью, съ величайшею, панъ Чаплицкій.

ЧАПЛИЦКІЙ.

Паненьки будутъ намъ спивать и танчитць.

БАРАБАШЪ.

На радости я самъ, пожалуй, тряхну стариною; (*въ полголоса*) не жалѣй только венгерскаго.

ЧАПЛИЦКІЙ.

Яжъ маю самое лучшее!

БАРАБАШЪ.

Славно! сегодня заручонье, тамъ веселье, а чрезъ годъ крестины.

ЧАПЛИЦКІЙ.

Барзо-контентъ, барзо-контентъ!

НЕЧАЙ, (*вглядываясь*).

Ба! кто-то изъ нашихъ....

БѢДА.

Такъ точно! это онъ! другъ и товарищь.

ДЖЕНДЖЕЛЕЙ.

Это Зиновій!

КАЗАКИ.

Зиновій! (*бросаются къ нему на встрѣчу*).

ЧАПЛИЦКІЙ, (*про себя*).

Зиновій.

БАРАБАШЪ.

О! о! о!

ЧАПЛИЦКІЙ, (*съ принужденною веселостью*).

Панъ гетманъ, слово дано, такъ есть, конечно, до забоченья.

БАРАБАШЪ, (*удерживая Чаплицкаго*).

Нѣтъ, нѣтъ, постой, постой, мы вмѣстѣ отправимся.

—

VII.

ТѢЖЕ, ЗИНОВІЙ.

ЗИНОВІЙ.

Здравствуйте, братья родные! храбрые товарищи, казаки запорожскіе. Здравствуй, панъ гетманъ. (*увидя Чиплицкаго*). Кого я вижу! вѣрить ли глазамъ! Чаплицкій на Радѣ! (*Хватается за саблю*).

ПОЛЕЖАЙ, (*удерживая Зиновія*).

Здѣсь не мѣсто.

БАРАБАШЪ, (*заслоняя Чаплицкаго*).

На Радѣ и при гетманѣ!...

ЧАПЛИЦКІЙ, (*тихо Барабашу*).

Такъ есть, такъ есть.

ЗИНОВІЙ.

Друзья! вы не знаете этого грабителя. Онъ злѣйшій врагъ мой! мало того, что раззорилъ, онъ хотѣлъ умертвить меня измѣннически, онъ отнялъ у меня послѣднюю отчину, сельцо Субботово, похитилъ мою невѣсту, обобралъ скарбницу и наругался даже надъ малолѣтнымъ сыномъ моимъ, Тимофѣемъ. Между нами нѣтъ мира: я или Чаплицкій долженъ погибнуть.

ЧАПЛИЦКІЙ, (*храбрясь*).

Я самъ гоноръ и саблю маю.

ЗИНОВІЙ.

Я готовъ. Увидимъ на дѣлѣ (*Барабашу*) и ты гетманъ не стыдишься дружиться съ нашимъ гонителемъ.

БАРАБАШЪ.

А что-жъ... мы сосѣди, мы... сослуживцы.

ЗИНОВІЙ.

Панъ гетманъ! я былъ войсковымъ писаремъ, правителемъ дѣлъ всей гетманщины и знаю многое. Знаю твои происки, знаю желанье рушить самобытность войска запорожскаго и поддаться полякамъ.

БАРАБАШЪ.

А я знаю твои происки и желанье поддаться русскимъ.

ПОЛЕЖАЙ.

Это не тайна, объ этомъ знаютъ всѣ старѣйшины.

ТУХА, (*тихо Полежаю*).

Не всѣ, Полежай; я не давалъ моего согласія.

ПОЛЕЖАЙ, (*Тухѣ*).

Узнаешь послѣ. (*вслухъ*). Русскіе, наши единовѣрцы, не довели бы насъ до того, что терпимъ отъ ляховъ.

БАРАБАШЪ.

А что-жъ мы терпимъ?...

ЧАПЛИЦКІЙ, (*тихо дергая Барабаша*).

Эхъ, панъ гетманъ!

ЗИНОВІЙ, (*Барабашу*).

Стыдись объ этомъ спрашивать! Взгляни на

Украйну: она расхищена и одни нищіе остались безопасны. Отчизна наша стала притономъ разбойниковъ; нивы не засѣяны и пастбища пусты. Православная вѣра попрана; рабами жидовъ стали служители церкви; на откупѣ у жидовъ храмы Господни! и гласъ митрополита Петра Могилы теряется въ пустынѣ!... Если мало: вспомни о Варшавскомъ пирѣ; вспомни объ участи отцевъ и братій нашихъ: они вопіютъ изъ гробовъ и требуютъ мщенья! Гетманъ Остряница, полковники Павлюкъ и Рындачь — колесованы. Гайдаровскій, Сутримъ, Запаллій пробиты желѣзомъ насквозь и подняты живые на сваи. Гарунъ, Сутыга, Подобай — прибиты гвоздями къ доскамъ, облитымъ смолою и сожжены медленнымъ огнемъ.... «Пусть чувствуютъ, что умираютъ» говорили ляхи-египтяне. Загреба, Скрѣбило, Потурай — разтерзаны желѣзными когтями, Тургай четвертованъ. Женъ ихъ перерубили до одной и оставшихся дѣтей пережгли въ виду отцовъ на желѣзныхъ рѣшеткахъ. Да, гетманъ, да, Чаплицкій: такъ тѣшились поляки: подъ эти рѣшетки, подъ этихъ младенцевъ они подкладывали уголья и раздували ихъ шапками !

ЧАПЛИЦКІЙ, (*Барабашу*).

Рухованье не въ поминанье.

БАРАБАШЪ, (*Чаплицкому*).

И вѣдомо, то минувшее.

ЗИНОВІЙ.

Правосудіе Божіе, назидающее надъ дѣлами человѣческими, устало терпѣть такія неистовства!...

тою же мѣрою, ею же мѣрили, возмѣрится и полякамъ.

ЧАПЛИЦКІЙ, (*тихо Барабашу*).

Посполитное рушенье!

БАРАБАШЪ, (*тихо Чаплицкому*).

Молчи, мы его доѣдемъ.

ЗИНОВІЙ.

Въ Варшавѣ, гдѣ король Владиславъ носитъ одно только имя обладателя Польши, а магнаты управляютъ королевствомъ, они, по моимъ жалобамъ, согласились на королевскіе универсалы. Но гдѣ жъ они? Ты ихъ скрываешь, гетманъ, и мы ничего не знаемъ.

БАРАБАШЪ.

Вы все знаете, кромѣ однихъ секретовъ.

ЗИНОВІЙ.

Гнѣвъ или милость, права или лишенья, не могутъ быть тайной для старѣйшинъ: но кончимъ; я вижу — здѣсь не Рада, здѣсь предатели — здѣсь Чаплицкій.

ЧАПЛИЦКІЙ, (*выступая*).

Але цожъ!... я самъ....

БАРАБАШЪ, (*удерживая*).

Ахъ вы, рубаки!

ЧАПЛИЦКІЙ, (*тихо Барабашу*).

Чтобъ избѣжать кровопролитья, лучше уйти, панъ гетманъ.

БАРАБАШЪ.

Постой, постой! и мнѣ здѣсь дѣлать нечего. (*Казакамъ*). Рада кончилась: что положено на

ней, то будетъ сдѣлано. Прощайте, братеньки-казаченьки! (*Зиновію съ угрозой*). Прощай, панъ Зиновій.

ЗИНОВІЙ.

Прощай, гетманъ-Іуда.

(*Гетманъ и Чаплицкій съ своею свитою уходятъ*).

—

VIII.

ТѢЖЕ, КРОМѢ БАРАБАША И ЧАПЛИЦКАГО.

ПОЛЕЖАЙ.

Онъ обѣщалъ, однако-жъ, за насъ ходатайствовать.

ЗИНОВІЙ.

Не вѣрьте.

ПОЛЕЖАЙ.

Обѣщалъ изъ Никитинской Сѣчи вывесть гарнизонъ польскій.

ЗИНОВІЙ.

Ложъ.

ПОЛЕЖАЙ.

Обѣщалъ даже испросить отвѣтъ на послѣднюю нашу жалобу.

ЗИНОВІЙ.

Онъ полученъ.

МНОГІЕ.

Полученъ?

НЕБАБА.

Побей-Богъ!

ЗИНОВІЙ.

Да, самъ король сказалъ мнѣ это: онъ меня выслушалъ и отвѣчалъ, что изъ послѣдняго универсала его къ казакамъ, они знаютъ, что имъ остается дѣлать по подобнымъ жалобамъ.

ДЖЕНДЖЕЛЕЙ, *(съ угрозою)*.

Барабашъ его покажетъ.

ПОЛЕЖАЙ.

Если не добрымъ словомъ, такъ доброю саблею.

ЗИНОВІЙ.

Я берусь за это.

ТУХА.

И это запорожецъ.

ЗИНОВІЙ.

Запорожскія ребра его давно заросли польскимъ мясомъ.

ПОЛЕЖАЙ.

Король къ намъ милостивъ. Для войны съ турками и для острастки магнатовъ, съ которыми враждуетъ, онъ видимо насъ ласкаетъ: говорятъ даже, что онъ хочетъ употребить насъ орудіемъ для распространенія своей власти.... но что-жъ магнаты?

ЗИНОВІЙ.

Они насъ ненавидятъ. Къ уничиженью нашему, они объявили мнѣ, что казакъ не имѣетъ права селить слободы, и велѣли быть въ полномъ повиновеніи даже у подстаросты Чигиринскаго!

Украйна плачетъ! казаки гибнутъ въ неволѣ и некому защитить ихъ, некому сломить ярмо египтянъ. *Будетъ, что будетъ! а будетъ то, что Богъ дастъ* *. Еще не умерла казацкая мать: и ляхи не все еще отняли, еще мы владѣемъ саблей!

ПОЛЕЖАЙ.

Добудь королевскій универсалъ, и мы увидимъ, что дѣлать. Между тѣмъ, товарищи, солнце на полуднѣ, время плыть, чтобъ къ вечеру добраться до сѣчи.

БѢДА И НЕЧАЙ.

Мы останемся здѣсь до завтра.

ЗИНОВІЙ.

Я также, чтобъ увидѣться съ Чаплицкимъ.

ДЖЕНДЖЕЛЕЙ.

Прощай, Зиновій.

ЗИНОВІЙ, (*Тухѣ*).

Прощай, Туха.... ты мраченъ, какъ туча.

ТУХА.

Она пройдетъ или разразится.

ЗИНОВІЙ.

Что это значитъ?

(*Казаки уходятъ*).

—

* Любимая поговорка Богдана Хмѣльницкаго.

IX.

ЗИНОВІЙ, *потомъ* **ЧУРА.**

ЧУРА.

Панъ Зиновій! къ счастью, я улучилъ минуту, съ тобой увидѣться.

ЗИНОВІЙ.

Объяснись Чура.

ЧУРА.

Вѣрь постоянной моей преданности: я все тотъ же, я нарочно предался злодѣю Чаплицкому. Эта хитрость была необходима, чтобъ въ твое отсутствіе спасти панну Ольгу, которая любитъ тебя по-прежнему.

ЗИНОВІЙ.

Чура, ты возвращаешь мнѣ жизнь.

ЧУРА.

По совѣту моему, она притворно соглашается выйти за Чаплицкаго и сего-дня сговоръ.

ЗИНОВІЙ.

Сговоръ!

ЧУРА.

Сговоръ — не свадьба. Сего-дня Барабашъ пируетъ у Чаплицкаго, и я ихъ употчую!

ЗИНОВІЙ.

Спасемъ Ольгу!... какая мысль! Чура! ты мо-

жешь оказать мнѣ двойную услугу: Барабашъ скрываетъ отъ насъ одно важное королевское письмо и вѣрно хранитъ его подъ ключемъ, который всегда носитъ на поясѣ. Чура, воспользуйся случаемъ....

ЧУРА, (*оскорбясь*).

Зиновій!...

ЗИНОВІЙ.

Это ключь къ спасенью Украйны!

ЧУРА.

Если такъ.... увидимъ. Между тѣмъ, будь остороженъ; ты здѣсь въ опасности.

ЗИНОВІЙ.

Въ опасности?

ЧУРА.

Да, да, Чаплицкій съ Барабашемъ шепчутся и что-то умышляютъ недоброе. Я посланъ даже слѣдить за тобою.

(*Въ это самое время со всѣхъ сторонъ набѣгаютъ казаки-Барабашцы и, по приказанію Чаплицкаго, схватываютъ Зиновія*).

X.

ТѢЖЕ, ЧАПЛИЦКІЙ.

ЗИНОВІЙ.

За что? измѣна! предательство!

чаплицкій, (*повелительно, обнажая саблю*).

За посполитное рушенье!

зиновій.

Пусть спросятъ....

чаплицкій.

Эге! (*казакамъ*). До мяста! до мяста!

зиновій, (*казакамъ*).

И казаки подымаютъ руки на украинца?

1-й казакъ.

Мы клялись въ вѣчной покорности гетману.

зиновій.

Во зло употребленная клятва падаетъ на главу притѣснителя.

чаплицкій.

Что тутъ репетовать! (*казакамъ*). До мяста! до мяста! утикайте!

зиновій.

Чаплицкій! я бѣдствую, но не унываю! страшись злодѣй: насилія ведутъ къ свободѣ!

(*Зиновія уводятъ*).

чура.

Ай да панъ Чаплицкій!

чаплицкій, (*ударяя Чуру по плечу*).

То мой фортель есть! удалось до рукъ прибрать, какъ бы нашимъ отдать. (*Уходятъ*).

ДѢЙСТВІЕ ВТОРОЕ.

ЗАРУЧЕНЬЕ.

Въ домѣ Чаплицкаго.

—

I.

ПАННА ОЛЬГА, *(сидитъ у окна съ бандурою).*

Въ огородѣ хмѣлиненька
Грядки устилае;
Промежъ людьми дѣвчинонька
О, горько рыдае.

Щожъ, хмѣлина зелененька,
Що не вьешься въ гору?
Щожъ дѣвчина молоденька
Проклинаешь долю?

Якъ хмѣлинѣ въ гору виться,
Подпоры не мае!
Якъ дѣвчинѣ не журиться:
Казакъ покидае.

—

II.

ОЛЬГА И ЕЯ ПОДРУГИ *, (*къ которымъ она бѣжитъ на встрѣчу*).

ОЛЬГА.

Спасибо, подружки, что собрались на вечерницу.

ОКСАНА.

Скажи лучше, панна Ольга, на заручeнье.

ОЛЬГА, (*печально*).

Да.

ОКСАНА.

Это да, хуже чѣмъ нѣтъ.

1-я ПОДРУГА.

То-то и есть, мы знаемъ.... что знаемъ.

ОЛЬГА.

Что-жъ вы знаете?

1-я ПОДРУГА.

Да то, что всѣ знаютъ, кромѣ пана Чаплицкаго.

ОКСАНА.

Что ты хитришь: заручаешься съ однимъ, а поджидаешь другаго.

---

* Щеголеватый нарядъ малороссійской дѣвушки состоялъ въ слѣдующемъ: косы заплетались *въ дрибушки* (мелкія косы) или перевивались разноцвѣтными *скиндячками* (лентами), радушная *плахта* (юбка или передникъ) штофный или парчевой корсетъ, едва застегивался подъ грудью *гапликами*, а обувались въ сафьянныя красныя чоботы съ золочеными скобками,

ОЛЬГА.

Душечки! ради Бога! чтобы не услышали....

1-я ПОДРУГА.

Не бойся, не бойся, неразболтаемъ.

ОКСАНА.

По-моему, ужъ если хитрить, такъ надо умѣть и притворяться.

1-я ПОДРУГА.

Конечно, а ты какъ убитая.

ОКСАНА.

Будь веселѣе.

1-я ПОДРУГА.

Подыми головку.

ОКСАНА.

Улыбнись.

1-я ПОДРУГА.

Вотъ такъ!

ОКСАНА, (*подавая бандуру*).

Теперь сыграй и спой.

ОЛЬГА.

Нѣтъ, нѣтъ, подружки, не могу, воля ваша.

1-я ПОДРУГА.

Хоть сыграй.

ОКСАНА.

Лучше попросимъ панну Оксану: она мастерица.

ОКСАНА.

Пожалуй. Я спою вамъ думу о знаменитой нашей Марусѣ.

Кто Маруси не знавалъ
Изъ дѣвчинъ Украйны?
Кто Марусю побѣждалъ
Въ славѣ запѣвальной?

Ея пѣсни — нашъ вѣнокъ,
Свитый ею втайнѣ....
И она была — цвѣтокъ
Лучшій на Украйнѣ.

Она пѣла, какъ цвѣла;
Пѣла.... сердца тайны,
И за то у насъ слыла
Соловьемъ Украйны!

Безъ дружка не голоситъ
Соловей печальный....
Безъ росы цвѣтокъ горитъ
На степяхъ Украйны!

И Марусю Богъ лишилъ
Радости вѣнчальной....
И невѣрный измѣнилъ
Прелестямъ Украйны!

ОЛЬГА.

Постойте, постойте, что за шумъ? (*подбѣгаетъ къ окну*). Ахъ! я погибла! (*подруги подхватываютъ ее*).

1-я ПОДРУГА.

Что случилось?

2-я ПОДРУГА, (*подбѣгая къ окну*).

Много народа.... но ничего больше.

—

III.

ТѢЖЕ, ЧУРА.

ОЛЬГА, (*увидя Чуру, бѣжитъ къ нему на встрѣчу*).

Чура! Чура! я все видѣла.

ЧУРА, (*въ полголоса*).

Забудь, что видѣла, кажись веселой; одно притворство, одна хитрость можетъ спасти насъ.

ОЛЬГА.

Нѣтъ Чура, я погибла!

ЧУРА.

Надѣйся на Чуру, но если Чаплицкій замѣтитъ твои слезы, все пропало: преодолѣй печаль, кажись веселою, смѣйся, скачи, если можно.

ОЛЬГА.

Ахъ, Чура! на что-жъ ты надѣешься?

ЧУРА.

Что будетъ, то будетъ, а будетъ то, что Богъ дастъ! говоритъ Зиновій (*подругамъ*). - Ба! дѣвицы.... что вы отъ насъ удалились? У меня съ панной Ольгой, кромѣ пѣсней да бандуры, нѣтъ другихъ секретовъ.

ОКСАНА, (*двусмысленно*).

Конечно.

ЧУРА.

Я слышу голосъ Чаплицкаго! (*онъ принимаетъ на себя роль весельчака и, хватаясь за бандуру, приплясываетъ и поетъ*).

У дѣвчины черны бривки
Высоки подкивки
И юпочка рябенька
И сама молоденька....
То якая жъ хорошая
Яко чапорнепька!

—

IV.

ТѢЖЕ, ЧАПЛИЦКІЙ.

ЧАПЛИЦКІЙ, (*вполнѣ довольный*).

Браво, браво, панъ Чура!

ЧУРА.

Я старый запѣвала и весельчакъ, панъ Чаплицкій: сего-дня же праздникъ!

ЧАПЛИЦКІЙ.

Скажи лучше: счастливѣйшій день въ моей жизни! панна Ольга! ручку.... (*цѣлуетъ; подходя къ другимъ*). Паннамъ до ногъ, паннамъ до ногъ, дали бугъ барзо контентъ есть! за то мы будемъ спиватць и танчиць.

1-я ПОДРУГА.

Да будетъ ли съ кѣмъ, панъ Чаплицкій!

ЧАПЛИЦКІЙ.

А якъ же-жъ?... вы будете танчитць между собою.

ОКСАНА.

Вотъ весело!...

ЧАПЛИЦКІЙ.

Если нужно, то я самъ даже къ вашимъ услугамъ.

ОКСАНА.

О! о!

ЧАПЛИЦКІЙ.

Можетъ быть, панъ Барабашъ....

ОКСАНА, (*смѣючись*).

Еще лучше!

ЧАПЛИЦКІЙ.

Если необходимо.... такъ пожалуй....

ОКСАНА.

Непремѣнно, панъ Чаплицкій, а иначе и танцы не въ танцы....

ЧАПЛИЦКІЙ.

Эхъ! эхъ, панна Оксана! пора замужъ!

1-я ПОДРУГА, (*показывая на Ольгу*).

Не всѣмъ такое счастье.

ЧАПЛИЦКІЙ, (*охорашиваясь*).

Такъ есть, такъ есть.

ШЛЯХТИЧЪ, (*входя*).

Панъ Чаплицкій!

ЧАПЛИЦКІЙ.

А! а! (*беретъ отъ него букетъ цвѣтовъ и подноситъ Ольгѣ*) прошу принять, то мой презентъ по-варшавски! Ахъ! панна Ольга: и цвѣты имѣютъ свой взглядъ, свой языкъ, свое чувство; вотъ *люби мене, не забудь мене, неруть мене!* вотъ (*намекая на себя*) пивонія и вотъ (*намѣкая на Ольгу*) роза.

ОЛЬГА.

Благодарю, панъ Чаплицкій; я ихъ приколю сюда.

ЧАПЛИЦКІЙ.

Счастливцы!

ОКСАНА.

О! о! панъ Чаплицкій!

ЧАПЛИЦКІЙ, (*грозя*).

Пора замужъ, пора замужъ, панна Оксана!

ПОДРУГИ.

Пора остепениться, пора остепениться, панъ Чаплицкій.

ЧАПЛИЦКІЙ.

Но что на васъ за платье, панна Ольга?

ОЛЬГА.

Платье, какъ платье.

ЧАПЛИЦКІЙ.

Нѣтъ, для сегодняшняго дня, для сегодняшнихъ гостей, для панна гетмана у васъ есть новое — варшавское! мы не дробная какая-нибудь шляхта, панна Ольга. (*Подругамъ*). Я надѣюсь, что дѣвицы помогутъ ей нарядиться.

МНОГІЯ.

Съ охотой, это наше дѣло. (*Уходятъ съ Ольгою*).

—

V.

ЧАПЛИЦКІЙ, ЧУРА.

ЧАПЛИЦКІЙ.

Ну! Чура, теперь могу вздохнуть свободно.

ЧУРА.

Боюсь, чтобъ онъ не далъ тяги.

ЧАПЛИЦКІЙ, (*потряхивая по карману*).

Не бойся, онъ подъ двумя ключами и для внутренняго надзора даже я запряталъ съ нимъ двухъ евреевъ.

ЧАПЛИЦКІЙ.

И сего-дня ночью, подъ строгимъ карауломъ и съ описаніемъ всего, что онъ пропов'ѣдывалъ на Радѣ, отправлю его прямо въ Варшаву.

ЧУРА.

Славно, по еще боюсь, чтобъ панъ гетманъ не присвоилъ себѣ славы твоего подвига.

ЧАПЛИЦКІЙ

Нѣтъ, ему не удастся поддѣть меня. Конечно, онъ согласился, далъ людей, но мысль схватить этого человѣка принадлежитъ собственно мнѣ и я не уступлю ее.... какому-нибудь Барабашу. (*Входитъ шляхтичъ*).

Панъ гетманъ!

ЧАПЛИЦКІЙ.

Панъ гетманъ! (*бѣжитъ на встрѣчу*).

—

VI.

ТѢЖЕ, БАРАБАШЪ.

БАРАБАШЪ.

Другъ и пріятель!

ЧАПЛИЦКІЙ.

До ногъ, до ногъ пану добродзею.

БАРАБАШЪ, *(подавая руку)*.

Рука въ руку, душа въ душу, звѣзда Варшавская!

ЧАПЛИЦКІЙ.

Мѣсяцъ украинскій, солнце запорожское!

БАРАБАШЪ.

Богъ знаетъ, кто лучше.

ЧУРА, *(всторону)*.

Хороши оба.

БАРАБАШЪ, *(садясь)*.

Ну, что-жъ?... понимаемъ.... сказано, сдѣлано?

ЧАПЛИЦКІЙ, *(въ полголоса)*.

Медвѣдь въ западнѣ и сегодня жъ на цѣпи будетъ отправленъ въ Варшаву.

БАРАБАШЪ.

Какъ бы мнѣ отрапортовать объ этомъ хорошенько.

ЧАПЛИЦКІЙ, *(съ неудовольствіемъ)*.

Отрапортовать?... для этого надобно посовѣтоваться съ казаками.

БАРАБАШЪ.

Въ умѣ ли ты, панъ Чаплицкій! казаки съѣдятъ меня, если узнаютъ.

ЧАПЛИЦКІЙ.

Такъ надо дѣйствовать тайно, чтобъ себя выгородить.

БАРАБАШЪ.

Да какъ же сдѣлать?... Развѣ ты напишешь?

ЧАПЛИЦКІЙ.

Мнѣ бы не хотѣлось....впрочемъ....

БАРАБАШЪ.

Пожалуйста.... ты этого дѣла мастеръ.... распиши хорошенько.

ЧАПЛИЦКІЙ.

Что-жъ тутъ расписывать, когда онъ на Радѣ обнажилъ саблю и самого гетмана назвалъ Іудою.

БАРАБАШЪ.

А тебя грабителемъ.

ЧАПЛИЦКІЙ.

Такъ есть.

БАРАБАШЪ.

Хвалилъ русскихъ, бранилъ поляковъ.

ЧАПЛИЦКІЙ.

Да, да.

БАРАБАШЪ.

Назвалъ ихъ египтянами, а магнатовъ властолюбцами.

ЧАПЛИЦКІЙ.

Довольно и безъ этого. Будь спокоенъ, его повѣсятъ!

БАРАБАШЪ.

Ой-ли?

ЧАПЛИЦКІЙ.

Непремѣнно!

БАРАБАШЪ.

За это не грѣхъ сказать спасибо.

ЧАПЛИЦКІЙ, (*съ увѣренностью*).

Надѣюсь.

БАРАБАШЪ.

Какъ бы этакъ, панъ Чаплицкій, на радости выпить за здоровье будущаго воеводы!

ЧАПЛИЦКІЙ.

Или за здоровье короннаго гетмана.

БАРАБАШЪ.

Ой-ли?

ЧАПЛИЦКІЙ.

Для такого гостя и радости нечего начинать съ дулевки, или съ терновки.... Чура, венгерскаго! постой (*подводя его къ Барабашу*). Панъ гетманъ, дозволь представить тебѣ моего вѣрнаго слугу бандуриста Чуру. Онъ нашъ — тѣломъ и душею. Къ тому же (*шутя*) онъ, какъ говорится, не спроста, въ кумовствѣ съ знахаркою, или просто съ вѣдьмою Гаркушею, которая живетъ въ глуши на Днѣпрѣ, между гайдамаками, и можетъ, говорятъ, открыть всѣ запрятанныя казацкія богатства.

БАРАБАШЪ.

Ой-ли? стало, знаетъ всѣ бѣсовскія художества и мороченья. Коли такъ, сослужи службу: 100 талеровъ! изведи судью Полежая.

ЧУРА.

Который кричалъ на Радѣ?

БАРАБАШЪ.

Да, хоть старика, за сына дамъ вдвое.

ЧУРА, (*подставляя руку*).

По рукамъ, панъ гетманъ.

БАРАБАШЪ.

Ладно—смотри жъ!

ЧАПЛИЦКІЙ.

Давай венгерское!

БАРАБАШЪ.

Все ладно; боюсь одного, что за Зиновія вступятся.

ЧАПЛИЦКІЙ.

Пустое!

БАРАБАШЪ.

Не таковы запорожцы, чтобъ обиду забыли.

ЧАПЛИЦКІЙ.

Не таковскіе и ляхи, чтобъ прощенье дали.

БАРАБАШЪ.

Казаки не забудутъ, пока свое не добудутъ.

ЧАПЛИЦКІЙ.

Эхъ, панъ гетманъ, все казаки, да казаки! Ну то-ли дѣло польскіе уланы, али крылатики? Эхъ, если бы ты зналъ меня, когда я былъ крылатикомъ? Бывало въ шлемѣ, да въ латахъ съ крыльями—какъ сяду на бѣлаго коня, да загарцую, такъ ужасъ да и только! Земля дрожитъ, татары и турки бѣгутъ, не оглядываясь.

БАРАБАШЪ.

Ой-ли? да вѣдь и у насъ въ Никитинской Сѣчи, гдѣ засѣлъ гарнизонъ польскій, есть и теперь крылатики.

ЧАПЛИЦКІЙ.

Дорого бы далъ, чтобъ увидѣть прежнихъ сослуживцевъ.

(*Чура приноситъ венгерское, подвигаетъ столъ и начинается попойка*).

ЧАПЛИЦКІЙ, (*подчивая Барабаша*).

Начнемъ по-польски — на братство! Панъ гетманъ! да кстати, что это за королевское письмо, которымъ тебя упрекали на Радѣ.

БАРАБАШЪ.

О! о! если бы они прочли, такъ пуще-бъ взбунтовались.

ЧАПЛИЦКІЙ.

Неужели?

БАРАБАШЪ.

Король Владиславъ видимо казаковъ балуетъ.

ЧАПЛИЦКІЙ.

Святая истина! въ этомъ упрекаютъ даже и короннаго канцлера Оссолинскаго.

БАРАБАШЪ.

По этому самому онъ на послѣднюю жалобу ихъ такъ и отвѣтилъ, магнаты ко мнѣ же бросились, чтобъ королевскія письма никому не показывать.

ЧАПЛИЦКІЙ.

Стало, универсалъ-то важный.

(*Чура внимательно вслушивается*).

БАРАБАШЪ.

Да такой важный, что я его держу подъ этимъ ключемъ, при саблѣ, да въ особой шкатулѣ, да въ заднемъ концѣ подъ воротами, такъ хорошо, что и женка не знаетъ.

ЧАПЛИЦКІЙ.

Такъ и должно.

БАРАБАШЪ, (*подавая рюмку*).

Подольешь, скажу и того лучше.

ЧАПЛИЦКІЙ, (*наливая*).

Ну что-жъ, панъ гетманъ?

БАРАБАШЪ, (*вполголоса*).

А то, что коронные гетманы Потоцкій и Калиновскій идутъ подъ Желтые Воды; что тамъ я долженъ соединиться съ ними и конецъ казакованью!

ЧАПЛИЦКІЙ, (*схватывая рюмку*).

Если такъ, отъ воспана до воспана!

БАРАБАШЪ.

Отъ воспана до воспана!

—

VII.

ТѢЖЕ, АТАМАНЫ БѢДА, НЕЧАЙ.

ЧАПЛИЦКІЙ, (*увидя казаковъ*).

Ба! что за незванные гости?

БАРАБАШЪ, (*увидя Бѣду*).

Бѣда!

ЧАПЛИЦКІЙ, (*всторону*).

Вотъ тебѣ разъ!

БѢДА.

Ты здѣсь пируешь, гетманъ, а у насъ шкода.

БАРАБАШЪ.

О! о!

НЕЧАЙ.

Нашихъ убиваютъ.

БАРАБАШЪ.

Э! э!

БѢДА.

Схватили Зиновія.

БАРАБАШЪ.

Однимъ больше, однимъ меньше, бѣда не велика.

БѢДА.

Такой одинъ—стоитъ многихъ.

БАРАБАШЪ.

Узнаемъ, узнаемъ, братеньки.

НЕЧАЙ.

Подозрѣваютъ пана Чаплицкаго.

ЧАПЛИЦКІЙ.

Какъ! что? въ чемъ? почему? отъ-чего? кто подозрѣваетъ?

БѢДА.

Говорятъ, что ты схватилъ Зиновія.

ЧАПЛИЦКІЙ.

Еслибъ схватилъ, такъ онъ былъ бы въ тюрьмѣ.

БАРАБАШЪ.

А его тамъ нѣтъ.

БѢДА.

Нѣтъ въ тюрьмѣ, такъ онъ въ другомъ мѣстѣ, но ужъ мы дознаемъ.

ЧАПЛИЦКІЙ.

Въ домѣ—я хозяинъ, въ городѣ—начальникъ, и не обязанъ вамъ отвѣтомъ.

НЕЧАЙ.

Не намъ, такъ нашимъ; свистнемъ, гаркнемъ и налетятъ какъ вороны.

БАРАБАШЪ.

О! о!

БѢДА.

Коли хочешь себя очистить, такъ дай обыскать въ твоемъ домѣ.

ЧАПЛИЦКІЙ.

Обыскать? (*въ полголоса*) Чура! (*передаетъ ему тихонько ключи изъ кармана*). Обыскать! Панъ Барабашъ, прошу прислушать.

БАРАБАШЪ.

Полно, полно, дурни! Ну, что мѣшать веселью; говорятъ: узнаемъ и отыщемъ.

НЕЧАЙ.

То-то и есть, гетманъ, что невѣрится: языкомъ ты говоришь какъ бы дѣло, а на сердцѣ правды нѣтъ.

БАРАБАШЪ.

О! о! (*увидя входящую панну Ольгу*) А, а!

—

VIII.

ТѢЖЕ, ПАННА ОЛЬГА СЪ ПОДРУГАМИ.

ЧАПЛИЦКІЙ, (*подводя Ольгу*).

Панъ гетманъ! то моя зарученная.

БАРАБАШЪ.

Ай да панъ Чаплицкій! экую отбилъ красотку.

(*Подруги подаютъ Ольгѣ подносъ, ставятъ на него золотую пугару, наливаютъ вина и она подходитъ къ Барабашу*).

ОЛЬГА.

Панъ гетманъ, прошу выкушать.

БАРАБАШЪ.

За здоровье жениха и невѣсты! ай да парочка.

(*Чаплицкій охарашивается*).

ОЛЬГА (*подходитъ къ Бѣдѣ; Чаплицкій ее дергаетъ, чтобъ обойти казаковъ, но она будто не примѣчаетъ*).

Прошу, панъ атаманъ!

БѢДА.

За здоровье панны Ольги и ея коханаго.

ЧАПЛИЦКІЙ.

Какого коханаго?

ОЛЬГА, (*подходя къ Нечаю*).

Прошу о томъ же.

НЕЧАЙ.

За здоровье того, кто любитъ кого.

ЧАПЛИЦКІЙ.

А что тутъ за аллегорія?...

НЕЧАЙ, (*выпивъ*).

Спасибо! дѣвчина чернобрива, полюби Нечая!

ЧАПЛИЦКІЙ (*въ сердцахъ подходитъ къ Барабашу*).

Панъ Барабашъ, уйми, выживи ихъ, ради Бога.

ОЛЬГА, (*тихо Нечаю*).

Зиновій здѣсь.

ЧУРА (*Бѣдѣ, будто отнимаетъ Ольгу*).

Приготовь коней и жди насъ у задней калитки,

БѢДА (*обнимая Ольгу*).

Панна Ольга, не бойся Бѣды.

ЧАПЛИЦКІЙ.

Панъ Барабашъ!

БАРАБАШЪ (*къ Чаплицкому*).

Да что тебѣ мѣшаютъ?

ЧАПЛИЦКІЙ (*въ сердцахъ*).

Якъ что-жъ, якъ что-жъ, кеды бисика пускаютъ *.

(*Переходитъ на другую сторону къ дѣвицамъ*).

БАРАБАШЪ (*казакамъ*).

Гей, братеньки! говорятъ, не рушьте весѣлья, вы здѣсь не званые, ступайте домой; дурня Зиновья и завтра отыщемъ.

---

* Строятъ куры.

БѢДА.

И то правда.

НЕЧАЙ.

Пируй себѣ, гетманъ.

БѢДА.

Панъ Чаплицкій! до забоченья!

ЧАПЛИЦКІЙ (*сухо*).

До забоченья!

ОЛЬГА.

До свиданья!

ЧАПЛИЦКІЙ (*Ольгѣ*).

Охота толковать съ дурнемъ! (*оглядываясь*). Ушли; слава Богу! Ну, дѣвицы, до танцу, до танцу! потѣшимъ пана гетмана! — Гей! Чура — играй!

ЧУРА.

Что-жъ прикажешь: дудочку, метелицу, горлицу, али казака? *

ОКСАНА.

Да съ кѣмъ же танчитць, панъ Чаплицкій?

ЧАПЛИЦКІЙ.

Эхъ, эхъ! ну хоть свой панна Оксана (*подводя ее къ гетману*). Послушаемъ, послушаемъ, панъ гетманъ.

ВАРАБАШЪ.

А! а!

---

* Малороссійскія плясовыя пѣсни.

ОКСАНА (*поетъ*).

Ой, надъ быстрымъ надъ Дунаемъ
Черной воронъ краче;
Не едина дѣвчиненька
По казаку плаче.
Не плачь, не плачь, дѣвчиненька,
Не плачь, не журися;
Ще ты мила замужъ нейшла,
Ще я не женився!
Пріди-жъ, приди казаченьку,
Що карычи очи!
Буду ждати тебѣ, милый,
До темной полночи.

БАРАБАШЪ.

Славно, славно!

ЧУРА, (*увидя входящихъ танцоровъ*).

Панъ Чаплицкій, гости.

(*Пока Чаплицкій принимаетъ вошедшихъ поляковъ и полекъ съ повтореніемъ: «барзо-котентъ, барзо-котентъ!» — и представляетъ имъ панну Ольгу, Чура снимаетъ ключь у спящаго Барабаша*).

ЧАПЛИЦКІЙ, (*подходя къ Барабашу*).

Что, Чура?

ЧУРА.

Бужу пана гетмана.

ЧАПЛИЦКІЙ.

Эхъ, впився! Панъ гетманъ, панъ гетманъ!

БАРАБАШЪ, (*просыпаясь*)

Эге!....

ЧАПЛИЦКІЙ.

Полюбуйся краковьякомъ.

БАРАБАШЪ.

Венгерскаго! (*Чура подливаетъ тому и другому*).

ЧАПЛИЦКІЙ (*самъ на веселѣ*)

Отъ воспана до воспана!

(*Гости танцуютъ краковьякъ; гетманъ спитъ, хозяинъ дремлетъ и едва держится на стулѣ; Ольга и Чура скрываются; вбѣгаютъ два жида*).

1-Й ЕВРЕЙ.

Гвальтъ, гвальтъ!

2-Й ЕВРЕЙ.

О, вей миръ, гвальтъ!

ЧАПЛИЦКІЙ, (*очнувшись*).

Что такое, что такое?

1-Й ЕВРЕЙ.

Утикъ, утикъ!

2-Й ЕВРЕЙ.

Бижавъ, бижавъ!

ЧАПЛИЦКІЙ (*въ отчаяньи*).

Бижалъ! кто бижалъ? (*бѣгая по сценѣ*) Панъ Чура! — нѣтъ Чуры! панна Ольга! — нѣтъ Ольги! — гвальтъ! гвальтъ! шукайте! ратуйте! ратуйте! панъ Барабашъ, панъ Барабашъ!

(*Гости разбѣгаются*).

БАРАБАШЪ (*въ просонкахъ*).

Гайда! гайда!

ЧАПЛИЦКІЙ.

Гайда! - впився, впився! панъ Барабашъ! всѣ

бижали! бѣжимъ и мы; чтобъ догнать, схапать, вбить злодѣевъ. (*убѣгаетъ*).

БАРАБАШЪ.

Гайда, гайда! Барабашцы!

(*Два шляхтича отводятъ его подъ-руки, а третій подталкиваетъ*).

ДѢЙСТВІЕ ТРЕТЬЕ.

ЗАПОРОЖСКАЯ СѢЧЬ *.

Театръ представляетъ Запорожскую Сѣчь. Она обнесена рвомъ и валомъ, установленнымъ пушками. Внутри, съ боку, видѣнъ станокъ (домъ) кошеваго атамана и башня, на которой развѣвается бѣлое войсковое знамя съ крестомъ. По валу ходятъ часовые; иные изъ казаковъ кашеварничаютъ, другіе борятся, третьи поютъ, остальныя лежатъ у своихъ шалашей и землянокъ и курятъ трубки. Вдали Днѣпръ.

I.

КУКУРУЗА, МУШКЕТЪ, ВАТАГА, САМКО И ДРУГІЕ КАЗАКИ.

КУКУРУЗА.

Гей! Мушкетъ! Ватага! полюбуйтесь чудомъ!

---

* Главнѣйшія сѣчи были: Хортицкая, Тешлыкская и Никитинская. Вокругъ сѣчи расположены были шанцы, рогатки, западни, берлоги для стражи, маяки и могилы.

МУШКЕТЪ.

Дай выкрошить огня, да запалить люльку.

ВАТАГА, (*подходя*).

Что-жъ за чудо?

САМКО, (*показывая свою саблю*).

Взгляни, вотъ булатъ, отъ котораго разомъ на два разлетится всякой круглевикъ.

МУШКЕТЪ.

Ой-ли!

САМКО.

Не вѣришь, такъ попробуемъ.

ВАТАГА, (*вынимая деньги*).

Руби, вотъ круглевикъ.

(*Казаки собираются въ кружокъ и на пнѣ пробуютъ саблю*).

МНОГІЕ.

Славно, славно!

КУКУРУЗА.

Глазъ бы не свелъ, не разстался-бы, такъ-бы и умеръ съ нею!

МУШКЕТЪ.

Гдѣ жъ ты ее добылъ?

САМКО.

Снялъ съ убитаго мирзы.

ВАТАГА.

Что булатъ хорошъ, такъ хорошъ, (*показывая кинжалъ*) а мой кинжалъ не уступитъ.

САМКО.

Какъ бы не такъ!

ВАТАГА, (*спуская кинжалъ подъ ухомъ*).

Слышишь?

САМКО.

Дербетскій.

ВАТАГА.

Настоящій Дамасскій.

КУКУРУЗА, (*показывая ружье*).

Да ужъ не поровняется ваше оружье съ моимъ мушкетономъ — какъ легокъ и ловокъ, насѣчка золотая съ чернетью, стволъ венеціанскій, а бьетъ — такъ чудо! Я добылъ его отъ черкеса, котораго подстрѣлилъ подъ самое сердце и порубилъ ему руки; когда жъ началъ тянуть съ него мушкетонъ, такъ у него индо глаза налились кровью и знаешь, не чѣмъ.... такъ онъ съ пѣной у рта ажъ зубами за него вцѣпился проклятый.

(*Казаки смѣются*).

МУШКЕТЪ.

Кукуруза! продай.

КУКУРУЗА.

Ни за что на свѣтѣ.

МУШКЕТЪ.

На вѣсъ серебра.

КУКУРУЗА.

Ни на вѣсъ золота.

ВАТАГА.

Ребята! полдничать рано; видишь, наши еще кашеварничаютъ; не хочетъ-ли кто силки отвѣдать да со мной побороться?

САМКО.

Вотъ затѣялъ! Гей, Мушкетъ! спой лучше пѣсню а мы послушаемъ, да подтянемъ.

ПѢСНЯ.

Ой на гори та жинцы жнуть
А по пидъ горою,
По пидъ зеленою
Казаки йдуть.

Ей, послухай Сагайдачный,
Возьми свою жинку,
Покинь свою люльку
Необачный.

Мине съ жинкой не возиться,
А тютюнъ да люлька
У дорози казаковой
Знадобится.

Гей! кто въ лисѣ, озовися,
Та выкрашемъ огню
Та запалимъ люльки
Не журися!

—

II.

ТѢЖЕ, БУРСАКЪ, *(послѣ пѣсни изъ землянки показывается голова и мало-по-малу вся фигура Бурсака).*

МНОГІЕ.

А! панъ Бурсакъ! панъ новобранецъ! вылѣзай скорѣе.

БУРСАКЪ.

Сейчасъ, сейчасъ, ноги скользятъ, даже трясутся нѣкоимъ образомъ.

ВАТАГА.

Что-жъ ты дѣлалъ въ землянкѣ?

БУРСАКЪ.

Мечталъ, почтеннѣйшіе.

КУКУРУЗА.

Объ чемъ же?

БУРСАКЪ.

Мало-ли объ чемъ.... о настоящемъ и о будущѐмъ.

ВАТАГА.

Что-жъ лучше?

БУРСАКЪ.

Богъ знаетъ, почтенные: настоящее ласточка, будущее журавль.

САМКО.

Полноте книжничать.

МУШКЕТЪ.

Скажи-ко лучше, привыкаешь-ли къ нашему удалому житью, панъ новобранецъ?

БУРСАКЪ.

Плохо, очень плохо, храбрые лыцари.

КУКУРУЗА.

Ой-ли? а житье славное! какъ конь въ степной волѣ, такъ казакъ не безъ доли, куда хочетъ, туда и скачетъ.

САМКО.

Нѣтъ ни безводья, ни безхлѣбья.

МУШКЕТЪ.

Добычи нѣтъ, такъ чарой подѣлимся.

ВАТАГА.

Затрубятъ трубы, загремятъ бубны и пустимся на бусурмановъ!

БУРСАКЪ.

То-то и есть, у васъ въ головѣ трубы да бубны, а у меня книги.

КУКУРУЗА.

Экой вздоръ.

БУРСАКЪ.

У васъ война, а у меня латынь.

ВАТАГА.

Выбрось ее изъ головы, да пойдемъ подъ турку. То-то земля: полна серебра и золота, а горы подъ самое небо!

БУРСАКЪ.

Почему бы не такъ, да съ кониками-то не справлюсь, такъ и брыкаются, проклятые, словно чувствуютъ....

МУШКЕТЪ.

Такъ пустимся на ладьяхъ.

БУРСАКЪ.

Пробовалъ и это.... да мочи нѣтъ, тошнитъ, почтенные. Избавь Богъ отъ гнилаго моря.

ВАТАГА.

Гнилое—шутка: мы! его и вбродъ и вплавь измѣрили. Вотъ Черное или Русское море, такъ дѣло другое.

БУРСАКЪ.

А-что?

ВАТАГА.

Какъ задуетъ вѣтеръ да встанетъ волна переложная, такъ Черное и завоетъ сѣрымъ волкомъ, оно воетъ, оно лаетъ, а мы разгуливаемъ. Иногда, знаешь, на ладьяхъ ходимъ гусемъ: одна за другою рядомъ, а иной разъ журавлемъ, то-есть углемъ. Ратуемъ Хана, ратуемъ Натолью, разъ штурмовали Требизонтъ и доплывали до Царьграда.

БУРСАКЪ.

И что-жъ, возвратились чай съ гарной добычею?

ВАТАГА, (*показывая деньги*).

А какъ же; вотъ тебѣ и блестящіе кругленики, и талеры съ печатью царской; вотъ шпанскіе реалы и арабскіе цѣхины.

БУРСАКЪ.

Славно, славно нагайдамачили!

МУШКЕТЪ, (*толкая Бурсака*).

Ахъ, ты дурень. Орелъ не воронъ, казакъ не гайдамакъ, мы воюемъ, они разбойничаютъ, и на Днѣпрѣ вредятъ нашей доброй славѣ.

БУРСАКЪ.

Виноватъ, виноватъ, почтенные лыцари! да что вамъ за охота вѣчно драться съ сосѣдями?

ВАТАГА.

Хороши сосѣди.

БУРСАКЪ.

Что-жъ, татары что-ли?

ВАТАГА.

Свекольники-бусурманы.

БУРСАКЪ.

Турки?...

МУШКЕТЪ.

Агаряне.

БУРСАКЪ.

Поляки?...

ВАТАГА.

Египтяне!...

БУРСАКЪ.

Русскіе?

МУШКЕТЪ.

Ну, эти не что.... единовѣрцы! впрочемъ говорятъ пословица: *съ Москалемъ дружи, а камень за пазухой держи.*

БУРСАКЪ.

Да и царь-то у нихъ, говорятъ, славный.

МУШКЕТЪ.

Сынъ Михаила Романова.

БУРСАКЪ.

Издалъ, видишь, уложенье; отнялъ назадъ Смоленскъ, да того и смотри, что приберетъ и Украйну.

МУШКЕТЪ.

Ужъ коли тому быть, такъ лучше идти подъ его руку.

САМКО.

Ну полно-жъ умничать! (*Бурсаку*) говори: казакъ или нѣтъ?

ВАТАГА.

Лепеховатъ, да выправишься.

БУРСАКЪ.

Нѣтъ, истинно не способенъ, почтенные! (*становясь въ риторскую позитуру*). И всѣмъ ли быть

воинами—храбрые лыцари? Повѣрьте, всякой хорошъ и нуженъ на своемъ мѣстѣ. Пахарь доставляетъ вамъ пищу тѣлесную; риторъ — пищу умственную, душевную. Мнѣ кажется.... что вы какъ будто сомнѣваетесь въ послѣднемъ, не судите по мнѣ о прочихъ. Есть витіи, которыхъ словеса что твой булатъ, не говорю о Сократѣ, Сенекѣ, Катонѣ — учителяхъ древности; говорю объ отцѣ Трофимѣ, ректорѣ Переяславскомъ; краснорѣчіе его выше всякаго понятія; и такъ, почтенные слушатели, пусть каждый остается на своемъ мѣстѣ; пусть пахарь идетъ въ поле, пусть риторъ идетъ въ свою бурсу. Пусть каждый подвизается на предназначенномъ ему поприщѣ и, какъ истинный сынъ отечества, содѣйствуетъ пользамъ Украйны и славныхъ ея защитниковъ, храбрыхъ запорожцевъ, всегда, нынѣ и во вѣки вѣковъ.

КУКУРУЗА.

За чѣмъ же ты бѣжалъ изъ бурсы?

БУРСАКЪ.

Я не бѣжалъ, нѣтъ, я не бѣглецъ, но странствователь. Услышавъ въ бурсѣ, что какой-то инженеръ, французъ Бопланъ намѣревается описать Украйну, нравы и обычаи ея жителей, я рѣшился предупредить его въ этомъ подвигѣ. Наступила ваканція и я пустился путешествовать: дошелъ благополучно до Днѣпровскихъ пороговъ и въ ту минуту, когда восхищался *Ненасытцомъ*, когда восторженное мое воображеніе представляло мнѣ его гигантомъ, съ шумомъ омывающимъ главу свою пѣнистою влагою, въ ту минуту, говорю

нимъ, я почувствовалъ, что меня давитъ за горло. Сначала я подумалъ, что это приливъ восторга, но это былъ арканъ, накинутый мнѣ на шею однимъ изъ почтенныхъ лыцарей; дальнѣйшее вамъ извѣстно, будущее въ рукахъ вашихъ.

МУШКЕТЪ.

Мы сами по себѣ не можемъ порѣшить этого; вотъ атаманъ, просись, авось и отпуститъ.

—

III.

ТѢЖЕ, ДЖЕНДЖЕЛЕЙ.

ДЖЕНДЖЕЛЕЙ.

А! панъ новобранецъ.... привыкаешь ли къ ратному дѣлу?

МУШКЕТЪ.

Чего привыкать, атаманъ, просится во свояси.

ДЖЕНДЖЕЛЕЙ.

Отъ чего жъ?

БУРСАКЪ.

Великодушный атаманъ! двѣ недѣли испытанія доказали явную мою неспособность. Я не рожденъ быть воиномъ: конь меня уноситъ, ладья укачиваетъ; мушкетъ, сабля, пика, бердышъ, кольчуга и проч. сдѣланы не для меня (*вынимая изъ-за пазухи толстую тетрадь*) вотъ оружіе! Вотъ мои путевыя впечатлѣнія, онѣ поразятъ многихъ. Быть писателемъ, вотъ поприще, предназначенное

мнѣ судьбою. На немъ я стократъ буду полѣзнѣе. И такъ, великодушный атаманъ, позволь возвратиться мнѣ въ вертоградъ Переяславскій и окончить начатое.

ДЖЕНДЖЕЛЕЙ.

Насильно не держимъ, пожалуй; но ты голъ, какъ соколъ, а до Кіева не близко (*давая ему круглевикъ*) вотъ тебѣ на дорогу.

БУРСАКЪ.

Спасибо, спасибо, храбрый лыцарь! Богъ воздастъ тебѣ седмерицею. Придя въ Кіевъ, я запишу имя твое въ поминальномъ субботникѣ.

ДЖЕНДЖЕЛЕЙ.

Дай прежде умереть. .

БУРСАКЪ.

У васъ не долго; почтенные! Прощайте, прощайте, храбрые лыцари.

ИНЫЕ.

Прощай, панъ Бурсакъ!

ПРОЧІЕ.

Убирайся къ чорту, вялое животное!

—

IV.

ТѢЖЕ, КРОМѢ БУРСАКА.

ДЖЕНДЖЕЛЕЙ.

Пора бы быть нашимъ изъ Чигирина, не случилось-ли съ ними чего недобраго.

ВАТАГА.

Да вѣдь тамъ гетманъ.

ДЖЕНДЖЕЛЕЙ.

То-то и худо, вчера на Радѣ, они больно поразмолвили.

ЧАСОВОЙ.

Гей, изъ-за могилъ показываются всадники.

ДЖЕНДЖЕЛЕЙ.

Взгляните. (*нѣкоторые казаки взбѣгаютъ на валъ*).

ВАТАГА.

Переднiй летитъ орломъ и гнется яворомъ.

МУШКЕТЪ.

Подскакиваютъ къ шанцамъ —это наши!

ДЖЕНДЖЕЛЕЙ.

Вѣрно Зиновій!

ВАТАГА.

Такъ и есть.

ДЖЕНДЖЕЛЕЙ.

Слава Богу!

—

V.

ТѢЖЕ, ЗИНОВІЙ, БѢДА, НЕЧАЙ.

ЗИНОВІЙ.

Здравствуй атаманъ! здравствуйте братья.

ДЖЕНДЖЕЛЕЙ.

Я начиналъ тревожиться.

БѢДА.

И не даромъ.

НЕЧАЙ.

Хорошо, что счастливо отдѣлались.

ЗИНОВІЙ.

Я былъ схваченъ Чаплицкимъ съ согласья гетмана. Бѣда и Нечай спасли и меня и Ольгу.

НЕЧАЙ.

Не то казакъ, що сборовъ, а то що вывернувся.

ДЖЕНДЖЕЛЕЙ (*Зиновію*).

Но гдѣ жъ твоя Ольга?

ЗИНОВІЙ.

Съ вѣрнымъ Чурой, я оставилъ ее не вдалекѣ отъ сѣчи.

ДЖЕНДЖЕЛЕЙ.

Опасно, Зиновій, кругомъ польскія засады.

ЗИНОВІЙ.

Мы ихъ мигомъ выручимъ. Теперь къ дѣлу друзья! я обѣщалъ вамъ достать королевскій универсалъ — онъ со мною!

ДЖЕНДЖЕЛЕЙ И КАЗАКИ.

Прочти, прочти, Зиновій.

ЗИНОВІЙ, (*вынимая универсалъ*).

Слушайте: вотъ что отвѣчалъ король на послѣднюю нашу жалобу: «когда вы воины добрые и «маете у себя мушкеты и сабли, то что вамъ «стать за себя и за ваши вольности возбраняетъ, «а я помогать вамъ не въ силахъ, будучи обуре-в»аемъ патриціонствомъ. Владиславъ.»

КАЗАКИ.

Король дозволяетъ!

ЗИНОВІЙ.

Чего же ждать? выбирайте любое: гибель и славу, гибель и смерть! знайте, гетманъ съ своими барабашцами прибылъ въ Никитинскую сѣчь; Потоцкій и Калиновскій идутъ къ Желтымъ водамъ: они хотятъ соединиться и уничтожить Запорожье.

КАЗАКИ.

Нѐ бывать, не бывать!

ЗИНОВІЙ.

Мы послали нарочнаго къ Исламъ-Гирею, онъ прилетитъ на помощь.

ДЖЕНДЖЕЛЕЙ.

Гей! ладьи! коней! (*казаки съ криками: «гай, гай,» вооружаются*). Небаба! ты остаешься здѣсь съ своими для охраненія сѣчи.

НЕБАБА.

Побей — Богъ, треба рубиться.

ЗИНОВІЙ.

Не сегодня, такъ завтра, храбрый Небаба.

ДЖЕНДЖЕЛЕЙ.

Надо же остаться кому нибудь изъ старшихъ.

НЕБАБА.

И то правда.

(*Казаки являются вооруженными*).

ЗИНОВІЙ, (*Дженджелею*).

Атаманъ, мы готовы.

ДЖЕНДЖЕЛЕЙ.

При тебѣ — я казакъ.

ЗИНОВІЙ.

При тебѣ — я не первый, (*казакамъ*). Друзья! Сѣчь Никитинская ваша! за отчизну и вольность казацкую!

КАЗАКИ, (*съ восклицаніями*).

Гей! гагай, гайда! (*Оставляютъ сцену*).

—

VI.

НЕВАВА *съ казаками, потомъ* ЧУРА *съ панной* ОЛЬГОЙ *переодѣтой казакомъ.*

НЕВАБА, (*выкуривая трубку*).

По мѣстамъ! на валъ! до пушекъ, до воротъ, быть на сторожкѣ — глядѣть въ оба, смотрите-жъ! (*самъ всходитъ на валъ*).

ЧУРА, (*прокрадываясь съ боку*).

Небойся, небойся, панна Ольга; слава Богу, что спаслись отъ поляковъ.... здѣсь мы безопасны.

ОЛЬГА.

Но здѣсь насъ не знаютъ.

(*Подстерегавшіе ихъ казаки съ крикомъ: гей! бросаются на нихъ и схватываютъ*).

ЧУРА.

Мы свои — я слуга Зиновія.

ОЛЬГА.

Я сынъ Чуры.

МУШКЕТЪ.

Узнаемъ, узнаемъ (*своимъ*) это барабанщицы.

ВАТАГА, (*тихо*).

Вѣрно шпиги *.

САМКО, (*тихо Ватагѣ*).

Ни то, ни другое.... Знаешь что: вѣдь это не хлопецъ, а дивчина!

ВАТАГА.

Ой-ли? (*схватывая Ольгу*) такъ и есть — моя добыча!

САМКО, (*отталкивая Ватагу*).

Небѣ не твоя! видишь! (*хватаясь за нагайку*) не хочешь ли отвѣдать пуги.

ВАТАГА.

Пуги! Ахъ ты татаринъ!

САМКО.

Ахъ ты сорви голова!

ВАТАГА.

Сорви голова! (*выхватывая саблю*) увидимъ, чья слетитъ прежде.

ЧУРІ, (*отнимая Ольгу*).

Гей, гей! атаманъ, атаманъ!

НЕВАБА, (*показываясь на валу*).

Здѣсь, здѣсь! Ватага, Мушкетъ! разбойники! въ курень! (*Казаки перестаютъ драться*).

ВАТАГА.

Атаманъ!

---

* Шпіоны.

НЕБАБА.

Побѣй-Богъ, въ курень! въ курень!

(*Ватага и Самко скрываются*).

ЧУРА.

Защити атаманъ — я Чура, слуга Зиновія.

НЕБАБА.

А этотъ?

ЧУРА.

Мой сынъ.

НЕБАБА.

Сынько твой бравый хлопецъ, точь въ точь дивчина.

ОЛЬГА, (*съ притворной досадой*).

Я не дѣвчина, казакъ.

НЕБАБА, (*обнимая ее*).

Небойся, я самъ Небаба.

ОЛЬГА, (*отмахиваясь отъ табачнаго дыма*).

Ужъ!

НЕБАБА.

Не хочешь ли затянуться?

ОЛЬГА.

Спасибо, спасибо.

НЕБАБА, (*Ольгѣ*).

Ну что-жъ, бывалъ ли этакъ.... въ удалыхъ схваткахъ, али подстрѣливалъ.

ОЛЬГА.

Да подстрѣливалъ.

НЕБАБА.

Небось прямо въ лобъ?

ЧУРА.

Онъ бьетъ въ самое сердце.

НЕБАБА.

Побѣй-Богъ — до смерти?

ОЛЬГА.

Нѣтъ, всѣ живы, слава Богу.

НЕБАБА.

Что жалѣть, бей на повалъ, по-запорожски!

ЧАСОВОЙ.

Гей! атаманъ! наши.

НЕБАБА.

Ой-ли!

(*За кулисами слышны воеклицанія: гей; гайгай, гайда*).

—

VII.

ТѢЖЕ, КАЗАКИ, *потомъ* ЗИНОВІЙ, ДЖЕНДЖЕЛЕЙ.

КУКУРУЗА, (*вбѣгая съ другими*).

Наша взяла! наша взяла!

НЕБАБА.

Славно!

КУКУРУЗА.

Никитинская сѣчь взята штурмомъ.

НЕБАБА.

Лихо.

КУКУРУЗА.

Польскій гарнизонъ вырѣзанъ!

НЕБАБА.

Знатно!

КУКУРУЗА.

Барабашъ убитъ!

НЕБАБА.

Дѣльно!

КУКУРУЗА.

Вотъ и наши!

НЕБАБА.

Ай да запорожцы!

(*Входитъ Зиновій съ Дженнджелеемъ, который держитъ бумагу*).

ДЖЕНДЖЕЛЕЙ, (*Зиновію*).

Вотъ булава убитаго гетмана — она твоя Зиновій.

КАЗАКИ.

Она твоя! она твоя!

ЗИНОВІЙ.

Она ваша и я вашъ. Ляхи ждутъ нась, отмстимъ и будемъ правы! (*увидя Ольгу*) Ольга, тебя ли я вижу! Чура, вѣрный Чура! (*казакамъ*). Друзья! вотъ жена моя!

НЕБАБА.

Побѣй-Богъ!

ОЛЬГА, (*подавая руку Небабѣ*).

Да, атаманъ.

ЗИНОВІЙ.

Что это значитъ?

ОЛЬГА.

Мы подружились.

ЗИНОВІЙ.

Тѣмъ лучше. Храбрый Небаба! ей здѣсь не мѣсто; не откажись съ своими проводить ее до Кіева.

НЕБАБА.

А рубиться?

ЗИНОВІЙ.

За то на пути ты будешь убѣждать народъ вооружиться крестомъ и саблей противъ ляховъ, губителей имени русскаго. Въ Кіевѣ ты явишься къ святителю: скажешь ему, что насталъ часъ воли Божіей и пусть благословитъ онъ союзъ братства и православія!

НЕБАБА.

Дѣльно!

—

VIII.

ТѢЖЕ, ХОРУНЖІЙ *съ казаками и плѣнный крылатникъ.*

ХОРУНЖІЙ.

Атаманъ! еще схваченъ новый плѣнный.

ЗИНОВІЙ.

Кто ты, храбрый рыцарь?

Плѣнникъ молча падаетъ на колѣни, казаки сбрасываютъ съ него шлемъ.

ЗИНОВІЙ.

Чаплицкій! (*казаки бросаются на него съ саблями*) Остановитесь! обрить ему голову... обрить усы *.

НЕБАБА, (*хватаясь за усы.*)

Побѣй-Богъ!

ЧАПЛИЦКІЙ, (*также схватываясь за усы*).

Взмилуйся!

ЗИНОВІЙ, (*продолжая*).

Обрить усы, которыми такъ хвасталъ, выбросить за валъ и пусть летитъ на своихъ крыльяхъ!

ЧАПЛИЦКІЙ.

Усы, усы! лучше смерть! (*его уводятъ*).

ЗИНОВІЙ (*Ольгѣ и Чурѣ*).

Отправляйтесь! Богъ спасетъ насъ и нашихъ (*показывая на Небабу*) съ такимъ проводникомъ бояться нечего (*казакамъ*). Братья! время дорого, предупредимъ Потоцкаго и Калиновскаго, за ними, на Жолтыя воды!

---

* Запорожская старина Срезневскаго, книга V.

ДѢЙСТВІЕ ЧЕТВЕРТОЕ.

ГАЙДАМАКИ *.

Театръ представляетъ дикое поднѣпровье, заросшее тростникомъ и осокою. Вдали Днѣпръ и бѣдная хижина.

I.

ВЫХОДЯТЪ ГАЙДАМАКИ: 1-й, 2-й, 3-й и 4-й *съ ношами заграбленнаго.*

1-й ГАЙДАМАКЪ.

Спасибо запорожцамъ, день цѣлый полевали, а мы кой-чѣмъ поживились.

4-й ГАЙДАМАКЪ.

Охъ! охъ! братеньки-гайдамачки, выбился изъ силъ а до стойбища далеко.

2-й ГАЙДАМАКЪ.

Днѣпръ шумитъ, вѣтеръ завываетъ, быть бурѣ, не переночевать ли намъ у Гаркуши?

4-й ГАЙДАМАКЪ.

Почему бы не такъ, да недѣля-то нынче передъ Петровками, русальная.

---

* *Бродники, Лугари* собственно означало лѣсныхъ жителей; но гайдамаки были настоящими разбойниками.

3-й гайдамакъ.

Такъ что-жъ?

4-й гайдамакъ.

А вечеръ-то сегодня Ивановъ.

1-й гайдамакъ.

Вѣдомо Ивановъ.

4-й гайдамакъ.

А Гаркуша?

1-й гайдамакъ.

Ну что-жъ?

4-й гайдамакъ.

А черный котъ, а черный козелъ, а черный воронъ? что-жъ это, спроста что ли?

1-й гайдамакъ.

Вѣдомо не спроста.

4-й гайдамакъ.

А коли не спроста, такъ вѣдомо и то, что въ Ивановъ вечеръ всякая вѣдьма на помѣлѣ, или на ухватѣ летитъ подъ Кіевъ на Лысую гору.

1-й гайдамакъ.

Ты трусъ, Зозуля. Простой народъ насъ самихъ считаетъ чернокнижниками: добрый гайдамакъ дунетъ на воду и вода загорится, махнетъ рукой на лѣсъ и лѣсъ приляжетъ.

4 й гайдамакъ.

Да, разсказывай!

1-й гайдамакъ.

Положимъ, что Гаркуша и такова, но до сихъ поръ мы живемъ съ нею дружно: она ворожитъ, да заманиваетъ, а мы обираемъ, да и у ней же скла-

дываемъ. Если она и вѣдьма, такъ славная вѣдьма, нельзя пожаловаться.

3-й гайдамакъ.

Пойдемте ребята. Гей, Зозуля! что ты нагнулся?

4-й гайдамакъ.

Ищу папортника.

1-й гайдамакъ.

А! на Ивановъ день ищетъ клада.

4-й гайдамакъ.

Братеньки, братеньки, а что это?

2-й гайдамакъ.

Какой папортникъ! брось это *сонъ трава*, казацкая могила.

3-й гайдамакъ.

Ну полно жъ, пойдемте за мною.

(За кулисами слышенъ голосъ и ауканье).

1-й гайдамакъ.

Ребята! пожива! за кусты. (*Гайдамаки прячутся*).

—

II.

тѣже, бурсакъ.

бурсакъ.

Что за лѣсъ, прости Господи! идешь и не выйдешь. А иду скоро... смѣло... даже покрикиваю... оно вернѣе, народъ нашъ суевѣренъ, подумаютъ, что лѣшій и никто не сунется. Ау!

1-й гайдамакъ, (*изъ-за куста*).

Ау!

БУРСАКЪ.

Что это? вѣрно эхо? (*тихо*) Ау!

2-й гайдамакъ (*громко изъ-за куста*).

Ау!

БУРСАКЪ.

Такъ точно... это эхо собственное... удивительное, даже страшное, нѣкоторымъ образомъ, эхо. Впрочемъ, бываютъ такія, которыя даже разговариваютъ, иному скажешь: здравствуй, эхо! и оно отвѣчаетъ...

1-й гайдамакъ, (*подходя*).

Здравствуй, лѣшій.

2-й гайдамакъ, (*ударя Бурсака по плечу.*)

Самъ накликалъ.

БУРСАКЪ.

Я весьма радъ такимъ почтеннымъ попутчикамъ.

2-й гайдамакъ.

Мы идемъ другимъ путемъ.

БУРСАКЪ.

Крайне жалѣю.

1-й гайдамакъ, (*оглядывая Бурсака*).

Бриль *, усы, черкеска, трубки, узелъ съ книга-

---

* Шапка.

ми — и спрашивать нечего... Бурсакъ, не такъ ли? Здравствуй савоитель *.

БУРСАКЪ.

Какая встрѣча! но кто ты таковъ, почтеннѣйшій: этимологъ, поэтъ, риторъ или философъ?

1-Й ГАЙДАМАКЪ.

Я былъ и остался философомъ, замѣть: не попугаемъ, но истиннымъ мыслителемъ, я имѣлъ собственныя основныя идеи, возставалъ противъ многихъ предразсудковъ, подкрѣплялъ свои доводы правомъ сильнаго и меня изгнали бурсы.

БУРСАКЪ.

Участь Аристида!

1-Й ГАЙДАМАКЪ.

Я не измѣнилъ своему назначенію, живу въ лѣсу и довольствуюсь малымъ.

БУРСАКЪ.

Истинная, патріархальная философія.

2-Й ГАЙДАМАКЪ.

Откуда же идетъ панъ бурсакъ?

БУРСАКЪ.

Прямо изъ Хортицкой сѣчи.

2-Й ГАЙДАМАКЪ.

Вѣрно бѣжалъ?

БУРСАКЪ.

Никакъ нѣтъ, почтеннѣйшій, съ честью отпущенъ, самъ атаманъ даже пожаловалъ мнѣ круглевикъ на дорогу.

---

* Соученикъ.

2-й гайдамакъ.

Можетъ быть и больше?

бурсакъ.

Истинно нѣтъ, хоть обыщите. (*гайдамаки хотятъ его обыскивать.*) Вы не шутя обыскиваете?

2-й гайдамакъ.

Гайдамаки не шутятъ.

бурсакъ.

Гай.... гайда.... гайдамаки!

1-й гайдамакъ.

Да, я гайдамакъ-философъ. Будь споkoенъ. (*отнимая узелъ*). Зазуля, прибирай книги! (*Бурсаку*) зачѣмъ же ты бродяжничаешъ?

бурсакъ.

Я не бродяжничествую, но странствую, великодушный философъ (*гайдамаки начинаютъ стягивать съ него черкеску*) я описываю Украйну, похвальные нравы и обычаи ея жителей и разныя другія ощущенія.

1-й гайдамакъ, (*вынимая изъ черкески тетрадь.*)

А это что?

бурсакъ.

Мои путевыя записки.

1-й гайдамакъ.

Прочитаемъ и это на досугѣ.

бурсакъ, (*отнимая рукопись.*)

Нѣтъ, я не разстанусь съ ними.... это мое сокровище, моя надежда, моя слава, мое дѣтище.

1-й гайдамакъ.

Пожалуй!... ступай же вотъ этой тропинкой и выйдешь на большой шляхъ *.

2-й гайдамакъ.

Пора и намъ, ребята, буря не шутя разыгрывается, бьетъ дробнымъ дождемъ.

бурсакъ, (*безъ черкески, пожимаясь.*)

Весьма чувствительно.

1-й гайдамакъ.

Прощай же, товарищъ, не поминай лихомъ, не то дорого заплатишъ.

бурсакъ.

Прощай, великодушный философъ! встрѣча съ тобою доставитъ мнѣ чудесную страницу!

(*уходитъ*).

1-й гайдамакъ.

Ребята, за мною! тутъ не проберемся, Днѣпръ разлился, пойдемте обходомъ — *я* знаю дорогу.

(*уходятъ*).

---

* Большая дорога.

—

III.

Внутренность бѣдной хижины съ печью. Изъ боковой двери выходитъ старая, горбатая, страшная Гаркуша; она держитъ цочникъ и подходитъ къ печи, прислушиваясь

ГАРКУША.

Налетѣла черная туча, какъ стая вороновъ; давно не гремѣло такимъ громомъ и не блистало такою молніею.... Чу? прокричалъ филинъ и Днѣпръ воетъ сѣрымъ волкомъ. Охъ, охъ, Гаркуша, не къ добру все это. Затопить печь, неподойдутъ ли мои гайдамачки (*беретъ помьло и возится съ печью.*) Стучатся! кто тамъ? дверь отперта — нѣтъ отвѣта! (*она съ тьмъ же помьломъ въ рукахъ приближается къ двери, въ которую съ открытой, выбритой головой, въ латахъ съ крыльями вбѣгаетъ отчаянный Чаплицкій. Они сталкиваются и оба чуть не вскрикиваютъ*).

—

IV.

ГАРКУША, ЧАПЛИЦКІЙ,

ГАРКУША, (*про себя.*)

Чортъ!

ЧАПЛИЦКІЙ, (*всторону*).

Вѣдьма! ну! панъ Чаплицкій! попался въ новыя кохти!

ГАРКУША.

Охъ! охъ! Гаркуша, Гаркуша, пришлось расплачиваться!

ЧАПЛИЦКІЙ, (*про себя*).

Година! ты моя година! шкодная година!

ГАРКУША, (*про себя.*)

Доля, ты моя доля! щербатая доля! (*вслухъ*) А что, ясновельможный гость.... откуда и до куда?...

ЧАПЛИЦКІЙ.

До Кіева.

ГАРКУША, (*про себя*).

Э! э!

ЧАПЛИЦКІЙ.

А ты?.... ты тоже Кіевская?

ГАРКУША.

Коренная кіевская.

ЧАПЛИЦКІЙ, (*про себя*).

О! о!

ГАРКУША.

А какъ.... прозываешься, гость нежданный?

ЧАПЛИЦКІЙ.

Даніель!...

ГАРКУША, (*всторону*).

Даніель! вѣрно изъ старшихъ!

ЧАПЛИЦКІЙ.

А ты?... добрая женщина?

ГАРКУША.

Панна Гаркуша.

ЧАПЛИЦКІЙ, (*всторону.*)

Гаркуша! извѣстная Гаркуша! (*вслухъ*) знай,

панна Гаркуша.... что старшіе за меня заступятся.

ГАРКУША.

И у меня найдутся защитники.

ЧАПЛИЦКІЙ.

За мою голову и хата и ты сама полетишъ къ чорту!

ГАРКУША.

И изъ нашихъ когтей не скоро выскребутся.

ЧАПЛИЦКІЙ, (*про себя*).

О! о! панна Гаркуша, я перезябъ до смерти.

ГАРКУША (*про себя*).

Я сама дрожу, какъ осина.

ЧАПЛИЦКІЙ.

Нѣтъ ли у тебя горилки?

ГАРКУША.

Есть, есть.... (*наливаетъ изъ бочки*).

ЧАПЛИЦКІЙ.

Цѣлая бочка!

ГАРКУША, (*поднося*)

Выкушай на здоровье, полная кварта.

ЧАПЛИЦКІЙ (*прихлѣбываетъ разъ, два, три.*)

Чертовская горилка.

ГАРКУША, (*всторону*).

И пьетъ по чертовски!

ЧАПЛИЦКІЙ.

Панна Гаркуша.... я озолочу тебя; достань мнѣ лодку и какое нибудь человѣческое платье.

ГАРКУША, (*всторону*).

Человѣческое! (*вслухъ*) рада служить, чѣмъ изволишъ.

ЧАПЛИЦКІЙ.

За это наши тебя не оставятъ; но время дорого.... я чаю, скоро полночь.

ГАРКУША (*про себя.*)

А! а! (*вслухъ*) сейчасъ, сейчасъ (*уходитъ въ свой чуланъ.*)

ЧАПЛИЦКІЙ.

А я между тѣмъ хоть немножко отогрѣюсь (*садится къ печи и дремлетъ*).

—

V.

ТѢЖЕ, ГАЙДАМАКИ.

Двое изъ гайдамаковъ всовываютъ головы въ окошки, а двое входятъ: видятъ крылья Чаплицкаго и въ страхѣ прислоняются къ стѣнѣ. Гаркуша съ узломъ выходитъ изъ чулана; гайдамаки манятъ ее знаками.

1-Й ГАЙДАМАКЪ, (*тихо*).

Гаркуша! Гаркуша, что это за птица?...

ГАРКУША.

Ничего, ничего, это прохожій.

1-Й ГАЙДАМАКЪ (*подозрительно*).

Прохожій?..... вотъ что, прохожій съ крыльями.

ГАРКУША.

Добрый гайдамакъ и чорта не боится.

3-й ГАЙДАМАКЪ (*изъ окошка*).

Да въ писняхъ, да въ думкахъ.

4-й ГАЙДАМАКЪ.

А это видимо.

1-й ГАЙДАМАКЪ.

Охъ, охъ! братеньки, братеньки, я говорилъ, что будетъ худо.

2-й ГАЙДАМАКЪ.

Господи помилуй! въ первый разъ вижу чорта.

3-й ГАЙДАМАКЪ.

Сказывали, они курчавые, а этотъ плѣшивъ, какъ ладонь.

4-й ГАЙДАМАКЪ (*изъ окошка*).

Плѣшивые злѣе косматыхъ.

1-й ГАЙДАМАКЪ.

Охъ, охъ! Гаркуша, Гаркуша, дурное ремесло до добра не доводитъ.

ГАРКУША.

Небойтесь, обойдется, останьтесь, голубчики.

2-й ГАЙДАМАКЪ.

Нѣтъ, нѣтъ, Гаркуша, всякому своя шкура дорога.

ГАРКУША.

Голубчики! не выдавайте, заступитесь, спасите душу, побойтесь Бога!

ЧАПЛИЦКІЙ, (*вскакивая*).

Панна Гаркуша!

ГАРКУША, (*испугавшись*).

Панъ Даніель!

1-й гайдамакъ.

Даніель! о, о! (*уходитъ, посматривая въ дверь*).

гаркуша.

Вотъ платье.

чаплицкій, (*разсматривая гайдамацкое платье*).

Э! а! пахнетъ гайдамаками.

(*Услышавъ это, гайдамаки скрываются*).

гаркуша.

Другова нѣтъ.

чаплицкій.

А лодка?

гаркуша.

Душегубка * у самой хаты.

чаплицкій.

Какая душегубка?...

гаркуша.

Лодка однодеревка...

чаплицкій, (*про себя.*)

Просто гробъ: ложись, дѣлать нечего. (*вслухъ*). Бери же лихтарню и проводи меня до душегубки. (*Они выходятъ, за кулисами слышно ихъ прощанье*).

гаркуша.

Прощай, панъ Даніель.

чаплицкій.

Прощай, панна Гаркуша!

* Такъ въ Малороссіи называются лодки, изъ одного дерева вырубленныя.

VI.

Чаплицкій плыветъ по Днѣпру въ лодкѣ.... разсвѣтъ. Хайло, блѣдный, перепуганный, прислушивается и останавливается. Свиститъ, идетъ скорѣе; опять останавливается и прислушивается. Свиститъ! бѣжитъ до самой сцены. Тутъ онъ снова прислушивается и съ роковымъ словомъ: «Свиститъ!» взлѣзаетъ на березу. Въ это время причаливаетъ и выходитъ на берегъ Чаплицкій.

—

ХАЙЛО, (*на березѣ*).

Кара Божска! кара Божска! гайдамакъ!

ЧАПЛИЦКІЙ.

Я слышалъ голосъ? ужъ не русалка-ли! (*подходитъ къ дереву*).

ХАЙЛО, (*узнавъ Чаплицкаго*).

Панъ Чаплицкій!

ЧАПЛИЦКІЙ.

Такъ есть.

ХАЙЛО.

Панъ Чаплицкій!

ЧАПЛИЦКІЙ.

Хайло! какая встрѣча.

ХАЙЛО.

Чи живъ, чи здоровъ, панъ Чаплицкій?

ЧАПЛИЦКІЙ.

Не спрашивай, не спрашивай.

ХАЙЛО.

Дали Бугъ ... панъ Збликъ.... панъ у весь змарнивъ.

ЧАПЛИЦКІЙ.

Гдѣ я? что я? гдѣ усы, къ чему гожуся? Такъ Хайло, передъ тобой тѣнь Чаплицкаго, я умеръ.

ХАЙЛО.

Умеръ! ховай Боже! Панъ вѣрно съ Желтоводской битвы?..

ЧАПЛИЦКІЙ.

Съ какой битвы?

ХАЙЛО.

И панъ не знае о нашемъ несчастіи! новый гетманъ, подъ Желтыми водами якъ Фараоново войско! Потоцкій, Калиновскій, Сапеги взяты вплинъ, и панъ Зиновій, якъ новый Тамерланъ, дали бугъ, якъ Тамерланъ, все палитъ, все пануетъ и летитъ до Кіева, куда пріѣхали москали за присягой царю русскому.

ЧАПЛИЦКІЙ.

Врагъ мой торжествуетъ! все погибло!

ХАЙЛО.

Не унывай, панъ Чаплицкій! есть еще надежда.

ЧАПЛИЦКІЙ.

Какая?...

ХАЙЛО.

А вотъ якая: панъ знае казацкаго атамана Туху? такего мочнаго, съ текими усами — чловѣка

страшнего. Лишь онъ узналъ о приѣздѣ москалей, то вразъ поднялъ гамонъ и остервенився, якъ звирь, дали бугъ якъ звирь. Зиновій предатель, Зиновій предатель; но ни, небывать тому, пока живъ Туха и вѣрные казаки. Онъ началъ сыпать пенензами, добулъ бижавшихъ барабащевъ, всякую дробную шляхту и потекъ противъ гетмана. Мувятъ, что къ нему пристали татары и кто знае, чья возьме, панъ Чаплицкій?

ЧАПЛИЦКІЙ.

Дай Богъ, дай Богъ! да какъ ты самъ здѣсь очутился, Хайло?

ХАЙЛО.

Охъ, охъ! панъ Чаплицкій! панъ Чаплицкій! позавчора спрошали мине до пана Комиссаряа. Хайло! мусилъ мнѣ ясневельможній... але хоче заробить ндесять дукатовъ? А цому же ни! кто же соби добра не пожалуе. Кеды такъ, то везьми тую папиру и идзь до пана Туха, але то секретъ, пильный секретъ есть, цобъ никто не зналъ, никто не видзялъ! Але гди жъ панъ Туха? Але тамъ есть... гди винъ палюе. Эге! то смірть, панъ Чаплицкій, але ндесять дукатовъ... и я пршинялъ ту папиру, дали бугъ для едного интереса отчизны. Я пошелъ... иду, иду... чу? слухаю: свиститъ! я утикать, утикать, такъ что пристаъ; слухаю, слухаю: свиститъ! я біжать, біжать, знова присталъ, знова слухаю: свиститъ! южъ тутъ я вшиске стерялся... я до лясу, до лясу и радъ бувъ, радъ бувъ (*показывиая на дерево)* что здѣсь зховался!

ЧАПЛИЦКІЙ.

Да что жъ свистѣло, Хайло?

ХАЙЛО.

Эхъ, панъ Чаплицкій, панъ Чаплицкій! *(показывая на дерево)* южъ тутъ я спозналъ, что... то съ моего носа свистѣло!...

ЧАПЛИЦКІЙ.

Эхъ! ты трусъ еврейскій!

ХАЙЛО.

Дали-бугъ, вшиске разумъ зтратилъ!

(Слышны выстрѣлы.)

ХАЙЛО.

Панъ Чаплицкій! панъ Чаплицкій!

ЧАПЛИЦКІЙ.

Что... Хайло... свиститъ?

ХАЙЛО.

Южъ какъ свиститъ! не до лясу ли, панъ Чаплицкій.

ЧАПЛИЦКІЙ.

Нѣтъ, Хайло, гдѣ скрыться? гдѣ пригортаниться; не отбыть мнѣ моей годины! *(увидя Поляковъ)* то наши! будь здравъ, Хайло! умру за гоноръ, отчизну! *(присоединяется къ Полякамъ).*

ХАЙЛО, *(убѣгая).*

Якъ то можно! якъ то можно!

—

VII.

Сцена наполняется сражающимися Поляками и Татарами изъ дружины Тухи съ козаками Зиновія; на Днѣпрѣ такое же сраженіе. Побѣда на сторонѣ гетмана. Онъ входитъ и за нимъ влекутъ Туху, предводителя мятежниковъ.

ЗИНОВІЙ, ТУХА, КАЗАКИ.

ЗИНОВІЙ.

Вѣрить ли глазамъ! Туха, храбрый Туха возсталъ противъ Зиновія!

ТУХА, (*бросая саблю*).

Кончай! (*одинъ изъ казаковъ поднимаетъ саблю*).

ЗИНОВІЙ.

Я кончилъ, что надо, разбилъ мятежниковъ; но ты, Туха, прежній товарищъ, другъ, наставникъ моего сына — скажи, за что возсталъ противъ защитниковъ Украйны.

ТУХА.

Защитниковъ!.... которые предаютъ отчизну!

ЗИНОВІЙ, (*хватаясь за саблю*).

Туха! возьми свой булатъ и станемъ на судъ Божій.

ТУХА.

Теперь поздо — я одинъ не спасу отчизны.

ЗИНОВІЙ.

Безразсудный! но все-таки храбрый и благородный Туха! умѣрь свою запальчивость, войди въ

себя, одумайся и скажи мнѣ: можетъ-ли изнеможенная, ограбленная, усѣянная могилами Украйна существовать сама собою.

ТУХА.

Я былъ увѣренъ, что ты ищешъ ея независимости. Я былъ увѣренъ, что ты обманываешъ и султана, и хана, и короля, и царя, обѣщая быть каждому вѣрнымъ и покорнымъ. Въ тебѣ я видѣлъ преемника Владиміра и великаго князя украинской Россіи!

ЗИНОВІЙ.

Ты заблуждался, Туха. Украйна, окруженная турками, поляками и русскими, не можетъ имѣть независимой самобытности.

ТУХА.

Но ни русскимъ, ни полякамъ, ни туркамъ не удалось быть въ Сѣчѣ?

ЗИНОВІЙ.

Въ Сѣчѣ? ты думаешъ только объ одной Сѣчѣ, я думаю о цѣлой Украйнѣ, ты ограничиваешься настоящимъ, я забочусь о будущемъ. Ахъ, Туха! неужели жизнь наѣздническая, буйная отвага въ весельи и безпечная лѣнь въ мирѣ, должны быть всегдашнимъ удѣломъ запорожцевъ? Нѣтъ, нѣтъ, ихъ надо просвѣтить, надо облагородить. Повѣрь, надежда на союзъ братства съ могучимъ царствомъ русскимъ — одно спасеніе Украйны.

ТУХА.

Но права наши и вольности!

ЗИНОВІЙ.

Русскій Царь подтвердитъ ихъ.

ТУХА.

Баторій... сдѣлалъ тоже.

ЗИНОВІЙ.

Не упрекай великаго; Баторій сдѣлалъ для насъ все, что могъ, даже больше, чѣмъ слѣдовало. Могучее время измѣняетъ многое и часто къ лучшему; покоримся предопредѣленію; турки-агаряне дряхлѣютъ, ляхи самоуправствуютъ и одна только православная Россія подъ щитомъ вѣры и самодержавія можетъ даровать намъ вѣрное пристанище.

—

VIII.

ТѢЖЕ, КАЗАКЪ САМКО.

КАЗАКЪ.

Передовые казаки, гетманъ, привезли извѣстіе о прибытіи въ Кіевъ пословъ русскихъ.

ЗИНОВІЙ.

Мы скоро свидимся. Туха! вспомни, что мы всегда горѣвали однимъ горемъ, молились одной молитвою, одушевлялись одною надеждою! Забудемъ прошедшее, возьми свою саблю, обними брата и отправимся со мною.

ТУХА, (*задумываясь, прислушивается*).

Постой, что-то шумитъ? не Ушкалы ли * по

* *Ушкалами* называли татаръ, но больше *Вуиджа-*

Днѣпру идутъ... дай вбѣгу на курганъ и узнаю. *(Съ кургана.)* Зиновій! прощай! умру казакомъ! * *(Бросается въ Днѣпръ.)*

ЗИНОВІЙ.

Несчастный!

—

IX.

ТѢЖЕ, КАЗАКЪ КУКУРУЗА *и потомъ татарскій* МУРЗА *со свитою.*

КАЗАКЪ.

Татарскій мурза отъ Исламъ-Гирея прибылъ въ таборъ для свиданія съ гетманомъ.

МУРЗА, *(входя).*

Гетманъ! страшись ханскаго гнѣва.

ЗИНОВІЙ.

Мурза! вспомни, гдѣ и съ кѣмъ говоришъ ты. Я могу уважать Ислама, могу́ дорожить его дружбою, но страшиться...

МУРЗА.

Ты измѣняешъ хану и передаешься русскимъ.

ЗИНОВІЙ.

Я ни когда не былъ не только подданнымъ, ниже вассаломъ ханскимъ.

ковъ, славившихся храбростью. Татарскіе, венгерскіе Ушкалы.

* Запорожская старина. Княж. 5 стр. 136 Мятежъ Тухи.

МУРЗА.

Ты забылъ благодѣянія его и защиту, которую онъ всегда тебѣ оказывалъ.

ЗИНОВІЙ.

Эта защита, мурза, оказывалась изъ личныхъ выгодъ: запорожцы всегда уступали вамъ знатнѣйшихъ плѣнниковъ и выкупъ за нихъ обогатилъ казну ханскую.

МУРЗА.

Союзъ съ ханомъ и подданство великому султану могутъ гетманское достоинство сдѣлать потомственнымъ и усвоить его твоему роду.

ЗИНОВІЙ.

Я не льщусь такимъ изъятіемъ, и оно не въ нашихъ правахъ, мурза.

МУРЗА.

Не то Исламъ-Гирей разгромитъ Украйну.

ЗИНОВІЙ.

И ты думаешъ устрашить меня! но гдѣ ваши царства? отняты русскими; гдѣ ваша вольность? въ стѣнахъ Стамбула.

МУРЗА.

Страшись Ислама.

ЗИНОВІЙ.

Страшись могущества Русскихъ.

МУРЗА.

Украйна наводнится татарами.

ЗИНОВІЙ.

Скорѣй Таврида населится Русскими.

МУРЗА.

Какой же отвѣтъ принесть мнѣ хану?

ЗИНОВІЙ, (*уходя.*)

Скажи, что я всегда буду дорожить его дружбою и презирать угрозы! скажи, что война подобна мечу обоюдному; прибавь, что татары не то, что были: отнятое Батыемъ, потеряно Мамаемъ.

ДѢЙСТВІЕ ПЯТОЕ.

ОСВОБОЖДЕННАЯ МАЛОРОССІЯ.

Декорація представляетъ златоглавый Кіевъ. Толпы радостнаго народа собрались на берегу Днѣпра и ожидаютъ пріѣзда побѣдоносн аго гетмана. Всѣ дѣвушки въ вѣнкахъ, многія держатъ въ рукахъ цвѣты и даже цѣлыя вѣтви.

—

I.

НАРОДЪ, СТАРИКЪ, КАЗАКИ, ВАТАГА И МУШКЕТЪ, 1-й и 2-й УКРАИНСКІЕ ПОСЕЛЯНЕ и 1-й ГАЙДАМАКЪ.
(*Въ гершескѣ Бурсака*).

СТАРИКЪ.

Радуйтесь, веселитесь!

НАРОДЪ.

Слава гетману!

СТАРИКЪ.

Пойте, пляшите, хлопцы и дѣвчины.

НАРОДЪ.

Слава казакамъ!

МУШКЕТЪ.

Жаль одного, что не удалось быть на желтоводской битвѣ.

ВАТАГА.

За то мы собрали охотное войско, придетъ и наша очередь; *(Увидя Бурсака)*. Ба! панъ бурсакъ, добрый день: каково дошелъ до Кіева?

БУРСАКЪ *(робко)*.

Богъ знаетъ, храбрый рыцарь.

ВАТАГА.

А что?

БУРСАКЪ, *(оглядываясь, замѣчаетъ гайдамака, который къ нему приближается)*,

Да такъ, мало ли что случается въ дорогѣ.

ГАЙДАМАКЪ, *(Бурсаку)*.

Здорово!

БУРСАКЪ.

Здравствуй, почтеннѣйшій.

ГАЙДАМАКЪ *(тихо)*.

За мою голову заплатишь своею.

ВАТАГА.

Вѣрно товарищи?

БУРСАКЪ.

Какъ же... совоспитанники... знаменитой бурсы.

ВАТАГА.

Ба! на немъ даже твоя черкеска.

ГАЙДАМАКЪ.

Мы помѣнялись.

БУРСАКЪ.

Добровольно, въ знакъ... дружбы.

ГАЙДАМАКЪ, (*тихо*).

Смотри-жъ, не забывай сказаннаго! (*отходитъ*).

ВАТАГА.

Кто онъ таковъ?

БУРСАКЪ, (*вглядываясь*).

Одинъ философъ.

ВАТАГА.

Чортъ ли въ немъ. (*Замѣчая бумагу у бурсака за-пазухой*). А ты вѣчно съ этой бумажной дрянью?

БУРСАКЪ.

Это писанье особаго рода; это эпиталама, которую я хочу поднести паннѣ гетманшѣ.

ВАТАГА.

Вотъ что!

БУРСАКЪ.

И славно написана: (*съ декламаціей*) «Кто сія проницающая, яко утро?» (*хватаясь за горло*) все что-то давитъ отъ твоего аркана, почтеннѣйшій. —Я читалъ мою эпиталаму многимъ... другимъ, не такъ чтобы, но мнѣ она чрезвычайно нравится. (*Развертывая бумагу*) Послушай: «Кто сія проницающая, яко утро?»

ВАТАГА.

Полно, полно, не въ коня кормъ теряешъ, панъ риторъ (*увидя украинцевъ*). Ба! дидько Пархвимъ! и ты на праздникѣ?

1-Й УКРАИНЕЦЪ.

Якъ же: скачи враже, якъ панъ каже.

ВАТАГА.

Прошу! да насъ здѣсь цѣлое стадо; гдѣ ты набралъ этихъ дурней?

1-й УКРАИНЕЦЪ.

Дурнивъ не сѣютъ, сами родятся.

ВАТАГА.

И то правда; ну прощай же, будь здоровъ, другъ и пріятель.

1-й УКРАИНЕЦЪ, *(кланяясь въ поясъ).*

Панска ласка до порога.

—

II.

ТѢЖЕ, ЧУРА (*въ праздничномъ платьѣ, съ бандурой*).

МНОГІЕ.

Чура! панъ Чура!

ЧУРА.

Здорово, здорово, братеньки, здорово, гарныя дѣвчины.

МНОГІЕ.

Ну, что-жъ? скоро ли будетъ гетманъ?

ЧУРА.

Панъ гетманъ вмѣстѣ съ русскимъ бояриномъ Бутурлинымъ плывутъ въ Кіевъ Днѣпромъ и, чай, скоро будутъ; скажу вамъ, что русскій Царь прислалъ гетману грамоту, гетманскіе знаки и бу-

лаву, а гетманшѣ клейноды, она вмѣстѣ съ нами хочетъ встрѣтить здѣсь избавителя Украйны.

БУРСАКЪ, (*Чуръ*).

Могу-ли я поднести паннѣ гетманшѣ мою эпиталаму?

ЧУРА.

Почему жъ не такъ! между тѣмъ, братеньки, не хотите ли послушать новую пѣсню, которую бандуристъ Чура сочинилъ къ прiѣзду гетмана?

МНОГIЕ.

Спой, пожалуйста, спой, панъ Чура!

ЧУРА (*поетъ*).

Чи не той-то хмиль,
Що коло тычинъ вьется?..
Гей! той-то Хмѣльницкiй,
Що съ Ляхами бьется.

Гей! поихавъ Хмѣльницкiй
И къ Жовтому Броду....
Гей! не одинъ ляхъ лежитъ
Головою въ воду.

Утикали Ляхи,
Погубили шубы....
Гей! не одинъ Ляхъ лежитъ
Выщеривши зубы.

Гей? тамъ поле, поле,
А по полю цвиты.....
Не по однимъ Ляху
Заплакали дити.

Гей! тамъ ричка, ричка;
Черезъ ричку глиця....
Не по одинимъ Ляху
Зосталась вдовиця.

III.

ТѢЖЕ, ГЕТМАНША *со свитою.*

НАРОДЪ.

Слава гетману! слава!

ГЕТМАНША.

Здравствуйте, здравствуйте, родные!

НАРОДЪ.

Слава, слава!

ЧУРА.

Позволь позабавить тебя пѣснями, да плясками, панна гетманша.

ГЕТМАНША, (*садясь*).

Очень рада.

БУРСАКЪ, (*подходя*).

Пріемлю дерзновенье поднесть тебѣ мое стихотворенье.

ГЕТМАНША, (*принимая стихи*).

Благодарю чрезвычайно! (*отдаетъ ихъ одной изъ женщинъ своей свиты*).

БУРСАКЪ.

Пожалуйста не потеряйте.

ГЕТМАНША, (*улыбаясь*).

Будь спокоенъ.

ВАТАГА, (*бурсаку*).

Ну, что?

БУРСАКЪ, (*въ восхищеніи*).

Приняла, прочла и чрезвычайно благодарила.

—

IV.

ТѢЖЕ, ПРОДІУСЪ, (*вбѣгая*).

ПРОДІУСЪ.

Добрыя вѣсти, добрыя вѣсти, панна гетманша!

ГЕТМАНША.

Какія, панъ продіусъ?...

ПРОДІУСЪ.

Побѣдоноснаго и славнаго нашего гетмана Зиновія Богдана Хмѣльницкаго, сейчасъ въ соборѣ со всѣмъ духовенствомъ, митрополитъ провозгласилъ *истинымъ Богданомъ*, то есть, *Богомъ даннымъ* для спасенія Украйны!

НАРОДЪ.

Слава Богдану, слава Богдану!

—

V.

ТѢЖЕ, МАРУСЯ.

МАРУСЯ, (*въ черномъ платьѣ, съ распущенными волосами*).

Пустите, пустите! (*ее схватываютъ*).

ГЕТМАНША.

Кто эта несчастная?

ЧУРА.

Это нѣкогда знаменитая дѣвица.... соловей Украйны, теперь потерянная, безумная, иступленная Маруся!

ГЕТМАНША.

Пустите, я хочу видѣть и утѣшить достойную слезъ и уваженія.

МАРУСЯ, (*приближаясь*).

Слава Богдану! слава Богдану! гдѣ жъ онъ?

ГЕТМАНША.

Мы ждемъ его, онъ скоро будетъ, близкій моему сердцу.

МАРУСЯ.

Близкій сердцу! ты счастлива! ты любишь. Ахъ! я также любила! но онъ покинулъ, онъ погубилъ несчастную.

ГЕТМАНША.

Успокойся, бѣдная дѣвушка.... время облегчитъ твое горе.

МАРУСЯ.

Нѣтъ.... я умерла.... (*показывая на голову и на сердце*) да, да, все мертво.

ГЕТМАНША.

Богъ милостивъ, молись....

МАРУСЯ, (*бросаясь на колѣни*).

Я молюсь, молюсь, добрая женщина!

ГЕТМАНША.

Онъ возвратитъ тебѣ и силы, и прежнее вдохновенье.

МАРУСЯ.

Вдохновенье! да, да я чувствую еще это вдохновенье! молюсь.... благоговѣю, углубляюсь, всматриваюсь въ темную даль.... и вижу ужасное!

ГЕТМАНША, (*со страхомъ*).

Что-жъ ты видишь, Маруся?

МАРУСЯ.

Не спрашивай, я птица ночная, пчица зловѣщая!

ГЕТМАНША.

Я христіанка!... что наша Украйна?...

МАРУСЯ, (*озираясь*).

Украйна?... Украйна.... она счастлива.

ГЕТМАНША.

А мужъ мой?

МАРУСЯ.

О горе! горе! его.... скоро не станетъ; тебя... также, сыны его погибнутъ: одинъ — славно, другой — позорно! Отчизна его станетъ добычей

жидовъ! лютый врагъ наругается прахомъ его, выброситъ изъ могилы и развѣетъ по вѣтру! *.

ГЕТМАНША.

Боже милосердый!

МАРУСЯ.

Неблагодарные! и ни кто не позаботится собрать костей незабвеннаго!

(Ударяетъ колоколъ, Маруся содрогается. Показывается ладья, украшенная знаменами: на ней плывутъ бояринъ Бутурлинъ и Зиновій въ гетманской одеждѣ. Народъ стремится на встрѣчу; гетманша въ слезахъ скрывается. Колокольный звонъ сливается съ звуками трубъ и кликами народа).

НАРОДЪ.

Слава Богдану! слава Богдану!

МАРУСЯ.

Вѣчная память! Вѣчная память! (*скрывается*)!

ЗИНОВІЙ.

Миръ христіанству! Друзья! надежда наша на союзъ братства съ царствомъ русскимъ сбылась, по благости Божіей. Знаменитый бояринъ возвѣститъ вамъ о волѣ великаго государя.

БУТУРЛИНЪ.

Такъ, добрые Украинцы, великій государь, его царское величество, вступаясь за православную христіанскую вѣру, гонимую королемъ, ве-

---

* Исторія Малой Россіи Бантышъ-Каменскаго, часть I, стр. 79.

лѣлъ принять подъ свою высокую руку гетмана и все войско запорожское съ городами и землями и будетъ вспомоществовать имъ противъ недруговъ своимъ войскомъ.

ЗИНОВІЙ.

Лучшаго пристанища мы не найдемъ, а кто не согласенъ, тотъ куда хочетъ: вольная дорога.

ПРОДІУСЪ.

Треба побить, що Богъ и панъ гетманъ скаже!

НАРОДЪ.

Волимъ! Волимъ подъ Царя православнаго!

СТАРИКЪ.

Дай Боже міру царскому! міру христіанскому! всѣмъ здоровья на многія лѣта!

БУТУРЛИНЪ.

Съ сего времени нашъ общій государь и самодержецъ будетъ называться царемъ Великія и Малыя Россіи (*подавая руку гетману*). Да здравствуетъ Малороссія!

ЗИНОВІЙ, НАРОДЪ.

Да здравствуетъ царь Великія и Малыя Россіи!

ОБЕРЪ-КУХМЕЙСТЕРЪ ФЕЛЬТЕНЪ.

ОРИГИНАЛЬНАЯ КОМЕДІЯ-ВОДЕВИЛЬ ВЪ ТРЕХЪ ДѢЙСТВІЯХЪ.

ДѢЙСТВУЮЩІЕ.

—

Павелъ Ивановичъ Ягужинскій Министръ Петра I-го.

Капитанъ Спицынъ,
Баронъ Веселовскій,
Лѣкарь Шнабель,
Переводчикъ,
Секретарь,
} Просители.

Графъ Яковъ Виллимовичъ Брюсъ,
Саксонскій посланникъ,
Василій Никитичъ Татищевъ.
Баронъ Иванъ Антоновичъ Черкасовъ.
Игнатій Өедоровичъ Елагинъ,
Никита Петровичъ Вильбоа,
} Приближенные къ Петру I-му.

Иванъ Крестьяновичъ Фельтенъ, оберъ-кухмейстеръ.

Данила Ивановичъ Шумахеръ, зять Фельтена и главный надзиратель Кунскамеры.

Софья Ивановна Шумахеръ,
Марья Ивановна Фельтенъ,
} Сестры.

Г. Древникъ, Царскій деньщикъ.

Г. Таубертъ, помощникъ Шумахера.

Овѣчкинъ.
Его жена.
Ихъ дочь.
Францъ Францовичъ Штифтикъ, ея женихъ.
Прошка, слуга.
1-й }
2-й } **Купцы.**

} Посѣтители кунскамеры.

Кухмистеръ.
Поваръ.
Приказный.
Камердинеръ Ягужинскаго.
Официанты и **слуги.**

ОБЕРЪ-КУХМЕЙСТЕРЪ ФЕЛЬТЕНЪ.

ДѢЙСТВІЕ ПЕРВОЕ.

Въ домѣ Павла Ивановича Ягужинскаго.

—

I.

КАМЕРДИНЕРЪ, (*отворяя дверь*).

Пожалуйте, пожалуйте въ пріемную; я сейчасъ доложу генералу.

(*За нимъ входятъ капитанъ Спицынъ, баронъ Веселовскій, лѣкарь Шнабель, переводчикъ и секретарь. Баронъ и Шнабель, оба щегольски разодѣтые, но примѣтно встревоженные, выходятъ на авансцену.*)

БАРОНЪ (*Шнабелю*).

Вы ли это Карлъ Ивановичъ? я васъ не узнаю, на васъ лица не видно....

ШНАБЕЛЬ.

Быть не можетъ! мнѣ кажется.... вы сами, баронъ, гораздо больше встревожены.

БАРОНЪ.

Встревоженъ.... неужели? это удивительно.

Для насъ, придворныхъ, былъ бы стыдъ
Не совладѣть съ собой наружно....
И не съумѣть и тонъ и видъ
Принаровить къ тому, какъ нужно.
Оно подъ часъ не безъ труда..
Сноровки эти чрезвычайны,
И вѣрно взглядъ мой никогда
Не обличитъ душевной тайны.

ШНАБЕЛЬ.

Ну, полноте жъ, къ чему скрываться, когда всѣмъ извѣстно вчерашнее произшествіе.

БАРОНЪ.

Вчерашнее? (*оправляясь*) А! вчерашнее.... не правда ли, что оно похоже на ваше сегодняшнее?

ШНАБЕЛЬ.

На мое сегодняшнее?... а! а! такъ вы ужъ слышали? разумѣется, и какъ не слышать и вѣрно со всевозможными прибавленіями? Но я выше интригъ, выше всевозможныхъ превратностей. Въ доказательство моей твердости я самъ всѣмъ и каждому готовъ разсказать случившуюся со мною непріятность.

БАРОНЪ.

И такъ, начинайте, начинайте; довѣренность за довѣренность, я тоже сдѣлаю въ свою очередь.

ШНАБЕЛЬ.

Всѣмъ извѣстна репутація, которою я пользовался при покойномъ докторѣ Тирмонде. По смерти его я продолжалъ практику, не скажу, чтобъ совершенно счастливо, но продолжалъ какъ многіе. Слышу.... начинаютъ роптать, придираются

къ числу смертныхъ случаевъ и наконецъ смѣютъ называть меня докторомъ самозванцемъ, если не хуже. Вдругъ меня требуютъ во дворецъ; очень радъ, я считаю себя почти лейбъ-медикомъ; ѣду, являюсь во всемъ парадѣ, какъ вы знаете; зовутъ, вхожу и вижу Государя съ двумя докторами. Что-жъ вы думаете? думайте, я не мѣшаю; придумывайте что хотите.... самое странное, самое смѣшное, самое не вѣроятное! Вообразите: меня начинаютъ экзаменовать какъ мальчишку. Натурально.... неожиданность, обиженное честолюбіе сдѣлали то, что я отвѣчалъ не въпопадъ, можетъ быть совсѣмъ на оборотъ; можетъ быть даже совсѣмъ ни на что не похоже. «И ты смѣешь лѣчить!» вскрикнулъ, не помню чей-то голосъ. Я такъ былъ взволнованъ, что не слышалъ остальнаго. Наконецъ не помню самъ, какъ я очутился на дворѣ между сотней бородачей и меня насильно заставили обрить имъ бороды.

БАРОНЪ, (*улыбаясь*).

Это ужасно!

ШНАБЕЛЬ.

Скажите лучше, смѣшно, грубо, варварски.

БАРОНЪ.

Разумѣется, но чѣмъ же кончилось?

ШНАБЕЛЬ.

Чѣмъ кончилось?... тѣмъ сударь, тѣмъ, что я пріѣхалъ къ генералу просить увольненія отъ службы, взять паспортъ и ѣхать за границу.

БАРОНЪ.

Прекрасно.

ШНАБЕЛЬ, (*размахивая*).

На перекоръ, такъ на перекоръ; спускать не должно: это мое правило! Теперь баронъ разсказывайте свою исторію.

БАРОНЪ.

Вы хотите? (*принужденно*) О! съ удовольствіемъ, съ совершеннымъ удовольствіемъ. Это комедія!... лучше сказать: это фарсъ, знаете.... самой площадной, самой грязной фарсъ, котораго не можетъ случится ни въ одномъ благоустроенномъ обществѣ. Вы знаете, что, увлекаясь духомъ времени, духомъ просвѣщенія, я цѣлыхъ три года прожилъ за границей. Очень натурально, что я, какъ человѣкъ молодой, свѣтской, богатой, щегольски одѣвался и вывезъ изъ Парижа блестящіе наряды. Я надѣялся, по крайней мѣрѣ, быть камеръ-юнкеромъ; ничего не бывало: мой гардеробъ не понравился и меня оклевѣтали. Вчерашній день, день торжества моихъ завистниковъ; я прогуливался по Невской проспективѣ. Вдругъ вижу Государя въ его одноколкѣ. Онъ взглянулъ пріостановился, подзываетъ. Замѣтьте, я былъ въ чулкахъ и башмакахъ, какъ видите, на срединѣ улицы—грязь поколѣни.... Онъ вторично подзываетъ.... спрашиваю: чтобъ вы сдѣлали на моемъ мѣстѣ?

ШНАБЕЛЬ.

Я.... я бы подошелъ.

БАРОНЪ.

Разумѣется... что и я подошелъ. «Ай да щеголь!» сказалъ мнѣ Государь. Славно! откуда то, откуда

другое, дорого ли, дешево ли?... знаете, все распрашиваетъ, а между тѣмъ тронулся и ѣдитъ потихоньку. Я долженъ былъ отвѣчать, долженъ итти подлѣ одноколки, итти изъ лужи въ лужу, изъ кучи въ кучу, а между тѣмъ грязь съ колесъ вотъ такъ на меня и брызжетъ. Я отряхиваюсь, утираюсь.... куда! нѣтъ никакой возможности! съ ногъ до головы занесло, залѣпило грязью.... Я задохся: Государь скрылся и я чортъ чортомъ, безъ шляпы и башмаковъ (*Шнабель хохочетъ*) при хохотѣ глупаго народа едва дотащился домой. (*въ сторону*) чтобъ провалиться сквозь землю!

ШНАБЕЛЬ, (*продолжая смѣяться*).

Это уморительно!

БАРОНЪ, (*принужденно*).

Не правда ли?... совершенно уморительно; я самъ смѣялся какъ съумашедшій.

ШНАБЕЛЬ.

Такъ и должно.

БАРОНЪ.

Знаете что, Карлъ Ивановичъ, я бы хотѣлъ только увѣриться въ одномъ, какъ все это случилось.... такъ, просто, нечаянно, или умышленно?

ШНАБЕЛЬ.

О! разумѣется что умышленно.

БАРОНЪ.

Послѣ этого.... рѣшено, мы ѣдимъ вмѣстѣ, Иванъ Карловичъ.

И такъ прощай, прощай на вѣкъ
Неблагодарная Россія!
Я европейскій человѣкъ,
А ты моя антипатія!
Насъ здѣсь никакъ неоцѣнятъ,

ШНАБЕЛЬ.

Насъ всѣхъ по русски тормошатъ.

БАРОНЪ, (*насмѣшливо*).

Да, слишкомъ быстро, молодецки.

ШНАБЕЛЬ, (*серьёзно*).

Да, да, совсѣмъ не по нѣмецки.

Знайте, г. баронъ, что я боюсь другаго обстоятельства.

БАРОНЪ.

Другаго? какого.... растолкйуте ради Бога?

ШНАБЕЛЬ.

Подумайте сами: Россія — ребенокъ....

БАРОНЪ.

Безъ всякаго сомнѣнія!

ШНАБЕЛЬ.

Ей нужны дядьки, нужны учители.

БАРОНЪ.

Необходимо.

ШНАБЕЛЬ.

Нужны люди полезные, ученые....

БАРОНЪ, (*перебивая*).

Образованные, общественные...

ШНАБЕЛЬ.

Ясно какъ день. — Какой нибудь минутный капризъ и вспышка не помѣшаютъ одуматься.... и вы увидите — что насъ не отпустятъ.

БАРОНЪ, (*радостно*).

Не отпустятъ! (*спохватясь*) сохрани Господи!

СПИЦЫНЪ.

Господа! кто-то идетъ.... генералъ....

(*При этомъ словѣ всѣ становятся по мѣстамъ; но когда, вмѣсто Ягужинскаго, выходитъ камердинеръ, то порядокъ опять разстроивается*).

КАМЕРДИНЕРЪ, (*мимоходомъ*).

Господа! генералъ одѣвается и сей-часъ выйдетъ.

(*Въ средней двери онъ встрѣчается съ Таубертомъ*).

—

II.

ТѢЖЕ, ТАУБЕРТЪ.

ТАУБЕРТЪ, (*камердинеру*).

Прошу доложить, что помощникъ главнаго надзирателя Кунскамеры, г. Фонъ-Таубертъ имѣетъ всепокорнѣйшую просьбу до его высокопревосходительства.

КАМЕРДИНЕРЪ, (*проходя*).

Не угодно ли подождать, онъ сей-часъ выйдетъ.

ТАУБЕРТЪ, (*увидя барона и Шнабеля*).

А г. баронъ, г. Шнабель! мое нижайшее почтеніе.

БАРОНЪ.

Здравствуйте, здравствуйте, г. Таубертъ....

ШНАБЕЛЬ, (*Тауберту*).

Ну что-жъ, привели ли вы въ порядокъ вашихъ букашекъ да таракашекъ?

ТАУБЕРТЪ, (*обидясь*).

Г. Шнабель!

БАРОНЪ.

Что за вздоръ; скажите-ка лучше, какъ поживаетъ съ своимъ ревнивцемъ ваша прекрасная начальница?

ТАУБЕРТЪ.

А! г-жа Шумахеръ.

БАРОНЪ.

Лучшее сокровище между всѣми вашими заморскими диковинками!

ТАУБЕРТЪ.

Извините; у насъ въ Кунскамерѣ есть другая красавица — въ спиртѣ закупоренная.

ШНАБЕЛЬ.

Вѣрно для ученыхъ любителей?

ТАУБЕРТЪ.

А величайшій глобусъ.... а слонъ?

БАРОНЪ.

Побойтесь Бога!

ТАУБЕРТЪ.

Разумѣется, что въ своемъ родѣ, г-жа Шумахеръ.... выше всего этаго. — Признаюсь, господа, дѣло прошедшее.... я самъ, я самъ сходилъ съ ума отъ этой женщины. Не спалъ ночей, мучился, терзался, совсѣмъ потерялъ голову....

БАРОНЪ.

Неужели?

ТАУБЕРТЪ.

Тайное предчувствіе говорило мнѣ: Тауберть, ты дурачишься — образумся.... я послушался и чтобъ переломить себя, занялся по прежнему своей латынью.

ШНАБЕЛЬ.

И гораздо лучше.

ТАУБЕРТЪ.

Представьте! вышло гораздо хуже... я такъ воспламенился краснорѣчіемъ древнихъ, что сѣлъ и написалъ ей.... любовную записку!

БАРОНЪ.

Неужели по латынѣ?

ТАУБЕРТЪ.

Нѣтъ, по нѣмецки; но это вышло такъ мило, такъ вкратчиво.... такъ удивительно.... даже невѣроятно!

ШНАБЕЛЬ.

И она отвѣчала?

ТАУБЕРТЪ.

Да, но словесно, при первой встрѣчѣ. Предчувствіе меня не обмануло. Да, отвѣтъ ее былъ тоже, что бритва къ горлу приставленная: если она не зарѣзала, такъ отбрила меня рѣшительно.

ШНАБЕЛЬ, (*всторону*).

Бритва? отбрила?... ужъ не на мой ли счетъ? (*вслухъ*) что это значитъ?

ТАУБЕРТЪ.

Это значитъ: осмѣяла, осрамила, ну просто втоптала въ грязь какъ говорится.

БАРОНЪ.

Втоптала въ грязь!... *(всторону)* ужъ не на мой ли счетъ? *(въ-слухъ)* что вы подъ этимъ разумѣете, г. Тауберть?

ТАУБЕРТЪ.

То есть.... совершенно уничтожила!

БАРОНЪ.

Поздравляю съ успѣхомъ!

ТАУБЕРТЪ.

Тутъ я понялъ мою глупость; я образумился, расчиталъ и очень скоро и очень кстати вмѣсто старшей сестры напалъ на младшую.

БАРОНЪ.

На младшую?

ТАУБЕРТЪ.

Вы вѣрно знаете Марью Ивановну Фельтенъ?

БАРОНЪ.

Марью Ивановну? да вы злодѣй послѣ этого, г. Тауберть.

ТАУБЕРТЪ.

30 т. приданаго!

ШНАБЕЛЬ.

А соперники?

ТАУБЕРТЪ.

Разбиты какъ Шведы подъ Полтавою!

БАРОНЪ.

Счастливецъ!

ТАУБЕРТЪ.

То то и есть....

И какъ не веселиться мнѣ?
Съ начальствомъ и теперь я въ дружбѣ,
А при хорошенькой женѣ
Не такъ еще махну на службѣ!
Съ утра Кунскамеры крыльцо
Кипитъ толпою беззаботныхъ
И я тамъ первое лицо
По отдѣленiю животныхъ.

СПИЦЫНЪ.

Господа! генералъ выходитъ!

(*Всѣ торопливо выстраиваются; баронъ, Шнабель и Тауберть становятся особо*).

III.

ТѢЖЕ, П. И. ЯГУЖИНСКIЙ, *которому ливрейный лакей отворяетъ дверь*).

ЯГУЖИНСКIЙ.

Господа! честь имѣю кланяться; (*Спицыну ласково*) что вамъ угодно?

СПИЦЫНЪ.

Ваше высокопревосходительство! я.... капитанъ Спицынъ.

ЯГУЖИНСКІЙ, (*перемѣняя*

Не тотъ ли, на котораго въ Оловцѣ пода
лоба Государю Императору?

СПИЦЫНЪ.

Вѣроятно отъ мальчишки Неплюева,
наго и сосланнаго какъ ябедника.

ЯГУЖИНСКІЙ, (*рѣзко*).

Скажите лучше.... сосланнаго черезъ

СПИЦЫНЪ.

Ваше высокопревосходительство!...
данъ Сенатомъ....

ЯГУЖИНСКІЙ.

Коварство и происки придали такой ви
подобію вашему дѣлу, что самые безприс
судьи могли обмануться....

СПИЦЫНЪ, (*подавая за*

Позвольте представить записку, котор
снитъ....

ЯГУЖИНСКІЙ, (*перебива*
принимая

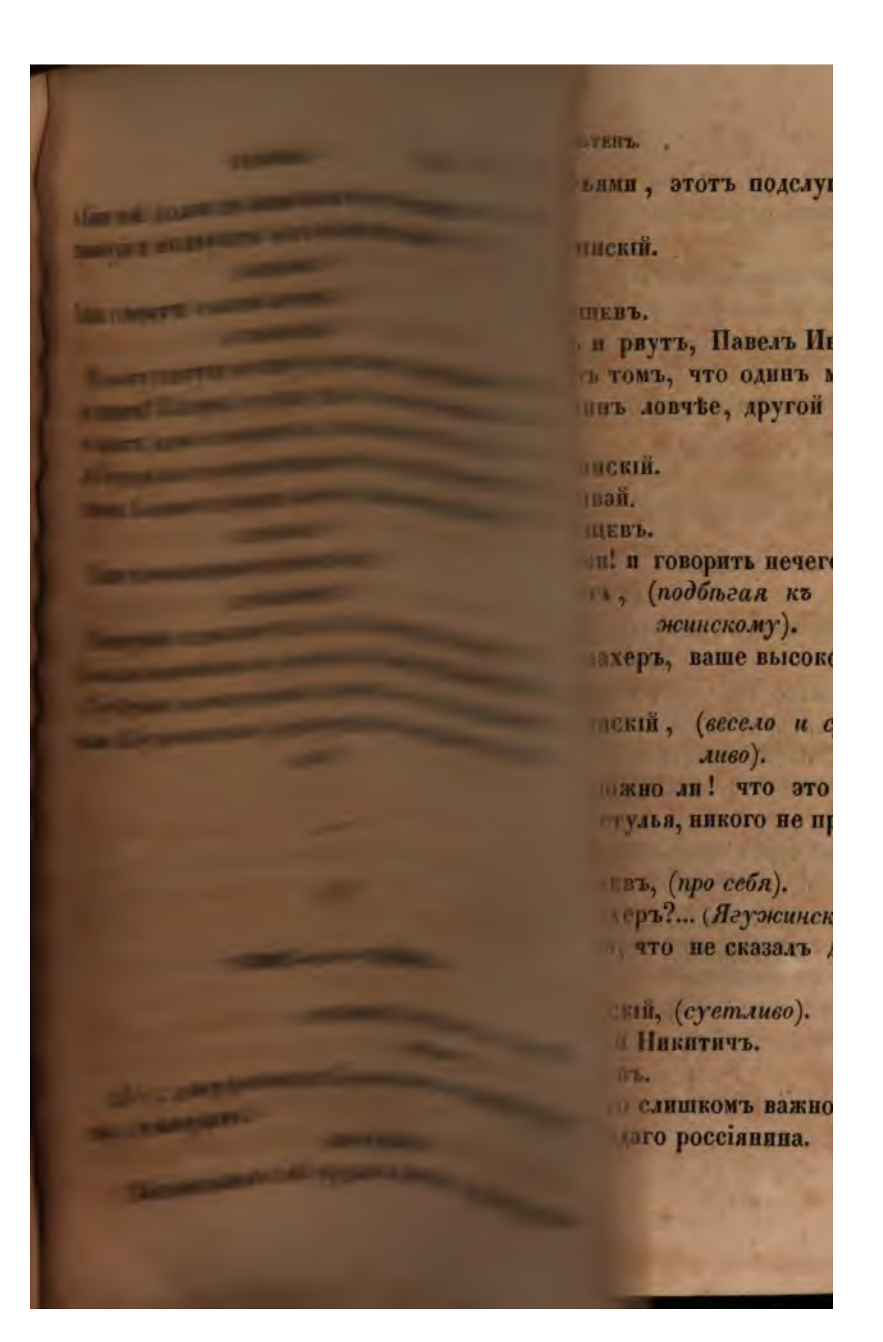
А развѣ вы не представили къ дѣл
что нужно. Тамъ все: и жалобы, и возра
акты; все сполна, чтобъ видѣть, какъ вы о
безпомощнаго сироту и завладѣли его им

СПИЦЫНЪ, (*подавая пи*

По крайней мѣрѣ.... это письмо отъ княз
сандра Даниловича увѣритъ ваше высокопр
дительство....

ЯГУЖИНСКІЙ, (*съ гнѣвом*

Не принимаю! слышите ли, не прини
увижусь и объяснюсь съ свѣтлѣйшимъ (*п*

ьтевъ.

ьями, этотъ подслу

инскій.

щевъ.
и рвутъ, Павелъ Ин
ъ томъ, что одинъ м
инъ ловчѣе, другой

инскій.
вай.
щевъ.
и! и говорить нечег
та, (*подбѣгая къ*
жинскому).
ахеръ, ваше высоко

нскій, (*весело и с*
ливо).
ожно ли! что это
тулья, никого не пр

евъ, (*про себя*).
херъ?... (*Ягужинск*
, что не сказалъ

скій, (*суетливо*).
Никитичъ.
въ.
слишкомъ важно
даго россіянина.

лость! помилуйте, за что-жъ ваше высокопревосходительство.

ЯГУЖИНСКІЙ.

Самъ виноватъ, какъ услышишь. Твой переводъ я представлялъ Государю. Сначала онъ принялъ его ласково, но пересматривая его и остановясь въ концѣ книги, на главѣ о Россіи, спросилъ съ гнѣвомъ: «развѣ такъ переводятъ?»

ПЕРЕВОДЧИКЪ.

Ваше превосходительство, я перевелъ вѣрно... только выпустилъ нѣкоторыя мѣста.

ЯГУЖИНСКІЙ.

То-то и есть, что не впопадъ съумничалъ. То, что ты выпустилъ, Государь хотѣлъ видѣть буквально переведеннымъ. Разумѣется не съ тѣмъ, чтобъ оскорбить подданныхъ; но съ тѣмъ, чтобъ показать имъ: какъ думали объ нихъ иностранцы, каковы Русскіе были прежде и каковы стали теперь стараніемъ его величества.

ПЕРЕВОДЧИКЪ.

Понимаю, понимаю, ваше высокопревосходительство.

ЯГУЖИНСКІЙ.

Государь велѣлъ сказать тебѣ: слышишь ли?

ПЕРЕВОДЧИКЪ.

Слышу, ваше превосходительство.

ЯГУЖИНСКІЙ.

Онъ велѣлъ перевести книгу точно такъ, какъ написалъ ее авторъ.

ПЕРЕВОДЧИКЪ.

Не примину выполнить.

ЯГУЖИНСКІЙ.

Ступай, я пришлю рукопись. (*переводчикъ уходитъ*).

—

V.

ТѢЖЕ, *кромѣ* ПЕРЕВОДЧИКА.

ЯГУЖИНСКІЙ (*Шнабелю*).

Ба! и вы здѣсь, г. докторъ?

ШНАБЕЛЬ.

Ваше высокопревосходительство.... я вынужденъ просить увольненія отъ всероссійской службы и заграничнаго паспорта.

ЯГУЖИНСКІЙ.

Я догадываюсь.

ШНАБЕЛЬ.

Имѣя множество враговъ
По ихъ предательской идеи,
Я здѣсь изъ первыхъ докторовъ
Попалъ вчера въ бородобрѣи.
Пусть я убитъ — но жаль другихъ
Больные пострадаютъ пуще.

ЯГУЖИНСКІЙ.

Лишь не долѣчивайте ихъ,
И имъ гораздо будетъ лучше.

А вы, любезнѣйшій баронъ, нашъ первый щеголь, нашъ первый питиметръ — вы за чѣмъ пожаловали.

БАРОНЪ.

Ваше высокопревосходительство.... я.... я замаранъ.... въ глазахъ публики....

ЯГУЖИНСКІЙ.

То есть, забрызганы немножко.

БАРОНЪ.

И по этому я вынужденъ просить того же самаго, что и г. Шнабель.

ЯГУЖИНСКІЙ.

Господа.... разумѣется, что васъ не станутъ удерживать. Но знаете что: вмѣсто кучи нарядовъ, привезите-ка запасъ добрыхъ свѣденій и вы увидите, что это будетъ гораздо полезнѣе.

БАРОНЪ.

Это всегда было и будетъ моею цѣлью.

ЯГУЖИНСКІЙ.

Чтобъ было, не скажу, а если будетъ, то право порадуюсь.

ШНАБЕЛЬ.

По этому ваше высокопревосходительство насъ не удержатъ.... никакія препятствія?

БАРОНЪ.

И мы не останемся.... въ тщетной надеждѣ?

ЯГУЖИНСКІЙ.

Безъ всякаго сомнѣнія! стоитъ подать просьбы и на этихъ же дняхъ вы получите и увольненія и паспорты. Прощайте! желаю пріятнаго путешествія. (*Шнабель и баронъ уходятъ недовольными*).

—

VI.

ЯГУЖИНСКІЙ, ТАУБЕРТЪ, СЕКРЕТАРЬ.

ЯГУЖИНСКІЙ.

А! г. Тауберть, ужъ не разкоклоли ли вы опять чего къ Кунскамерѣ?

ТАУБЕРТЪ.

Никакъ нѣтъ, ваше высокопревосходительство. Все цѣло и благополучно до послѣдней букашки.

ЯГУЖИНСКІЙ, (*улыбаясь*).

Тото жъ.... смотрите.

ТАУБЕРТЪ.

Я принялъ смѣлость явиться къ вашему высокопревосходительству за позволеніемъ вступить въ законное супружество.

ЯГУЖИНСКІЙ.

А мнѣ какое дѣло?

ТАУБЕРТЪ.

На это нужно дозволеніе начальства.

ЯГУЖИНСКІЙ.

У васъ есть Шумахеръ—ближайшій начальникъ.

ТАУБЕРТЪ.

Въ этомъ дѣлѣ ваше высокопревосходительство онъ выходитъ соучастникомъ; потому что я женюсь на его своячиницѣ.

ЯГУЖИНСКІЙ.

Возможно ли! на дѣвицѣ Фельтенъ? неужли? поздравляю; я не ожидалъ....

—

VII.

ТѢЖЕ, ЦАРСКІЙ ДЕНЬЩИКЪ ДРЕВНИКЪ.

ЯГУЖИНСКІЙ, (*увидя Древника*).

А! г. Древникъ! Царскій посланникъ! здорово, здорово любезнѣйшій, что новаго?

ДРЕВНИКЪ.

Государь изволитъ обѣдать сегодня у Фельтена и приглашаетъ къ столу ваше высокопревосходительство.

ЯГУЖИНСКІЙ.

Вполнѣ благодаренъ и не премину явиться. А много ли званыхъ?

ДРЕВНИКЪ.

По обыкновенію, человѣкъ до 10-ти не болѣе. Сегодня приглашены: ваше высокопревосходительство, графъ Брюсъ, саксонскій посланникъ, гг. Черкасовъ, Татищевъ, Елагинъ и еще нѣсколько.

ЯГУЖИНСКІЙ.

Чѣмъ больше, тѣмъ лучше для Фельтена: всякой разъ съ брата по червонцу.

ДРЕВНИКЪ.

За то ужъ вчера, Павелъ Ивановичъ, больно ему досталось.

ЯГУЖИНСКІЙ.

Неужли? я ничего не слыхалъ.

ДРЕВНИКЪ.

Вы знаете, какъ Государь жалуетъ Лимбургскій

сыръ. На дняхъ Фельтенъ подалъ ему отличнаго. Государь разхвалилъ его, но шутя замѣтилъ, что будто лучшій сыръ чрезвычайно скоро усыхаетъ. Съ этимъ словомъ онъ вынулъ готовальникъ, который носитъ всегда въ карманѣ, досталъ циркуль, вымѣрилъ остатокъ сыра въ длину и ширину, записалъ все это для памяти и приказываетъ позвать Фельтена. Спасибо за сыръ, сказалъ государь; смотри жъ, беречь его и подавать мнѣ до остатка. Вчера въ другой разъ онъ потребовалъ этотъ сыръ; опять за циркуль, смѣрилъ и нѣтъ половины! Давай Фельтена! — Является. — Отъ чего сыръ убавился въ половину? спросилъ Государь.— Я этаго не знаю; я его не мѣрилъ, отвѣчалъ Фельтенъ. — А я такъ смѣрилъ! возразилъ Государь. Развѣ я не приказывалъ тебѣ беречь его до остатка? — Я не доразумѣлъ. «Такъ я вразумлю тебя» и давай его отдѣлывать! (*шевеля палкой*) понимаете?

ЯГУЖИНСКІЙ.

Понимаю, понимаю. Впрочемъ, по дѣломъ старому скрягѣ. Какъ Государь ни жалуетъ Фельтена, но ему чрезвычайно не нравятся эти вѣчные заказы кулебякъ, пироговъ, поросятъ, которые изъ кухни метръ д'Отелля продаются какъ изъ лавочки. Государь просилъ даже меня пристыдить Фельтена. Между нами.... я разставилъ ему западню, но жаль, что сегодня врядъ ли удасться; сегодня для своей невѣсты онъ вѣрно разшевелится.

ДРЕВНИКЪ.

Для своей невѣсты? что вы хотите сказать Павелъ Ивановичъ?

ЯГУЖИНСКІЙ, (*показывая на Тауберта*).

Рекомендую жениха дѣвицы Фельтенъ.

ДРЕВНИКЪ (*съ жаромъ*).

Генералъ! онъ лжетъ; этаго быть не можетъ.

ЯГУЖИНСКІЙ.

Что это значитъ?

ТАУБЕРТЪ (*Древнику*).

Милостивый государь! вы сами лжете—то есть, ошибаетесь! мнѣ дали слово: г. Фельтенъ, г. Шумахеръ....

ДРЕВНИКЪ.

Всѣ, всѣ, кромѣ невѣсты.

ТАУБЕРТЪ.

Мнѣ стоитъ только объясниться.

ДРЕВНИКЪ.

Не стоитъ брать труда

ТАУБЕРТЪ.

Она навѣрно согласится

ДРЕВНИКЪ.

Напротивъ, вѣрно никогда.
Что васъ не любятъ — отвѣчаю.

ТАУБЕРТЪ.

Что-жъ за бѣда?... *оно придетъ!*

ДРЕВНИКЪ.

Другой ей нравится — я знаю.

ТАУБЕРТЪ.

Нѣтъ ничего, *оно пройдетъ*.

ЯГУЖИНСКІЙ.

О! послѣ этаго вы настоящій философъ, г. Тауберть

Вотъ какъ должно разсуждать:
Что любовь? одна горячька
И по сердцу выбирать,
Просто глупая потачка.
Тутъ и ревность не нужна,
Лишь жена бъ была богата,
А богатая жена
Никогда не виновата.

Онъ протестуетъ однако жъ и я не могу согласиться. Сегодня я обѣдаю у Фельтена: увижу дочь, переговорю съ отцомъ и въ 3 часа прошу обоихъ пожаловать туда за отвѣтомъ.

ДРЕВНИКЪ, (*тихо Ягужинскому*).

Павелъ Ивановичъ, заступитеся!

ЯГУЖИНСКІЙ.

Мы увидимъ.

ТАУВЕРТЪ (*Древнику съ жаромъ*).

Милостивый государь! въ 3 часа мы увидимся!

ДРЕВНИКЪ.

Хотъ сейчасъ! (*оба уходятъ*).

ЯГУЖИНСКІЙ.

Господа! прошу не забываться.

—

VIII.

ЯГУЖИНСКІЙ, СЕКРЕТАРЬ.

ЯГУЖИНСКІЙ.

Комедія завязалась; посмотримъ, чѣмъ-то разыграется (*увидя трепещущаго секретаря*) Ба! еще одинъ.... да имъ конца не будетъ! кто ты таковъ, что тебѣ надобно?

СЕКРЕТАРЬ, (*падая на колѣни*).

Секретарь помѣстнаго приказа! Спасите, спасите отца девятерыхъ дѣтей, ваше высокопревосходительство!

ЯГУЖИНСКІЙ.

Встань, встань, подойди и говори, что нужно.

СЕКРЕТАРЬ.

Вчера вполночь его императорское величество изволилъ разъѣзжать по улицамъ. Увидѣлъ въ окнахъ одного дома большой свѣтъ; въѣхалъ безъ шуму на дворъ и вошелъ въ комнаты.

ЯГУЖИНСКІЙ.

Къ кому жъ онъ вошелъ?

СЕКРЕТАРЬ.

Ко мнѣ, ко мнѣ, ваше высокопревосходительство!

ЯГУЖИНСКІЙ.

Возможно ли! что жъ дальше, что жъ дальше?

СЕКРЕТАРЬ.

«Богъ въ помочь, сказалъ Государь гостямъ, гдѣ хозяинъ?» я подхожу ни живъ, ни мертвъ.... какъ

видите ваше высокопревосходительство. «А! продолжалъ Государь, я узналъ на крыльцѣ, что у тебя крестины: поздравляю съ новорожденнымъ.» За симъ онъ соизволилъ пройти по комнатамъ: осмотрѣлъ ихъ убранство и отозвавъ меня въ сторону, спросилъ: «изъ дворянъ ли ты?» — Никакъ нѣтъ, отвѣчалъ я. — «Имѣешъ ли помѣстья?» — Никакъ нѣтъ. — «Богату ли взялъ за себя жену?» — Никакъ нѣтъ, Ваше Императорское Величество. — «Берегись!» продолжалъ Государь погрозивъ мнѣ пальцемъ: «поступки твои отъ меня не скроются, я все узнаю.»

ЯГУЖИНСКІЙ (*съ гнѣвомъ*).

Изъ какихъ же доходовъ задаешъ ты пиры, мерзавецъ?

СЕКРЕТАРЬ.

На радости отца! изъ послѣдней копѣйки, ваше высокопревосходительство!

ЯГУЖИНСКІЙ.

Изъ какихъ же доходовъ нажилъ ты себѣ домъ, разбойникъ?

СЕКРЕТАРЬ.

Истинно не кривъ душою! истинно частными услугами, потомъ и трудами, ваше высокопревосходительство.... Отбилъ грудь; ночи не сплю, чтобъ не оставить сиротъ безъ крова.

ЯГУЖИНСКІЙ.

Нѣтъ оправданья! нѣтъ оправданья преступнику!

—

IX.

ТѢЖЕ, ВАСИЛІЙ НИКИТИЧЪ ТАТИЩЕВЪ.

ТАТИЩЕВЪ, (*вслушавшись въ послѣднія слова*).

Пощада! пощада! гдѣ гнѣвъ, тутъ и милость!

ЯГУЖИНСКІЙ.

Нѣтъ средства, нѣтъ силъ, Василій Никитичъ! У этихъ людей нѣтъ ничего святаго: ни чести, ни совѣсти, ни Бога!

ТАТИЩЕВЪ.

Да въ чемъ дѣло, въ чемъ дѣло, Павелъ Ивановичъ?

ЯГУЖИНСКІЙ.

Въ томъ сударь, въ томъ... что секретари задаютъ нынчѣ пиры.

ТАТИЩЕВЪ.

Го, го! (*секретарю*) чему дуракъ обрадовался?

СЕКРЕТАРЬ.

Родился сынъ! родился сынъ, ваше превосхо-дительство.

ТАТИЩЕВЪ, (*съ жаромъ*).

Сынъ! о, это дѣло другое. Такой случай доро[...] каждому. Родился сынъ! ты шутишь, Павелъ И[...]новичъ! сынъ! пріемникъ имяни, помощникъ с[...]мейства, слуга Государю! Ура! контуй во всю И[...]ую!

[redacted] тотъ подслугами,

[redacted]

[redacted] ъ, Павелъ Ивано-

Іі, п , что одинъ мень-

[redacted] вчѣе, другой при-

[redacted] оворить нечего!

одбѣгая къ Ягу-
жинскому).

[redacted] , ваше высокопре-

(*весело и суетливо*).

[redacted] ли! что это зна-

[redacted] , никого не прини-

[redacted] *про себя*).

... (*Ягужинскому*)

[redacted] не сказалъ даже

суетливо).

[redacted] птичъ.

[redacted] нкомъ важное, да
оссіянина.

[redacted]

X.

ТѢЖЕ, *кромѣ* **СЕКРЕТАРЯ.**

ЯГУЖИНСКІЙ.

Вы съ ума сошли, Василій Никитичъ, при мнѣ, при прокурорѣ.... проповѣдывать такія вещи!

ТАТИЩЕВЪ.

Ахъ! чортъ возьми! да что ты раскричался въ самомъ дѣлѣ?

ЯГУЖИНСКІЙ.

Публично защищать взяточниковъ!

ТАТИЩЕВЪ.

Пустое, пустое, Павелъ Ивановичъ. У кого есть прилежаніе, силы и способность, тому и помимо службы трудиться не запрещается. Секретарь съ домомъ — экая важность! домъ дому рознь, Павелъ Ивановичъ. — Да у насъ, въ русскомъ царствѣ, благодаря Бога, и добрый солдатъ не безъ крова подъ старость.

ЯГУЖИНСКІЙ.

О! это дѣло другое. О частномъ трудѣ и пользѣ я ни слова, но въ службѣ нѣтъ мѣста, нѣтъ мѣста никакой корысти, Василій Никитичъ.

ТАТИЩЕВЪ.

Не говори, ради Бога! не говори, Павелъ Ивановичъ! Корысть все корысть, подъ какимъ бы видомъ она не скрывалась.—Да, сударь, ужъ коли судить строго, такъ мы все подкуплены: одинъ

чинами, другой помѣстьями, этотъ подслугами, тотъ банкетами.....

ЯГУЖИНСКІЙ.

Вотъ прекрасно!

ТАТИЩЕВЪ.

Такъ и рвутъ, такъ и рвутъ, Павелъ Ивановичъ, разница только въ томъ, что одинъ меньше, другой больше, одинъ ловчѣе, другой приметнѣе.

ЯГУЖИНСКІЙ.

Разсказывай, разсказывай.

ТАТИЩЕВЪ.

Взяточники, взяточники! и говорить нечего!

СЛУГА, (*подбѣгая къ Ягужинскому*).

Софья Ивановна Шумахеръ, ваше высокопревосходительство.

ЯГУЖИНСКІЙ, (*весело и суетливо*).

Софья Ивановна! возможно ли! что это значитъ? проси, бѣги.... эй! стулья, никого не принимать, слышете ли?

ТАТИЩЕВЪ, (*про себя*).

Прошу! Сонюшка Шумахеръ?... (*Ягужинскому*) постой, я такъ заболтался, что не сказалъ даже, зачѣмъ пріѣхалъ.

ЯГУЖИНСКІЙ, (*суетливо*).

Объ этомъ послѣ, Василій Никитичъ.

ТАТИЩЕВЪ.

Чего тутъ послѣ, дѣло то слишкомъ важное, да важное, радостное для каждаго россіянина.

ЯГУЖИНСКІЙ, (*разсьянно*).

Очень радъ, очень радъ.

ТАТИЩЕВЪ.

Ты удивишься, ты не повѣришь: представь, графъ Яковъ Виллимовичъ Брюсъ, подбилъ меня писать Россійскую Исторію.

ЯГУЖИНСКІЙ, (*принужденно*).

Прекрасно! очень радъ, съ Богомъ Василій Никитичъ.

ТАТИЩЕВЪ.

Мнѣ нужно рыться въ архивахъ.

ЯГУЖИНСКІЙ.

Сколько угодно.

ТАТИЩЕВЪ.

Мнѣ нуженъ открытый листъ.

ЯГУЖИНСКІЙ.

Сколько угодно! но дайте-жъ по крайней мѣрѣ встрѣтить, принять.... мы послѣ, послѣ переговоримъ, Василій Никитичъ.

ТАТИЩЕВЪ, (*съ неудовольствіемъ*).

Ахъ! чортъ возьми! это видно... совсѣмъ другая исторія!

(*Ягужинскій спѣшитъ встрѣтить г-жу Шумахеръ, а Татищевъ задумавшись садится къ столу*).

—

XI.

ТѢЖЕ, Г-ЖА ШУМАХЕРЪ.

ЯГУЖИНСКІЙ.

Какое счастье! Софья Ивановна! дорогая, неожиданная гостья.

Г-ЖА ШУМАХЕРЪ.

Просительница, просительница, Павелъ Ивановичъ! (*увидя Татищева*) кого я вижу? Василій Никитичъ? крестный папаша (*подбѣгая, цѣлуетъ его*) Ахъ! какіе вы страшные.

ТАТИЩЕВЪ.

А зачѣмъ пріѣхала?

Г-ЖА ШУМАХЕРЪ.

Вы сейчасъ услышите.

ЯГУЖИНСКІЙ, (*подавая стулъ*).

Садитесь, садитесь, успокойтесь и приказывайте Софья Ивановна.

ТАТИЩЕВЪ, (*про себя*).

Приказывайте! генералъ-прокурору!

Г-ЖА ШУМАХЕРЪ.

У насъ въ семействѣ затѣялись ужасныя вещи, Павелъ Ивановичъ.—Батюшаа влюбился въ моего мужа, мужъ въ своего помощника Тауберта, Таубертъ въ приданое сестры.... да, божусь, въ приданое, я въ этомъ увѣрена.

ТАТИЩЕВЪ, (*про себя*).

Въ приданое!... взяточникъ!

ЯГУЖИНСКІЙ.

И представьте! что ужъ онъ являлся ко мнѣ за позволеніемъ жениться.

Г-ЖА ШУМАХЕРЪ.

И кто-жъ этотъ избранный? Педантъ, глупый Таубертъ, который два мѣсяца тому назадъ... мнѣ, ея сестрѣ, имѣлъ дерзость написать любовную записку.

ЯГУЖИНСКІЙ, (*чуть не вскакивая*).

Ахъ онъ негодяй! осмѣлиться писать!... и къ кому-жъ?

ТАТИЩЕВЪ, (*про себя*).

Къ Софьѣ Ивановнѣ! которая намъ самимъ нравится!

Г-ЖА ШУМАХЕРЪ, (*продолжая*).

Вы можете представить, какъ я его отдѣлала, я уничтожила въ клочки и записку, и Тауберта; но гдѣ же тутъ любовь къ сестрѣ, я васъ спрашиваю?

ЯГУЖИНСКІЙ.

И вы не пожаловались Данилу Ивановичу.

Г-ЖА ШУМАХЕРЪ.

Нѣтъ, мнѣ было такъ смѣшно, что я даже его простила. И стоитъ ли такими вздорами тревожить мужа. Мало ли что говорится....

ЯГУЖИНСКІЙ, (*придвигаясь*).

Это правда, совершенно правда.

Г-ЖА ШУМАХЕРЪ.

Я всячески вступалась за сестру. Спорила, доказывала, плакала, стращала и ничто не помогло.

ЯГУЖИНСКІЙ.

Явное упрямство!

Г-ЖА ШУМАХЕРЪ.

Въ этой крайности, зная, что они торопятся, я рѣшилась, не сказавъ никому ни слова, броситься прямо къ вамъ, Павелъ Ивановичъ, и просить вашей защиты!

ЯГУЖИНСКІЙ (*беретъ и цѣлуетъ руку*).

Благодарю! и вполнѣ цѣню вашу довѣренность.

ТАТИЩЕВЪ (*про себя*).

Го, го!

Г-ЖА ШУМАХЕРЪ, (*оборачиваясь къ Татищеву*).

Вы кажется ворчите, папаша?

ТАТИЩЕВЪ.

Ничего, ничего, продолжайте, продолжайте.

Г-ЖА ШУМАХЕРЪ, (*отодвигаясь*).

Вы главный начальникъ моего мужа, для него начальство дороже жены, страшнѣе смерти. Ради Бога спасите сестру, Павелъ Ивановичъ, не соглашайтесь на сватьбу; уговорите, заставьте образумиться мужа; онъ образумитъ батюшку и страшная туча пройдетъ стороною.

ЯГУЖИНСКІЙ.

Располагайте, требуйте, приказывайте! я не знаю, чего бы я не сдѣлалъ для васъ, Софья Ивановна.

ТАТИЩЕВЪ, (*ударивъ по столу*).

Чистая корысть! чистый подкупъ!

г-жа шумахеръ (*Татищеву*).

Ахъ, Боже мой! вы все говорите?... Василій Никитичъ. Неужели я вамъ мѣшаю.

татищевъ, (*вставая*).

Нѣтъ, ужъ коли кто мѣшаетъ, такъ скорѣе я. Добро, прощай Павелъ Ивановичъ.

г-жа шумахеръ.

Постойте, постойте, папаша.

ягужинскій.

Вашъ открытый листъ.... будетъ сегодня же доставленъ, Василій Никитичъ.

г-жа шумахеръ, (*удерживая Татищева*).

Мы вмѣстѣ поѣдемъ я ужъ все разсказала Павлу Ивановичу.

ягужинскій, (*удерживая и усаживая г-жу Шумахеръ*).

Нѣтъ, нѣтъ, воля ваша, Софья Ивановна, намъ надобно подумать, придумать, уладить не сп҄ѣша, кабинетно....

татищевъ, (*уходя*).

Взяточникъ! самой злой взяточникъ!

—

XII.

ТѢЖЕ, *кромѣ* **ТАТИЩЕВА.**

ЯГУЖИНСКІЙ.

Послушайте Софья Ивановна: что касается до вашего батюшки, то я надѣюсь съ нимъ сладить.... у меня готово средство; но вашъ Данила Ивановичъ — это дѣло другое.

Г-ЖА ШУМАХЕРЪ.

Да, да, онъ упрямъ.... какъ я не знаю другаго!

ЯГУЖИНСКІЙ.

Не въ томъ дѣло; но онъ, вотъ видите, онъ человѣкъ знающій, аккуратный, исполнительный такъ—что воля ваша, а къ нему ни съ какой стороны невозможно придраться.

Г-ЖА ШУМАХЕРЪ.

Придраться? ахъ нѣтъ, какъ я ни зла на него, а никакъ не соглашусь на это, Павелъ Ивановичъ.

—

XIII.

ТѢЖЕ, ВИЛЬБОА (*подкрадывается и вслушивается*)

ЯГУЖИНСКІЙ, (*продолжая*).

Но это только для вида, мнѣ нужна мнимая придирка, нуженъ безпорядокъ, безпорядокъ!

ВИЛЬБОА.

Ура! геній всевозможныхъ безпорядковъ является къ вамъ на помощь.

ЯГУЖИНСКІЙ.

Повѣса Вильбоа!

Г-ЖА ШУМАХЕРЪ.

Никита Петровичъ!

ВИЛЬБОА.

Говорите, приказывайте: гдѣ, когда, какіе нужны безпорядки?

ЯГУЖИНСКІЙ.

Въ Кунскамерѣ, въ Кунскамерѣ!

ВИЛЬБОА.

Извольте! подъ вашею отвѣтственностію все полѣтитъ вверхъ ногами и рыбы, и птицы, и звѣри; вся натуральная исторія! даже самый слонъ— если прикажите.

Г-ЖА ШУМАХЕРЪ.

Павелъ Ивановичъ! онъ Богъ знаетъ что надѣлаетъ!

ВИЛЬБОА.

Я уничтожу все, даже самаго г. Шумахера.

Г-ЖА ШУМАХЕРЪ.

Представьте!

ЯГУЖИНСКІЙ.

Сама судьба посылаетъ намъ этаго повѣсу. Теперь есть надежда; теперь я не смѣю васъ удерживать, мы скоро, очень скоро увидимся. Вильбоа! проводи Софью Ивановну и мигомъ назадъ для совѣщанья!

Г-ЖА ШУМАХЕРЪ.

Прощайте Павелъ Ивановичъ, но ради Бога ни чѣмъ не огорчайте мужа.

ВИЛЬБОА, (*подавая руку*).

Народъ привычный; не стоитъ безпокоиться Софья Ивановна. (*уходитъ.*)

ЯГУЖИНСКІЙ.

Славно! Фельтенъ навѣрно попадетъ въ мою западню, Вильбоа отправится къ Шумахеру....

ВИЛЬБОА, (*вбѣгая*).

Вотъ и я къ вашимъ услугамъ.

ЯГУЖИНСКІЙ.

Слушай, Вильбоа, одолжи, сослужи службу, сбей съ ногъ Шумахера, надѣлай въ Кунскамерѣ безпорядковъ; я пріѣду, разкричусь, придерусь, чтобъ испугать и заставить отказаться....

ВИЛЬБОА, (*перебивая съ любопытствомъ*).

Отъ Софьи Ивановны?

ЯГУЖИНСКІЙ.

Съумасшедшій! отъ сватовства его свояченицы за дерскаго негодяя, который осмѣлился писать ей любовныя записки! (*взглядывая на часы*) но я опоздалъ и опоздалъ ужасно! эй! (*вбѣгаетъ камердинеръ*) плащь, я ѣду.... смотри жъ, чтобъ приказъ на счетъ Фельтена былъ въ точности исполненъ.

КАМЕРДИНЕРЪ.

Но если онъ задорожится, Павелъ Ивановичъ?

ЯГУЖИНСКІЙ.

Не жалѣй ничего—давай хоть червонецъ! про-

щай Вильбоа: бѣги, придумывай, хлопочи и дѣйствуй. (*уходитъ*).

ВИЛЬБОА, (*уходя*).

О геній любезнаго отечества! геній Франціи! геній всевозможныхъ безпорядковъ! не оставь на пути моего подвига.

ДѢЙСТВІЕ ВТОРОЕ.

Въ квартирѣ Шумахера при Кунскамерѣ.

I.

Г. ШУМАХЕРЪ.

Повторяю, повторяю, куда вы ѣздили, гдѣ вы были, я хочу, я долженъ знать, гдѣ вы были, сударыня?

Г-ЖА ШУМАХЕРЪ.

Это моя тайна.

Г. ШУМАХЕРЪ.

Тайна отъ мужа?

Г-ЖА ШУМАХЕРЪ.

У меня ихъ множество.

Г. ШУМАХЕРЪ.

Да, да, для вѣчныхъ ссоръ, для вѣчнаго несогласія.

Г-ЖА ШУМАХЕРЪ.

Но не отъ васъ ли зависитъ прекратить и ссоры и мнимыя несчастья? согласитесь на мои условія и все будетъ кончено: мнѣ будетъ весело, вамъ также.

Г. ШУМАХЕРЪ.

Не думаю, не думаю, сударыня.

Г-ЖА ШУМАХЕРЪ.

Во-первыхъ, вы должны позволить мнѣ принимать не однихъ ученыхъ нѣмцевъ.

Г. ШУМАХЕРЪ.

Такъ и есть! позволить знакомиться вамъ съ молодежью, съ офицерами, не такъ ли сударыня?

Г-ЖА ШУМАХЕРЪ.

Но знаете ли, что всего больше заставляетъ смѣяться надъ мужемъ и женою? да, я васъ увѣряю, это то, когда къ нимъ ѣздятъ одни только пожилые люди.— Мужъ какъ будто боится молодыхъ людей, а жена какъ будто сама себя съ ними боится.

Г. ШУМАХЕРЪ, (*принужденно*).

Есть чего бояться!

Г-ЖА ШУМАХЕРЪ.

Во-вторыхъ, чтобъ я, какъ молодая женщина, могла выѣзжать свободно, куда вздумается.

Г. ШУМАХЕРЪ.

Чтобъ свободно вѣтренничать и кружить головы.

Г-ЖА ШУМАХЕРЪ.

Нѣтъ, сударь, нѣтъ, а для того только, чтобъ

освѣжить свою, которой душно въ вашей Кунскамерѣ.

Г. ШУМАХЕРЪ.

Я самъ, я самъ задыхаюсь, сударыня!

Г-ЖА ШУМАХЕРЪ.

Наконецъ, изъ чего вы вздумали располагать участью сестры, которая не ребенокъ? И такъ, въ послѣдній разъ я прошу, даже требую, не сбивать батюшку и избавить насъ отъ глупаго Тауберта.

Г. ШУМАХЕРЪ.

Глупаго Тауберта! глупаго Тауберта! да знаете ли вы, что этотъ глупый Таубертъ первый натуралистъ, первый латинистъ, мой первый помощникъ.

Г-ЖА ШУМАХЕРЪ.

Поздравляю.

Г. ШУМАХЕРЪ.

Тутъ не до шутокъ, сударыня. — Словомъ, онъ такой женихъ, какаго лучше отыскать не возможно.

Г-ЖА ШУМАХЕРЪ.

Но вамъ какое дѣло, когда онъ ей не нравится.

Г. ШУМАХЕРЪ.

Нравится, не нравится.... это романтизмъ, глупость, горячка, сударыня. Какъ добрый родственникъ, я для общей пользы долженъ на этомъ настаивать.

Г-ЖА ШУМАХЕРЪ.

Такъ знайте-жъ, что и я, какъ сестра, буду всячески вамъ препятствовать.

Г. ШУМАХЕРЪ.

И такъ, если нельзя лаской.... не прогнѣвайтесь, я стану дѣйствовать иначе.

Г-ЖА ШУМАХЕРЪ.

Сдѣлайте одолженіе.

Г. ШУМАХЕРЪ.

Послѣ этого, я былъ глупъ, что на васъ женился.

Г-ЖА ШУМАХЕРЪ.

Въ этомъ случаѣ, я была еще глупѣе.

Г. ШУМАХЕРЪ.

Нѣтъ, я глупѣе во сто разъ.
И что я въ васъ нашолъ такое?
Для вида что-то, на-показъ,
Но сердце самое презлое.
И что-жъ выигрываю я?
Въ чемъ ваша скромность, ваши ласки?
Взглянуть умильно на меня,
Но вы всѣмъ дѣлаете глазки!
Вы для кокетства рождены,
Одна забота.... мужа нѣтъ ли?
И эдакъ отъ живой жены
Не далеко до мертвой петли!

Г-ЖА ШУМАХЕРЪ.

Боже мой!... какое отчаянье!...
Безподобно, безподобно!
Почему-жъ.... когда угодно....
Если не чѣмъ дорожить.
Вамъ, какъ видно, очень худо,
Мнѣ не такъ еще покуда
Мнѣ хотѣлось бы пожить,
Познакомиться со свѣтомъ,
Позаняться туалетомъ,

Поглядѣть, потанцовать....
Надоѣстъ одно и тоже;
Я васъ вдвое по моложе,
Если смѣю вамъ сказать.
Вамъ науки, намъ забавы;
Вы хотите жить для славы,
А мы нравиться хотимъ.
Мы плохія героини,
Мы не знаемъ по латыни,
Такъ беремъ кой-чѣмъ другимъ.

Г. ШУМАХЕРЪ.

Дѣло не въ этомъ, сударыня.

Гдѣ-жъ были вы? я долженъ знать!
Къ чему молчать, вы слишкомъ скрытны.

Г-ЖА ШУМАХЕРЪ.

А вы, позвольте вамъ сказать,
Вы стали слишкомъ любопытны.
Васъ ревность слишкомъ увлекла!

Г. ШУМАХЕРЪ.

Въ послѣдній разъ, чтобъ кончить дружно,
Гдѣ были вы?

Г-ЖА ШУМАХЕРЪ.

Ахъ! я была....
Была — гдѣ быть мнѣ было нужно.

Г. ШУМАХЕРЪ.

И такъ, мы увидимъ, я ѣду къ вашему батюшкѣ.

Г-ЖА ШУМАХЕРЪ.

Я тоже.

Г. ШУМАХЕРЪ.

Если онъ не уйметъ васъ, я пойду далѣе.

Г-ЖА ШУМАХЕРЪ.

Я тоже.

Г. ШУМАХЕРЪ.

Буду жаловаться начальству, самому государю.

Г-ЖА ШУМАХЕРЪ.

Я тоже, даже государынѣ!

Г. ШУМАХЕРЪ.

Что это значитъ? въ умѣ ли вы, сударыня!

Г-ЖА ШУМАХЕРЪ.

Да, сударь, батюшкѣ откроютъ глаза, сестра выйдетъ за кого хочетъ, вы попадете въ немилость и разстанетесь съ вашей Кунскамерой.

Г. ШУМАХЕРЪ.

Образумтесь! образумтесь! это значитъ посягать на собственное благосостояніе Софьи Ивановны!

—

II.

ТѢЖЕ, *дѣвица* ФЕЛЬТЕНЪ.

ДѢВИЦА ФЕЛЬТЕНЪ.

Сестрица, сестрица! батюшка въ другой разъ прислалъ за нами.

Г-ЖА ШУМАХЕРЪ.

Благодари, благодари Данила Ивановича.

ДѢВИЦА ФЕЛЬТЕНЪ, (*подбѣгая къ Шумахеру*).

Неужели? вы согласились! дайте-жъ, дайте-жъ разцѣловать васъ, Данила Ивановичъ.

Г. ШУМАХЕРЪ, (*вырываясь*).

Не за что, совершенно не за что, Марья Ивановна.

Г-ЖА ШУМАХЕРЪ.

Довольно, довольно. — Батюшка въ хлопотахъ, онъ ждетъ насъ, поѣдемъ скорѣе.

ДѢВИЦА ФЕЛЬТЕНЪ.

Прощайте, прощайте! (*возвращаясь, опять бросается цѣловать Шумахера*) еще, еще, добрый, милый, чудесный Данила Ивановичъ.

Г. ШУМАХЕРЪ.

Боже мой! оставьте, прощайте!

Г-ЖА ШУМАХЕРЪ.

До радостнаго свиданія Данила Ивановичъ!

(*Онѣ уходятъ*).

—

III.

ШУМАХЕРЪ (*одинъ*).

ШУМАХЕРЪ.

И мнѣ завидуютъ!... да, да, я это знаю. Ну, г. Шумахеръ, выбирай любое: разъѣхаться, или развестись формально! Нѣтъ, чортъ возьми! я слишкомъ влюбленъ, слишкомъ ревнивъ, чтобъ уступить ее другому. Во чтобъ ни стало станемъ наслаждаться супружескимъ счастіемъ!

Я пропадаю за ни что;
А всѣ горланятъ, рты разиня:
Что я счастливецъ, какъ никто
И что жена моя богиня!
И подлинно, хорошъ эдемъ!
Томиться въ вѣчномъ истязаньи
И утѣшаться только тѣмъ,
Что не одинъ я во компаньи!

(*Садится, задумавшись, къ столу*).

IV.

ШУМАХЕРЪ, СТОРОЖЪ, (*провожая двухъ посѣтителей Кунсткамеры*).

СТОРОЖЪ, (*отворяя боковую дверь*).

Здѣсь выходъ; сюда, сюда, почтенные.

ШУМАХЕРЪ, (*съ досадой*).

Когда я избавлюсь отъ этихъ любопытныхъ!

1-й ПОСѢТИТЕЛЬ.

Чудеса, чудеса да и только.

2-й ПОСѢТИТЕЛЬ.

Дивныя, истинно заморскія вещи, почтеннѣйшій.

1-й ПОСѢТИТЕЛЬ.

Какихъ звѣрей, какихъ я птицъ тамъ не видалъ!

1-й ПОСѢТИТЕЛЬ.

А видѣлъ ли слона, каковъ собой на взглядъ?
Я чай, подумалъ ты, что гору встрѣтилъ.

2-й посѣтитель.

Да развѣ тамъ онъ?

1-й посѣтитель.

Тамъ.

2-й посѣтитель.

Ну братецъ, виноватъ,
Слона-то я и не примѣтилъ! * (*уходятъ*).

—

V.

За кулисами кричатъ: «воды, воды!» и на сцену вбѣгаетъ колосальная дѣвица Овѣчкина. За нею крошечный женихъ ея, Францъ Францовичъ и родители невѣсты съ провинціальнымъ лакеемъ.

дочь, (*бросаясь въ кресла*).

Мнѣ дурно, мнѣ дурно!

мать, (*толкая мужа*).

Бѣги, бѣги скорѣе!

шумахеръ.

Что это значитъ?

мать, (*ухаживая около дочери*).

Такъ и есть! сомлѣла, сомлѣла голубушка.

женихъ и отецъ.

Воды, воды, ради Бога!

---

* Любопытный, басня И. А. Крылова.

ШУМАХЕРЪ, (*ощупывая карманы*).

Вотъ кстати, не хотите ли спирту, это всего ближе.

ЖЕНИХЪ.

Ради Бога! (*вырывая спиртъ, подаетъ его невѣстѣ*) Серафима Ивановна! Серафима Ивановна! очнитесь, успокойтесь!

ШУМАХЕРЪ.

Да скажите же ради Бога, отъ чего это случилось?

МАТЬ.

Хорошъ вопросъ!

ОТЕЦЪ.

А все Францъ Францовичъ.

МАТЬ.

Славно подслужился, сказать нечего!

ОТЕЦЪ.

Да, славно подслужился, сказать нечего!

МАТЬ.

Вотъ вамъ и Кунскамера!

ДОЧЬ.

Ахъ!

ЖЕНИХЪ.

Кто жъ ожидалъ видѣть такія вещи.

ШУМАХЕРЪ.

Помилуйте, да какіе же вещи, разтолкуйте ради Бога?

МАТЬ.

Полюбуйся самъ, голубчикъ, склянки, банки, чучелы, да уроды.... страсти да и только.

ШУМАХЕРЪ.

Для нашего брата это вздоръ... развѣ для женщины.

МАТЬ.

Для дѣвицы, голубчикъ, для дѣвицы.

ДОЧЬ.

Ахъ!

ОТЕЦЪ.

Для дѣвицы 5-го ранга.

ШУМАХЕРЪ.

Извините, наука не смотритъ на лица.

МАТЬ.

Хороша наука... выставить на показъ цѣлаго великана.

ДОЧЬ.

Ахъ!

МАТЬ.

Ужъ коли я вздрогнула, каково же ей бѣдняжкѣ.

ДОЧЬ.

Ахъ, ахъ! мнѣ дурно, мнѣ дурно!

МАТЬ.

Опять дурно! помогите, помогите!

ШУМАХЕРЪ, (*въсторону*).

Вотъ навязались проклятыя! (*вслухъ*) воля ваша, а мой совѣтъ: скорѣй домой и послать за докторомъ.

МАТЬ.

Правда, правда, подымайте, подымайте, голубчики, дружнѣе, дружнѣе, лишь бы сдвинуть съ мѣста бѣдняжку.

ДОЧЬ, (*приподымаясь*).

Ахъ!

МАТЬ.

Домой, домой, не оглядываясь.

(*Женихъ подаетъ руку невѣстѣ; но она, по крошечному росту Франца Францовича, вмѣсто того, чтобъ взять его подъ локоть, кладетъ свою руку ему на плечо и подгибая жениха, выходитъ съ помощью матери*).

ОТЕЦЪ, (*суетясь*).

Эй, Прошка! шляпу, перчатки! все разтерялъ, весь перемялся, прости Господи! скорѣй! скорѣй. (*Слуга подымаетъ и подаетъ то и другое; старикъ оправляется и надѣваетъ шляпу*): вотъ такъ то, въ порядкѣ, по формѣ, какъ слѣдуетъ, (*поворачиваясь задомъ*) Прошка! взгляни.... бьется ли шпага по голяшкамъ?

ПРОШКА.

Бьется, ваше высокородіе.

ОТЕЦЪ.

Ну, Христосъ съ нею! (*Уходитъ*).

ШУМАХЕРЪ.

Провались ты сквозь землю, живая Кунсткамера!

—

VI.

ШУМАХЕРЪ, ТАУБЕРТЪ (*вбѣгаетъ встревоженный*).

ТАУБЕРТЪ.

Ужасныя вещи! ужасное открытіе Данила Ивановичъ.

ШУМАХЕРЪ.

Открытіе? что за открытіе, говорите, говорите, Францъ Францовичъ.

ТАУБЕРТЪ.

Безъ васъ я пропалъ рѣшительно.

ШУМАХЕРЪ.

Что это значитъ?

ТАУБЕРТЪ, (*таинственно*).

У меня.... у меня есть соперникъ; у меня отбиваютъ Марью Ивановну.

ШУМАХЕРЪ.

М. И-на, С. И-на всѣ, всѣ онѣ на одинъ покрой Францъ Францовичъ.

ТАУБЕРТЪ.

На ваше слово и на слово г. Фельтена я полагаюсь какъ на каменную стѣну. Я человѣкъ отчаянный, ей Богу, отчаянный, Данила Ивановичъ я готовъ рѣзаться и стрѣляться.

ШУМАХЕРЪ.

Не стоитъ, истинно не стоитъ.

ТАУБЕРТЪ.

Не стоитъ? что это значитъ.... объяснитесь, объяснитесь Данила Ивановичъ.

ШУМАХЕРЪ, (*съ участіемъ*).

Вѣрьте, что давши слово, я готовъ на все; пойду на перекоръ всѣмъ и каждому; вооружу тестя; все сдѣлаю для вашей пользы; но вѣрьте и тому, что вѣтреница....

ТАУБЕРТЪ.

То есть, Марья Ивановна?

Г. ШУМАХЕРЪ.

Да, да, Марья Ивановна, для которой мишурный блескъ дороже существенности, мундиръ дороже науки, русское дороже нѣмецкаго!

ТАУБЕРТЪ.

Дороже нѣмецкаго?

Г. ШУМАХЕРЪ.

Такая вѣтриница не стоитъ вашего вниманія.

ТАУБЕРТЪ.

Нѣтъ, нѣтъ, что нибудь не такъ, что нибудь не то, воля ваша! не вѣрю, не за что не вѣрю, Данила Ивановичъ.

И чѣмъ же хуже я другихъ?
Отмѣнно милъ, отмѣнно вкрадчивъ,
И вѣрно эдакой женихъ,
Для всякой дѣвушки заманчивъ.
Въ кругу ученыхъ — латинистъ;
Для мужа—вовсе не ревнивецъ;
Въ Кунскамерѣ — натуралистъ;
По ласкамъ публики—счастливецъ!
Имѣя все и все сполна:
И умъ, и молодость, и силу,
Какого жъ имъ еще рожна
Желать.... ахъ, Господи помилуй!

—

VII.

ТѢЖЕ, СТОРОЖЪ, *потомъ* ВИЛЬБОА.

СТОРОЖЪ.

Капитанъ Вильбоа, ваше высокоблагородіе.

ШУМАХЕРЪ.

Вильбоа! возможно ли, что тутъ докладывать: проси, проси скорѣе! (*сторожъ уходитъ*) шалунъ Вильбоа! царскій любимецъ.

ТАУБЕРТЪ.

Первый наслѣдникъ, первый повѣса.

ШУМАХЕРЪ, (*встрѣчая Вильбоа*).

Никата Петровичъ! васъ ли я вижу?

ВИЛЬБОА, (*прикидываясь смиренникомъ*).

Дайте, дайте обнять васъ, Данила Ивановичъ! (*увидя Тауберта*) а! а, любезный волокита!

ТАУБЕРТЪ.

Не вамъ бы говорить.... не мнѣ бы слушать, Никита Петровичъ.

ШУМАХЕРЪ.

Извините, извините, что принимаю здѣсь; квартира немножко тѣсненька, Никита Петровичъ.

ВИЛЬБОА.

Это ничего не значитъ!

Тѣснота насъ не должна
Тяготить на службѣ...
Гдѣ убійственна она,
Это въ тѣсной дружбѣ.
Это даже мнѣ смѣшно:
Въ тѣснотѣ всѣ жмутся...
А ужъ дружбѣ не грѣшно
Было-бъ развернуться!
Впрочемъ, это остроты
Дѣло — не въ сатирѣ...,

А ужъ хуже тѣсноты
Ничего нѣтъ въ мірѣ!
Я терпѣть ее не могъ
Всѣхъ всякихъ изъятій:
Начиная отъ сапогъ
До тѣсныхъ понятій!

ТАУБЕРТЪ.

Это шутки!... но вы вѣрно хотите полюбоваться нашей Кунскамерой?

ВИЛЬБОА.

Ей Богу нѣтъ, да и что мнѣ въ вашей Кунскамерѣ?

Здѣсь нѣтъ замашки никакой,
Что здѣсь, что тамъ — одно и тоже,
И на Невѣ и за Невой —
Все на Кунскамеру похоже.
И тамъ звѣрей не сосчитать,
Но жаль, что наши слишкомъ грубы,
У васъ они — не заѣдятъ....
У насъ — царапъ! и прямо въ зубы.
И тамъ есть стаи хищныхъ птицъ,
Ихъ пѣсни.... что твоя зѣвота!
Ну такъ, что въ стадѣ этихъ лицъ
Кружиться право не охота.
Ну словомъ, твари всѣхъ сортовъ....
Но родъ, который насъ... замучилъ,
Есть родъ — *набитыхъ дураковъ*
Взамѣнъ *набитыхъ вашихъ чучель*.

ТАУБЕРТЪ.

Не дурно.... даже очень не дурно, но прощайте! я ухожу.... (*Шумахеру*). Въ случаѣ надобно-

сти, вы найдете меня въ Кунскамерѣ въ моемъ отдѣленіи. (*Уходитъ*).

ШУМАХЕРЪ.

Скажите-жъ.... давно ли вы изъ Франціи, любезнѣйшій.

ВИЛЬБОА.

Вы знаете, я былъ тамъ съ государемъ. Онъ позволилъ пробыть мнѣ съ родными два мѣсяца. — Возвращаясь изъ Парижа, я ѣхалъ черезъ Страсбургъ, видѣлъ всѣхъ вашихъ родныхъ и передаю вамъ ихъ поклоны и обниманья.

ШУМАХЕРЪ.

Благодарю, благодарю; но присядьте, присядьте: дайте на васъ наглядѣться, дайте наговориться съ вами, почтеннѣйшій. (*они садятся*). И такъ, мои родные и живы и здоровы?

ВИЛЬБОА.

И счастливы (*вздыхая*) это главное Данила Ивановичъ.

ШУМАХЕРЪ.

Ужъ конечно главное.... но знаете ли что.... я васъ не узнаю, вы какъ будто переродились, Никита Петровичъ. Когда Парижъ кружитъ всѣмъ головы, неужели же онъ пощадилъ одну вашу.

ВИЛЬБОА.

О, нѣтъ! я все тотъ же, совершенно тотъ же, Данила Ивановичъ.

ШУМАХЕРЪ.

Помилуйте! какой тотъ же? воля ваша, а это не даромъ, Никита Петровичъ.

ВИЛЬБОА.

Это такъ кажется.

ШУМАХЕРЪ.

Чего тутъ кажется, я право боюсь.... ужъ не случилось ли съ вами несчастья?

ВИЛЬБОА.

Напротивъ.... вы меня можете даже поздравить... да, да, поздравьте, поздравьте меня Данила Ивановичъ.

ШУМАХЕРЪ.

Ахъ! Боже мой!.... да съ чѣмъ, скажите ради Бога?

ВИЛЬБОА.

Поздравьте, я.... я женился, Данила Ивановичъ.

ШУМАХЕРЪ.

Женился! (*про себя*) такъ и есть! (*вслухъ*) Ахъ, Боже мой! Да кто-жъ васъ женилъ?... или на комъ же вы женились, любезнѣйшій Никита Петровичъ.

ВИЛЬБОА.

На дочери пастора Глюка, у котораго воспитывалась императрица.

ШУМАХЕРЪ.

Прекрасная партія!

ВИЛЬБОА.

Отличная партія!

ШУМАХЕРЪ.

Молода, богата, прекрасна!

ВИЛЬБОА.

Да, да, и вы видите, какъ я серьёзно счастливъ!

ШУМАХЕРЪ.

Если не совсѣмъ наружно, но внутренно, душевно по крайней мѣрѣ, не такъ ли?

ВИЛЬБОА.

Да, да, точно какъ вы, Данила Ивановичъ.

ШУМАХЕРЪ, (*про себя*).

Точно какъ я? (*вслухъ*) воздравляю, тысячу разъ поздравляю васъ, любезнѣйшій.

ВИЛЬБОА, (*сухо*).

Благодарю, благодарю, Данила Ивановичъ.

ШУМАХЕРЪ.

Дѣйствительно.... видѣть всегда ту, которую любишь, видѣть ее тихою, сговорчивою, скромною, безъ всякаго кокетства, то есть, знаете, безъ этой адской страсти нравиться цѣлому свѣту.... это величайшее наслажденіе!

ВИЛЬБОА.

Но всѣмъ ли быть такимъ счастливцемъ?

ШУМАХЕРЪ.

Какъ я? хотите вы сказать.... не такъ ли?

ВИЛЬБОА.

Разумѣется, но всторону горе, которое до васъ не касается; скажите лучше, какъ поживаетъ Софья Ивановна.

ШУМАХЕРЪ, (*принужденно*).

Покорнѣйше благодарю.... очень хорошо, слава Богу, слава Богу, Никита Петровичъ.

ВИЛЬБОА.

Чудесная женщина!

ШУМАХЕРЪ.

Да, удивительная женщина.

ВИЛЬБОА.

А ваша новая должность?

ШУМАХЕРЪ.

О! я въ восхищеніи! она открыла поле моей дѣятельности, доставила мнѣ прекрасное содержаніе и что всего лучше: сблизила съ государемъ.

ВИЛЬБОА.

Хорошо, прекрасно! кромѣ одного: кромѣ завистниковъ, Данила Ивановичъ.

ШУМАХЕРЪ.

Завистниковъ?

ВИЛЬБОА.

Гдѣ-жъ безъ нихъ: все намъ, ничего другимъ, у насъ хорошо, у всѣхъ дурно.

ШУМАХЕРЪ.

Но у меня, слава Богу, все въ исправности.

ВИЛЬБОА.

Все равно; придумаютъ, придерутся, очернятъ, распубликуютъ.

ШУМАХЕРЪ.

Чортъ возьми! да ужъ не слышали ли вы чего нибудь, Никита Петровичъ.

ВИЛЬБОА.

Мало ли что говорится.

ШУМАХЕРЪ.

Очень хорошо, однако жъ....

ВИЛЬБОА.

Просто вздоръ и дрязги, о которыхъ не стоитъ разсказывать...

ШУМАХЕРЪ.

Чтобъ ни было, чтобъ ни было, а все-таки скажите, ради Бога скажите, Никита Петровичъ.

ВИЛЬБОА.

Выдумали, напримѣръ, что у васъ въ Кунскамерѣ, вмѣсто угощенья посѣтителей, на что отпускаются деньги, подчуютъ одною невскою водою.

ШУМАХЕРЪ.

Невскою водою! ложъ, ложъ, божусь вамъ, самая наглая ложъ, Никита Петровичъ; подчуютъ всѣмъ: и чаемъ, и кофеемъ, и шеколадомъ, да не прикажите ли сами чего нибудь, почтеннѣйшій.

ВИЛЬБОА.

Я морякъ, развѣ.... рюмку водки, если хотите.

ШУМАХЕРЪ.

Прекрасно! эй! (*входитъ слуга*) водки, слышишь ли, водки! и какъ можно скорѣе!...скажи Ѳедору Ѳедоровичу—онъ тамъ въ Кунскамерѣ, въ отдѣленіи животныхъ. (*Слуга уходитъ.*) И такъ, что-жъ дальше, что-жъ дальше? продолжайте, продолжайте, любезнѣйшій.

ВИЛЬБОА.

По моему... пусть болтаютъ, плевать да и только.

ШУМАХЕРЪ.

Конечно плевать... однако-жъ для предосторожности.

(*Слуга съ водкой, впереди Таубертъ*).

ТАУБЕРТЪ.

Не прикажите ли, не прикажите ли лучшей анисовой.

ВИЛЬВОА.

А что вы думаете? (*глядитъ на часы*) часъ адмиральской: прекрасно! (*выпивъ рюмку*) развѣ это анисовая?

ТАУБЕРТЪ.

Самая лучшая.

ВИЛЬБОА, (*выпивъ другую*).

Да, точно анисовая; (*наливая*) Данила Ивановичъ, не прикажите ли?

ШУМАХЕРЪ.

Я рѣдко употребляю водку.... впрочемъ....

ВИЛЬБОА.

Вотъ хорошо! (*наливая Тауберту*) а вы?

ТАУБЕРТЪ.

Съ большимъ удовольствіемъ.

ВИЛЬБОА, (*показывая на другой графинъ*).

А это что такое?

ТАУБЕРТЪ.

Это горькая водка.

ВИЛЬБОА.

И вы мнѣ не сказали: для меня горькая гораздо лучше сладкой.

ТАУБЕРТЪ.

Не прикажите ли? отличнѣйшая настойка!

ВИЛЬБОА, (*Шумахеру*).

Какъ вы думаете?

ШУМАХЕРЪ.

На здоровье, на здоровье, Никита Петровичъ.

ВИЛЬБОА.

Нѣтъ, если по другой, такъ вмѣстѣ, а иначе слуга покорный.

ШУМАХЕРЪ.

Но съ непривычки.... при моей раздражительности, я истинно боюсь....

ВИЛЬБОА.

Пустое! горечь къ горечи, Данила Ивановичъ.

ШУМАХЕРЪ, (*про себя*).

Горечь къ горечи!

ВИЛЬБОА, (*наливая*).

Господа! всѣ по другой—всѣ поровну.

ТАУБЕРТЪ.

Ай да Никита Петровичъ.

Голова и молодецъ
Какихъ.... право мало.
Голова всему вѣнецъ
И всему начало!

Я согласенъ! пить такъ пить:
Что тутъ за пардоны....
Вы привыкли съ ногъ валить
Въ головѣ — колоны!

Между умными людьми!
Самъ я съ головою;
Но не сладишь —чортъ возьми! —
Съ вашей удалою!

Рюмки лишней не въ зачетъ
Ваша — не боится,
А въ мою лишь попадетъ,
Мигомъ закружится!

Какъ тутъ голову сберечь?
Кто друзей не любитъ?..
Но повинную и мечь
Не сѣчетъ, не рубитъ.

Я согласенъ, пить такъ пить!
Что тутъ за пардоны...
Мы привыкли съ ногъ валить
Въ головѣ колонны!

ВИЛЬБОА.

Одно дурно... что лишняя рюмка ведетъ къ лишнему слову.

ШУМАХЕРЪ, (*про себя*).

Этаго то мнѣ и надобно (*вслухъ*) ужъ такъ и быть.... когда пошло на то, извольте.... (*выпивая*) для компаніи мало ли что ни дѣлается.

ВИЛЬБОА.

Именно!

ТАУБЕРТЪ.

Знаете ли что, Данила Ивановичъ? Г. Фельтенъ сейчасъ прислалъ вамъ въ гостинецъ полдюжины Венгерскаго.

ВИЛЬБОА.

Неужели венгерскаго?

ШУМАХЕРЪ.

Не прикажите ли, не прикажите ли Никита Петровичъ.

ВИЛЬБОА.

Такъ и есть! Я знаю, что отъ васъ ничѣмъ не о тдѣлаешься.

ШУМАХЕРЪ (*навеселѣ*).

Ну, живо, разомъ, хлопочите, хозяйничайте подавайте г. Таубертъ.

ТАУБЕРТЪ.

Въ минуту, въ минуту! все явится къ вашимъ услугамъ! (*Уходитъ.*)

ШУМАХЕРЪ, (*подвигаясь ближе и ближе къ Вильбоа*).

И такъ, надо жъ кончить; скажите же что говорятъ мои завистники....

ВИЛЬБОА.

Разумѣется, вздоръ и пустошъ; но чтобъ унизить ваши личныя достоинства, они говорятъ, напримѣръ, что вы чрезъ жену получили нынѣшнее мѣсто.

ШУМАХЕРЪ.

Возможно ли! чрезъ жену.... какимъ образомъ?

ВИЛЬБОА.

То есть—въ приданое за женою.

ШУМАХЕРЪ.

Въ приданое! продолжайте, продолжайте ради Бога.

ВИЛЬБОА.

Послушайте, если я говорю эти вещи, такъ это просто изъ дружбы, Данила Ивановичъ.

ШУМАХЕРЪ.

Чуствую и понимаю, понимаю и чуствую, Никита Петровичъ.

ВИЛЬБОА.

Что касается до Софьи Ивановны, ей отдаютъ полную справедливость.

ШУМАХЕРЪ.

О! Боже мой!...

ВИЛЬБОА.

Находятъ, что она умна, мила, ловка, и именно рождена для общества.

ШУМАХЕРЪ.

Но какъ же иначе!...

ВИЛЬБОА.

Прекрасна собою и немудрено, что нравится каждому.

ШУМАХЕРЪ.

Цѣлому городу!

ВИЛЬБОА.

Что она....

ШУМАХЕРЪ, (*съ нетерпѣніемъ*).

Что она? что она? это самое любопытное!

ВИЛЬБОА.

Нѣтъ, воля ваша! я выпилъ лишнее; я это чуствую; кончено и больше ни слова.

ШУМАХЕРЪ.

Кончено? нѣтъ, чортъ возьми! вы подстрекнули мое любопытство и ни чѣмъ отъ меня не отдѣлаетесь. Небойтеся! говорите, говорите, я твердъ, какъ скала; меня ни что не поколеблетъ.

ВИЛЬБОА.

Говорятъ, что она съ ума свела вашего главнаго начальника.

ШУМАХЕРЪ.

Ягужинскаго!

ВИЛЬБОА, (*на ухо*).

У котораго она была сегодня по утру.

ШУМАХЕРЪ.

У Ягужинскаго! этаго довольно.

ВИЛЬБОА.

Этаго мало.

ШУМАХЕРЪ.

Этаго мало!

ВИЛЬБОА.

У васъ есть другой, ближайшій соперникъ, злодей домашній, змѣя подъ сердцемъ согрѣтая, вашъ первый другъ и первый предатель....

ШУМАХЕРЪ.

Боже всемогущій! неужели Таубертъ?

ВИЛЬБОА.

Вы его назвали!

(*Слуга, провожая Тауберта, приноситъ завтракъ и вино*).

ТАУБЕРТЪ.

Виноватъ, виноватъ! соблазнился, вкусилъ, вкусилъ Данила Ивановичъ вашего нектора!

ШУМАХЕРЪ, (*съ бѣшенствомъ*).

Г. Таубертъ!

ТАУБЕРТЪ, (*не замѣчая, наливаетъ*).

Сами попробуйте, сами попробуйте ради Бога.

Это чудо, не вино!
Какъ заманчиво, какъ ярко!
А на вкусъ—скажу одно:
Мнѣ отъ рюмки стало жарко.
Смѣлость чуствуешь не ту,
Шипче ходишь, легче дышишъ
И какъ птица на лету,
Подъ собою ногъ не слышишъ.

ВИЛЬБОА, (*выпивая*).

Чудо, чудо, а не вино! За здорвье хозяйки.

ТАУБЕРТЪ.

За здоровье Софьи Ивановны!

ШУМАХЕРЪ.

Г. Таубертъ!

ТАУБЕРТЪ, (*подливая*).

Господа! здоровье того, кто любитъ кого.

ШУМАХЕРЪ.

Г. Таубертъ!

ТАУБЕРТЪ, (*необращая вниманія, снова подливаетъ*).

Господа! этотъ тостъ, не откажите, ради Бога не откажите.... этотъ тостъ — на гибель моего соперника!

ВИЛЬБОА.

Да, да. (*чокаясь съ Шумахеромъ*) на гибель нашихъ соперниковъ.

ШУМАХЕРЪ.

Да, да, чтобъ гибель.... согнула ихъ въ три погибели.

ТАУБЕРТЪ, (*тихо Вильбоа*).

Никита Петровичъ! вѣдь онъ подпивши немножко мнѣ кажется.

ВИЛЬБОА.

Съ непривычки, а что нашъ завтракъ.

ТАУБЕРТЪ.

Сейчасъ, сейчасъ, погодите, погодите, бѣгу, лечу! онъ мигомъ явится! (*уходитъ*).

ШУМАХЕРЪ.

И даже Таубертъ! нѣтъ, воля ваша, этаго быть не можетъ, Никита Петровичъ.

ВИЛЬБОА.

Вы думаете?

ШУМАХЕРЪ.

Я ничего не думаю, не хочу думать, не могу думать, я хочу узнать, хочу увѣриться.

ВИЛЬБОА.

Я имѣю доказательства.

ШУМАХЕРЪ.

Доказательства.

ВИЛЬБОА.

Да, да, онъ писалъ ей—любовную записку.

ШУМАХЕРЪ.

Любовную записку! мщеніе и ситификація, ситификація и мщеніе!

(*Таубертъ, за нимъ слуга съ завтракомъ*).

ТАУБЕРТЪ.

Все готово, все готово!

ШУМАХЕРЪ, (*схватывая Тауберта*).

Готовся и ты умереть, предатель!

ТАУБЕРТЪ.

Опомнитесь, вы съ ума сошли, Данила Ивановичъ.

ВИЛЬБОА, (*удерживая Шумахера*).

Ради Бога!

ШУМАХЕРЪ, (*вырываясь*).

Я отучу тебя писать любовныя записки.

ТАУБЕРТЪ.

Что это значитъ, кто сказалъ вамъ?

ШУМАХЕРЪ.

Отвѣчай самъ со шпагою въ рукахъ, предатель.

ТАУБЕРТЪ.

Чортъ возьми! я самъ храбрецъ, я самъ храбрецъ, я самъ рѣзывалъ уши и рубилъ носы обидчикамъ.

ВИЛЬБОА.

Господа, опомнитесь! мы въ публичномъ мѣстѣ, насъ могутъ услышать, увидѣть....

ШУМАХЕРЪ.

Все къ чорту! (*подходитъ къ дверямъ*) дверь на замокъ, не пускать ни души!

ВИЛЬБОА.

Нѣтъ, я не допущу до поединка.

ШУМАХЕРЪ.

Не мѣшайте, не мѣшайте ситификаціи.

ТАУБЕРТЪ, (*становясь въ позицію*).

Берегите носъ, берегите уши, г. Шумахеръ.

ВИЛЬБОА, (*разнимая ссорящихся*).

Подумайте о послѣдствіяхъ, господа! мы просто пьяны.

ТАУБЕРТЪ, (*хорохорясь*).

Чего тутъ пьяны.

ШУМАХЕРЪ.

Жизнь или смерть! защищайся, гнусное животное.

(*Въ это время сильно стучатъ въ двери и кричатъ: отворите, отворите*)!

ВИЛЬБОА.

Слышете ли! стучатся.

ШУМАХЕРЪ.

Не пускать, все къ чорту, всѣхъ къ чорту, пока не раздѣлаемся.

ЯГУЖИНСКІЙ, (*за кулисами*).

Пустите, или я выломлю двери. (*Вильбоа ихъ отворяетъ*).

VIII.

ТѢЖЕ, ЯГУЖИНСКІЙ.

ЯГУЖИНСКІЙ.

Что я вижу! (*при входѣ Ягужинскаго всѣ столбенѣютъ*) гдѣ я? въ Кунскамерѣ, въ кабакѣ или въ шайкѣ головорѣзовъ.

ВИЛЬБОА.

Въ пріятельской.... компаніи, Павелъ Ивановичъ.

ЯГУЖИНСКІЙ.

Въ пріятельской компаніи! на гоубтвахту! слышете ли, на гоубтвахту.

ВИЛЬБОА, (*тихо Ягужинскому*).

Что-жъ это? неужели въ самомъ дѣлѣ?

ЯГУЖИНСКІЙ, (*съ притворнымъ гнѣвомъ*).

На гоубтвахту.... вмѣстѣ съ латинистомъ.

ТАУБЕРТЪ.

На гоубтвахту!

ЯГУЖИНСКІЙ.

Сію же минуту, не то я васъ отправлю за карауломъ.

ВИЛЬБОА, (*про себя*).

Чортъ возьми, да что-жъ это въ самомъ дѣлѣ? (*вслухъ*) г. Таубертъ — пожалуйте!... я лучше всѣхъ знаю эту дорогу.

(*Уходятъ*).

—

IX.

ЯГУЖИНСКІЙ, ШУМАХЕРЪ.

ЯГУЖИНСКІЙ.

Данила Ивановичъ, побойтесь Бога! вы ли это?

ШУМАХЕРЪ.

Дѣйствительно.... удивительно!

ЯГУЖИНСКІЙ.

Да ужъ такъ удивительно, что я слышу и не вѣрю.... вижу и ужасаюсь.

ШУМАХЕРЪ.

Удивительно!

ЯГУЖИНСКІЙ.

Дѣлать нечего... садитесь, сударь...

ШУМАХЕРЪ, (*раскланиваясь*).

Ничего-съ, я постою.

ЯГУЖИНСКІЙ.

Говорятъ вамъ, садитесь.

ШУМАХЕРЪ.

Помилуйте! вы старшій... я младшій.

ЯГУЖИНСКІЙ.

Неужели-же вы думаете, что я усаживаю васъ изъ учтивости? я того и смотрю, что вы просто съ ногъ свалитесь, г. младшій (*это подкашиваетъ ноги Шумахеру и онъ невольно садится*).

ШУМАХЕРЪ, (*про себя*).

Онъ догадался!

ЯГУЖИНСКІЙ, (*ходя взадъ и впередъ*).

Скажите, скажите откровенно.... какого вы мнѣнія о Таубертѣ?

ШУМАХЕРЪ,

Адскаго! самаго адскаго!

ЯГУЖИНСКІЙ.

Данила Ивановичъ! я могу спасти васъ.

ШУМАХЕРЪ.

Невозможно.

ЯГУЖИНСКІЙ.

Не мѣшайте только вашей свояченицѣ выбрать жениха по сердцу и отступитесь отъ Тауберта.

ШУМАХЕРЪ.

На вѣки вѣковъ!

ЯГУЖИНСКІЙ.

Уломайте Фельтена, уладьте свадьбу и чего бъ ни стоило.... я молчу и все кончено.

ШУМАХЕРЪ.

Въ этомъ случаѣ.... (*усиливаясь встать*) я бѣгу.... (*не можетъ, и опять садится*), при первой возможности.

ЯГУЖИНСКІЙ.

Случившееся здѣсь есть просто шалость. Эй! люди! (*показывая на бутылки.*) прибрать эту дрянь; не впускать ни кого посторонняго пока... Данила Иваноничъ не облегчится отъ своего припадка.

ШУМАХЕРЪ (*про себя*).

То есть.... пока Данила Ивановичъ не проспится!

ЯГУЖИНСКІЙ.

Я вполнѣ знаю и цѣню ваши достоинства. Случайное дурачество не можетъ, не должно повредить вамъ. И такъ, прощайте, помните условіе, я на все готовъ для васъ и для Софьи Ивановны.

(*Уходитъ*).

—

X.

ШУМАХЕРЪ, ПОТОМЪ ПРИКАЗНЫЙ.

ШУМАХЕРЪ.

И все Софья Ивановна, и все для Софьи Ивановны, и всѣ за Софью Ивановну! нѣтъ, слуга покорный, Софья Ивановна!

ПРИКАЗНЫЙ.

Все готово, все готово мой высокопочтеннѣйшій и высокоученѣйшій благодѣтель.

ШУМАХЕРЪ.

Что готово? кто ты таковъ? и за чѣмъ тебя пустили?

ПРИКАЗНЫЙ.

Виноватъ! я принялъ васъ за г. Тауберта, по приказу котораго приготовилъ рядную для его бракосочетанія.

ШУМАХЕРЪ.

Рядную? какая тутъ рядная, тутъ нѣтъ рядной; скорѣй разводная, разводная, слышишъ ли, разводная: можешъ ли ты написать разводную?

ПРИКАЗНЫЙ.

Все, что заблагоразсудите, имѣлись бы только документы.

ШУМАХЕРЪ.

Документы? какіе еще документы, когда жена, по тихоньку отъ мужа, ѣздитъ къ мужчинамъ.

ПРИКАЗНЫЙ.

Этаго мало.

ШУМАХЕРЪ.

Этаго мало! ахъ ты разбойникъ, прибавь, что она получаетъ любовныя записки.

ПРИКАЗНЫЙ.

Этаго недостаточно.

ШУМАХЕРЪ.

Недостаточно?

ПРИКАЗНЫЙ.

Желательно, чтобъ она сама пустилась въ любовную переписку.

ШУМАХЕРЪ.

Ахъ ты мошенникъ! на гоубтвахту, на гоубтвахту къ своему Тауберту!

ПРИКАЗНЫЙ, (*уходя*).

Онъ сильно, сильно накатавшись мнѣ кажется.

—

XI.

ШУМАХЕРЪ, *слуга* ИВАНЪ.

ШУМАХЕРЪ.

Иванъ, Иванъ! (*входитъ слуга*).

ИВАНЪ.

Что прикажите?

ШУМАХЕРЪ.

Иванъ, ты извѣстный пьяница.

ИВАНЪ.

Виноватъ, Данила Ивановичъ.

ШУМАХЕРЪ.

Скажи.... что ты дѣлаешь... когда напьешся мертвецки?

ИВАНЪ.

Просто.... ложись спать, Данила Ивановичъ.

ШУМАХЕРЪ.

Спать! когда нужно бѣжать.... бѣжать сію же минуту.

ИВАНЪ.

Въ такомъ разѣ.... я бы окатился холодною водою.

ШУМАХЕРЪ.

Холодною водою? дай руку.... что ты вытаращилъ глаза, пьяница!... это ничего.... ты слыхалъ... это припадокъ, пройдетъ ....лей, обливай, окачивай, чтобъ освѣжиться, чтобъ захлебнуться, чтобъ утопиться, если можно.

ДѢЙСТВІЕ ТРЕТІЕ.

Театръ представляетъ большую комнату въ квартирѣ Фельтена съ роскошно накрытымъ столомъ.

—

I.

ФЕЛЬТЕНЪ СЪ КУХМЕЙСТЕРОМЪ И ОФИЦІАНТОМЪ.

ФЕЛЬТЕНЪ.

Славно, славно! свѣжо, вкусно, объяденье да и только. Спасибо, спасибо г. кухмейстеръ.

КУХМЕЙСТЕРЪ.

Толи бъ еще было, если бъ частные заказы не отбивали отъ дѣла г. оберъ-кухмейстеръ.

ФЕЛЬТЕНЪ.

Пустое, пустое, если мы работаемъ на людей, то разумѣется.... не для денегъ.

КУХМЕЙСТЕРЪ.

А для чего жъ, Иванъ Крестьяновичъ!

ФЕЛЬТЕНЪ.

А для того, именно для того, чтобъ прославить нашу кухню.

КУХМЕЙСТЕРЪ.

Да какая жъ намъ отъ этаго польза?

ФЕЛЬТЕНЪ.

Какая польза? а честь и слава?

КУХМЕЙСТЕРЪ.

Честь и слава? то есть.... намъ трудъ, а вамъ деньги, не такъ ли, Иванъ Крестьяновичъ.

ФЕЛЬТЕНЪ.

Ну полно жъ, полно жъ раздобаривать, Кондратьичъ. Приступимъ-ка лучше къ дѣлу, подавай реэстръ сегоднишнимъ кушаньямъ! (*кухмейстеръ подаетъ реэстръ, Фельтенъ читаетъ*) во-первыхъ, кулебяка, штука истинно національная!

Говорятъ, французскій столъ
Объяденье!... просто враки!
Что ихъ геній произвелъ
Лучше русской кулебяки?
Это чудо изъ чудесъ,
Это въ лицахъ небылица,
Это злобный геркулесъ,
Баснословная жаръ-птица,
Это знамя поваровъ,
Это дьяволъ, Мефистофель....
И отъ русскихъ пироговъ
Не потянетъ на кортофель.

Что-жъ далѣе? щи, — смотри жъ, чтобъ не перепрѣли; студень, — смотри жъ, чтобъ неразвалился; за ними поросенокъ подъ сметаною.... Вотъ это главное блюдо въ сегоднишнемъ обѣдѣ! Этотъ поросенокъ и сметана суть плоды перваго моего Іоганисбергскаго хозяйства. Они привезены изъ новопожалованной деревни моему сыну, царскому крестнику. Этотъ поросенокъ собственноручно мною откормленъ, онъ мой воспитанникъ, ко-

торымъ я расхвастался и если это блюдо не удастся, — стыдъ и поношеніе г. кухмейстеръ.

КУХМЕЙСТЕРЪ.

Будьте спокойны, будьте благонадежны Иванъ Крестьяновичъ.

ФЕЛЬТЕНЪ.

Ради Бога, ради самаго Бога, любезнѣйшій (*продолжаетъ читать*) далѣе: холодное жареное съ огурцами и солеными лимонами, потомъ сыръ и масло и наконецъ желе. Конечно, желе.... это бъ еще недиковинка, но желе съ иллюминаціей, этаго еще никогда не бывало. Да, да, это моя собственная, великая, геніальная идея! Дѣло въ томъ, что въ пустую середину формы мы вклѣимъ зажженные восковые огарки и я ручаюсь, что свѣтъ огня сквозь транспорантное желе произведетъ такой эфектъ, какихъ не производило ни одно пирожное.

КУХМЕЙСТЕРЪ.

Ужъ нечего сказать: затѣйливо, истинно оберъ-кухмейстерская штука!

ФЕЛЬТЕНЪ.

То то и есть; такія вещи даются не всякому, Кондратьичъ. Постой, мы еще перемолвимъ словечко (*удерживая кухмейстера*): Дай отпустить только вотъ этаго. Ну, г. старшій офиціантъ, подавай реэстръ напиткамъ (*читаетъ*) водка Анисовая, водка горькая, эрмитажъ и венгерское. (*отдавая реэстръ*) хорошо, смотри жъ, хоть это и неновое, а все-таки повторить не мѣшаетъ, лишь

подадите вино или кушанье, то сами съ глазъ долой сію же минуту. Высокіе посѣтители не любятъ видѣть за столомъ лишней прислуги. По ихъ мнѣнію, лакеи смотрятъ каждому въ ротъ, подслушиваютъ, что говорятъ, понимаютъ криво и послѣ также криво пересказываютъ.

ОФИЦІАНТЪ.

Слушаю, слушаю, Иванъ Крестьяновичъ.

ФЕЛЬТЕНЪ.

Маршъ! смотри жъ, подавать ловко и проворно. (*официантъ уходитъ*).

—

II.

ТѢЖЕ, ПОВАРЪ, (*вбѣгая*).

ПОВАРЪ, (*Фельтену*).

Иванъ Крестьяновичь! спрашиваютъ, нѣтъ ли продажнаго поросенка?

ФЕЛЬТЕНЪ.

Что такое, что такое?

КУХМЕЙСТЕРЪ.

Спрашиваютъ поросенка.

ПОВАРЪ.

Даютъ цѣлковый, Иванъ Крестьяновичъ.

ФЕЛЬТЕНЪ.

Цѣлковый, цѣлковый за поросенка! да это цѣна не слыханная, Кондратьичъ?

КУХМЕЙСТЕРЪ.

Видно имянины или свадьба, а ужъ тутъ-сами знаете, безъ поросенка не обойдется.

ФЕЛЬТЕНЪ.

А развѣ у насъ нѣтъ лишняго?

КУХМЕЙСТЕРЪ.

Изъ деревни привезли всего двухъ: одинъ пошелъ къ Данилу Ивановичу, а другой къ царскому обѣду.

ФЕЛЬТЕНЪ.

Ну что-жъ... нѣтъ такъ нѣтъ... хоть жаль, даже чрезвычайно жаль, а дѣлать нечего... такъ и скажи, нѣтъ поросенка и кончено. (*Поваръ уходитъ, Фельтенъ продолжаетъ*). Въ моемъ помѣстье я непремѣнно... разведу цѣлое стадо поросятъ, Кондратьичъ.

КУХМЕЙСТЕРЪ.

И хорошо сдѣлаете; по числу охотниковъ ихъ мало даже и въ Питерѣ.

ПОВАРЪ, (*вбѣгая*).

Иванъ Крестьяновичъ! два цѣлковыхъ, два цѣлковыхъ за поросенка.

ФЕЛЬТЕНЪ.

Два цѣлковыхъ! это сумасшествіе! послушай, послушай Патапычъ: скажи, что къ завтрему мы непремѣнно приготовимъ ему поросенка.

ПОВАРЪ.

Ужъ я вызывался, да нѣтъ, кстати ли... подай сейчасъ... мало ли что, говоритъ онъ... завтра не дадимъ и цѣлковаго.

ФЕЛЬТЕНЪ, (*съ досадой*).

Но сегодня намъ самимъ безъ поросенка обойтись невозможно... слышишь ли, невозможно, невозможно. Съ глазъ долой и ни слова о поросенкѣ.

(*Кухмейстеръ и поваръ уходятъ*).

—

VI.

ТѢЖЕ, Г. ДРЕВНИКЪ.

ДРЕВНИКЪ.

Я къ вамъ отъ государя, Иванъ Крестьяновичъ.

ФЕЛЬТЕНЪ.

Отъ государя! ко мнѣ... возможно ли? какъ, что, зачѣмъ, почему, говорите, приказывайте, мой почтеннѣйшій.

ДРЕВНИКЪ.

Государь приказалъ сказать вамъ, что онъ сего дня не будетъ у васъ кушать.

ФЕЛЬТЕНЪ.

Не будетъ кушать!

ДРЕВНИКЪ.

Это нисколько однако-жъ не помѣшаетъ обѣду; всѣ приглашенныя съѣдутся въ свое время.

ФЕЛЬТЕНЪ.

Доложите, почтеннѣйшій....

ПОВАРЪ, (*вбѣгая*).

Иванъ Крестьяновичъ! Иванъ Крестьяновичъ! З

цѣлковыхъ! (*увидя Древника, досказываетъ на ухо*) 3 цѣлковыхъ за поросенка!

ФЕЛЬТЕНЪ, (*необорачиваясь, схватываетъ повара за галстухъ и въ такомъ положеніи продолжаетъ разговаривать съ посланнымъ*).

Да, доложите, что я крайне, душевно соболѣзную. Стало быть, приглашенныя особы могутъ обѣдать, не ожидая его величества?

ДРЕВНИКЪ.

Разумѣется. Я бы желалъ однако-жъ засвидѣтельствовать мое почтенье Софьѣ Ивановнѣ, которая у васъ, и надѣюсь, вы мнѣ позволите?

ФЕЛЬТЕНЪ.

Сдѣлайте милость, сдѣлайте ласку... она тамъ... вонъ тамъ... прошу войти, прошу пожаловать...

ДРЕВНИКЪ, (*уходя*).

Много благодаренъ!

—

VII.

ФЕЛЬТЕНЪ, ПОВАРЪ.

ПОВАРЪ, (*вырываясь изъ рукъ Фельтена*).

Да пустите же, задушили, совсѣмъ задушили Иванъ Крестьяновичъ.

ФЕЛЬТЕНЪ.

Что ты сказалъ, что ты сказалъ, Потапычъ?

ПОВАРЪ, (*оправляясь*).

Ужъ дайте сперва перевести духъ, Иванъ Крестьяновичъ.

ФЕЛЬТЕНЪ.

Что ты сказалъ, что ты сказалъ, Потапычъ?

ПОВАРЪ.

Сказалъ, что за поросенка даютъ 3 цѣлковыхъ.

ФЕЛЬТЕНЪ.

Не вѣрю, не вѣрю, повтори, повтори еще дьяволъ соблазнитель!

ПОВАРЪ.

3 цѣлковыхъ! слышите ли, 3 цѣлковыхъ.

ФЕЛЬТЕНЪ.

3 Цѣлковыхъ! это превосходитъ всякое безкорыстіе. Слушай, Потапычъ, государь у меня не кушаетъ.

ПОВАРЪ.

Не кушаетъ?

ФЕЛЬТЕНЪ.

Обѣдай онъ,—о! это дѣло другое, но безъ него.... однимъ блюдомъ больше или меньше... мнѣ кажется ничего не значитъ, какъ ты думаешъ?

ПОВАРЪ.

Я думаю только то, что у насъ безъ поросенка не бывало ни одного обѣда.

ФЕЛЬТЕНЪ.

Конечно не бывало, но мало ли что случается.

ПОВАРЪ.

Куда жъ, скажутъ, дѣлся вашъ воспитанникъ!

ФЕЛЬТЕНЪ.

Мой воспитанникъ?

ПОВАРЪ.

Вѣдь не сказать же, что его продали за 3 цѣлковыхъ.

ФЕЛЬТЕНЪ, (*зажимая ротъ Потапычу*).

Ни слова, ни полслова, ни четверть слова. Этому дѣлу надобно дать оборотъ совсѣмъ особенный. Слушай, Потапычъ: ты человѣкъ скромный и ловкій; хочешь ли заработать полтинникъ?

ПОВАРЪ.

Кто-жъ себѣ врагъ, всѣ мы люди, Иванъ Крестьяновичъ.

ФЕЛЬТЕНЪ.

И такъ, по боку, по боку поросенка и кончено, Потапычъ. Скажи на кухнѣ, что государь у насъ не кушаетъ, что поросенокъ уступленъ, одной знатной особѣ и, если кто пикнетъ объ этомъ хоть одно слово, тотъ не найдетъ у меня мѣста и въ Сибири, на послѣдней чертѣ государства, слышишь ли Потапычь?

ПОВАРЪ.

Все будетъ исполнено, это не трудно.

ФЕЛЬТЕНЪ.

Но вотъ что самое трудное. Когда придетъ время подавать поросенка, ты вбѣги въ столовую какъ сумасшедшій, плачь, рыдай, если можешъ; бросься на колѣна и кричи, кричи во-все горло: «виноватъ, несчастье, несчастье! собака утащила поросенка, Иванъ Крестьяновичъ!»

ПОВАРЪ.

Сабака утащила поросенка?

ФЕЛЬТЕНЪ.

Да, собака утащила поросенка! я вцѣплюсь въ тебя... можетъ быть, ударю...

ПОВАРЪ.

Вотъ это напрасно, Иванъ Крестьяновичъ.

ФЕЛЬТЕНЪ.

Это ничего не значитъ...

ПОВАРЪ.

Конечно, если не больно.

ФЕЛЬТЕНЪ.

Разумѣется; разбраню, настращаю, выгоню и дѣло кончено, скажи жъ откровенно, можешь ли ты съиграть эту коммедiю?

ПОВАРЪ.

Комедiантъ-то я плохой,
Но, впрочемъ, кто жъ себѣ злодѣемъ...
И за полтинникъ роковой
Мы отштукаримъ какъ съумѣемъ.

ФЕЛЬТЕНЪ.

Смотри-жъ! все кстати, все впопадъ,
Неструсь!

ПОВАРЪ.

Ну вотъ нашли ребенка!

ФЕЛЬТЕНЪ.

Рыдай, терзайся....

ПОВАРЪ, (*для пробы, падая на колѣна*).

Виноватъ!
Собака съѣла поросенка!

ФЕЛЬТЕНЪ.

Чудесно! чуръ не выдавать....

ПОВАРЪ.

Спасу отца и командира!

ФЕЛЬТЕНЪ.

Каковъ актеръ? Ахъ! дай обнять
Мнѣ русскаго полу-Шекспира!

ПОВАРЪ.

Благодарю, Иванъ Крестьяновичъ.

ФЕЛЬТЕНЪ.

Одобреніе всегда развиваетъ дарованіе, Потапычъ; благослови жъ тебя Господи! ступай, бѣги и дѣлай, что приказано.

ПОВАРЪ.

Буду стараться! буду стараться изо всѣхъ силъ, Иванъ Крестьяновичъ.

(*Поваръ уходитъ*).

XIII.

ФЕЛЬТЕНЪ, *потомъ* ШУМАХЕРЪ.

ФЕЛЬТЕНЪ.

Нечего сказать! тонко, хитро, мастерски придумано... съ другой стороны... выходитъ нѣсколько иначе, то есть, не совсѣмъ ловко и даже, нѣкоторымъ образомъ, непростительно. Странное дѣло!... схитри... сдѣлай что нибудь подобное... и невольно начинаешъ тревожиться, какъ будто самъ

не свой... какъ будто теряешся, какъ будто совсѣмъ потерялся.

ШУМАХЕРЪ, (*входя разстроеннымъ*).

Иванъ Крестьяновичъ!

ФЕЛЬТЕНЪ, (*про себя*).

Боже мой! Данила Ивановичъ! взглянуть не смѣю... и вотъ что значитъ упрекъ совѣсти.

ШУМАХЕРЪ, (*про себя*).

Языкъ не шевелится! и вотъ что значитъ развратное поведеніе.

ФЕЛЬТЕНЪ, (*оправляясь*).

Что... скажите... любезнѣйшій... почтеннѣйшій затюшка?

ШУМАХЕРЪ.

Я пришелъ спасти васъ.

ФЕЛЬТЕНЪ.

Меня?

ШУМАХЕРЪ.

Спасти отъ гнуснаго животнаго.

ФЕЛЬТЕНЪ, (*про себя*).

Неужели отъ поросенка?

ШУМАХЕРЪ.

Да, да, Иванъ Крестьяновичъ, отъ самаго гнуснаго животнаго.

ФЕЛЬТЕНЪ, (*про себя*).

Отъ поросенка, безъ всякаго сомнѣнія.

ШУМАХЕРЪ.

Я говорю о Таубертѣ...

ФЕЛЬТЕНЪ.

О Таубертѣ?

ШУМАХЕРЪ.

Да, сударь, знайте, что этотъ Таубертъ, котораго вы считали другомъ, чуть-чуть не зятемъ, этотъ Таубертъ ни что иное, какъ обманщикъ, лицемѣръ и предатель.

ФЕЛЬТЕНЪ.

Опомнитесь, Данила Ивановичъ.

ШУМАХЕРЪ.

Знайте: онъ сидитъ на гоубвахтѣ!

ФЕЛЬТЕНЪ.

Таубертъ, Федоръ Федоровичъ Таубертъ на гоубвахтѣ? Быть не можетъ, за что, почему, кто могъ, кто смѣлъ засадить его на гоубвахту?

ШУМАХЕРЪ.

Спросите у Ягужинскаго.

ФЕЛЬТЕНЪ.

У Ягужинскаго.... вѣчно Ягужинскій! Вотъ человѣкъ.... человѣкъ, котораго не терпитъ моя натура: берегитесь, берегитесь его Данила Ивановичъ.

ШУМАХЕРЪ, (*иронически*).

Вы думаете?

ФЕЛЬТЕНЪ.

Онъ доѣдитъ, доѣдитъ и васъ, Данила Ивановичъ.

ШУМАХЕРЪ.

Доѣдитъ? (*про себя*) если недоѣхалъ. (*вслухъ*) Вы правы, вы правы, Иванъ Крестьяновичъ: я предвидѣлъ и вижу... по разнымъ сближеніямъ, что мнѣ должно удалиться и оставить службу.

ФЕЛЬТЕНЪ.

О! ужъ это слишкомъ много, почтеннѣйшій затюшка.

ШУМАХЕРЪ.

И что мнѣ служба? выйду въ отставку, уѣду въ Стразбургъ, буду спокоенъ, свободенъ, повѣрьте: наука и литтература меня также хорошо прокормятъ.

ФЕЛЬТЕНЪ.

Не думаю, не думаю, почтеннѣйшій.

ШУМАХЕРЪ.

Что шагъ, то интриги и неудовольствія!

ФЕЛЬТЕНЪ.

Но гдѣ-жъ безъ нихъ... гдѣ-жъ безъ нихъ, Данила Ивановичъ.

ПОВАРЪ, (*вбѣгая*).

Иванъ Крестьяновичъ.... (*увидя Шумахера, договариваетъ на ухо*): Иванъ Крестьяновичъ! деньги за поросенка.

ФЕЛЬТЕНЪ, (*беретъ деньги, продолжая говорить съ Шумахеромъ*).

Да, такова служба... любезный затюшка... какъ быть...

ПОВАРЪ, (*на ухо*).

А обѣщанный полтинникъ, Иванъ Крестьяновичъ.

ФЕЛЬТЕНЪ, (*продолжая говорить съ Шумахеромъ*).

Да, такова служба... какъ быть.... (*кладя деньги

въ карманъ) всякая имѣетъ свои пріятности.... (*отдавая полтинникъ*) и свои непріятности!

ШУМАХЕРЪ.

Я встрѣчаю только однѣ послѣднія.

ПОВАРЪ.

Для желе нужны восковыя огарки, Иванъ Крестьяновичъ.

ФЕЛЬТЕНЪ.

Чортъ возьми! сейчасъ, сейчасъ; вы видите, какъ меня тормошатъ эти злодѣи, Данила Ивановичъ, того и жду, что съѣдутся гости, надо взглянуть, приказать то, другое, пятое, десятое, словомъ, нѣтъ минуты свободной; прощайте, мы въ другой разъ потолкуемъ о Таубертѣ.

ШУМАХЕРЪ, (*удерживая Фельтена*).

Нѣтъ, вы должны сейчасъ, сейчасъ отказать ему, Иванъ Крестьяновичъ.

ФЕЛЬТЕНЪ.

Отказать Тауберту?... когда я далъ ему мое слово.... это не такъ легко, Данила Ивановичъ.... особенно по какимъ нибудь пустымъ слухамъ, пустымъ подозрѣніямъ.... женскимъ капризамъ, потому что не угодно Софьѣ Ивановнѣ; стыдитесь стыдитесь вѣчно плясать по жениной дудкѣ Данила Ивановичъ! (*Уходитъ.*)

—

IV.

ШУМАХЕРЪ, *потомъ* **СЛУГА** *съ письмомъ.*

ШУМАХЕРЪ.

По жениной дудкѣ! нѣтъ, чортъ возьми! это не дудки.... скорѣй палки, гоубвахта и тому подобное! Что мнѣ дѣлать? брошусь къ Ягужинскому и упрошу, чтобъ обождалъ и взялъ терпѣнье....

СЛУГА.

Письмо къ Софьѣ Ивановнѣ.

ШУМАХЕРЪ.

Что мнѣ за дѣло.

СЛУГА.

Отъ Павла Ивановича Ягужинскаго.

ШУМАХЕРЪ, (*вырывая письмо.*)

Отъ Ягужинскаго! ступай! (*слуга уходитъ*). Этаго не доставало! Она въ перепискѣ; все открыто и вотъ улика ея невѣрности.... прочтемъ, увидимъ, увѣримся въ моемъ несчастіи. (*Читаетъ.*)

«Хлопоты наши идутъ не дурно. Шутъ Таубертъ на гоубвахтѣ, вашъ любезный ревнивецъ на нашей сторонѣ; г. Фельтенъ попался въ западню, изъ которой не выпутается. Я не сомнѣваюсь въ успѣхѣ. Онъ тѣмъ пріятнѣе, что принесетъ двойную пользу; онъ отучитъ Тауберта влюбляться не впопадъ, мужа вашего ревновать напрасно ту, которая его такъ любитъ и батюшку вашего — позволять себѣ много лишняго. Ручаюсь, что сестрица ваша сегодня же будетъ объявлена невѣ-

стою. Кстати, говоря о свадьбѣ.... поздравьте и меня: государь и мнѣ отыскалъ невѣсту: я женюсь на графинѣ Аннѣ Гавриловнѣ Головкиной.»

Боже мой! вѣрить ли глазамъ? что-жъ это значитъ? Таубертъ влюбился не впопадъ, я ревновалъ напрасно, она меня любитъ, онъ женится! Безумецъ, безумецъ, ты недостоинъ своего счастья! Гдѣ жъ она, гдѣ жъ она, чтобъ броситься къ ея ногамъ и выпросить прощенье! (*уходитъ въ боковыя двери*).

—

V.

САКСОНСКІЙ ПОСЛАННИКЪ, БАРОНЪ ЧЕРКАСОВЪ, ЕЛАГИНЪ, *провожаемые* ФЕЛЬТЕНОМЪ.

ПОСЛАННИКЪ.

Господа! мы съѣхались немножко рано.

ЕЛАГИНЪ.

Кто жъ зналъ, что государь не изволитъ съ нами обѣдать.

БАРОНЪ ЧЕРКАСОВЪ.

Не ѣхать же назадъ.... присядемте да побесѣдуемъ, дѣлать нечего.

ФЕЛЬТЕНЪ, (*смотря на часы*).

Теперь половина перваго и гг. приглашенные вѣрно не замедлятъ явиться.

ПОСЛАННИКЪ.

Смотрите жъ, г. оберъ-кухмейстеръ, чтобъ безъ государя намъ не проголодаться.

ФЕЛЬТЕНЪ.

Помилуйте! какая мысль ваше сіятельство.... будетъ все тоже, какъ заведено единожды, даже, можетъ быть, явится блюдо новой препораціи. Словомъ, блюдо блистательное.

ПОСЛАННИКЪ.

Разумѣется, обѣдъ
Знаменитъ на царской кухнѣ,
Да Царя-то съ нами нѣтъ,
Такъ чего нибудь не бухни.
Наглядѣлся, братецъ, я
Каковы метры-д-отели...
Кто безъ рукъ сталъ отъ огня,
А вы руки понагрѣли.

ФЕЛЬТЕНЪ.

Помилуйте! совершенно несправедливо. (*Фельтенъ, раскланиваясь, уходитъ*).

ЧЕРКАСОВЪ.

Да полноте жъ нападать на него, г. посланникъ.

ПОСЛАННИКЪ.

И то правда.

—

VI.

ТѢЖЕ, *кромѣ* ФЕЛЬТЕНА.

ЕЛАГИНЪ.

Кстати скажите-ка подъ рукою г. посланникъ, правда ли, что вась вчера съ государемъ сильно потрепало подъ Кронштатомъ?

ПОСЛАННИКЪ.

Спросите лучше, правда ли, что мы чуть не потонули.

ЧЕРКАСОВЪ.

И, полноте! слыхано ли, чтобъ русскій царь утонулъ, г. посланникъ.

ПОСЛАННИКЪ.

Положимъ, что не слыхано, но увѣряю васъ, что этого едва не случилось. Вчера Его Величество пригласилъ меня и другихъ иностранныхъ министровъ ѣхать съ нимъ прогуляться изъ Петербурга въ Кронштатъ. Вотъ мы и отправились на голландскомъ буйерѣ, которымъ правилъ самъ Государь.

ЕЛАГИНЪ.

Хорошо, хорошо.

ПОСЛАННИКЪ.

Погодите, погодите, выйдетъ не очень хорошо, какъ услышите далѣе. Подъ Кронштатомъ поднялась ужасная буря, къ бурѣ присоединилась гроза, волны подымались выше борта и ежеминутно угрожали намъ неминуемой гибелью. Признаюсь, кромѣ Государя и его матросовъ, мы всѣ смертельно перетрусились. Вотъ мы просить, убѣждать его, чтобъ онъ присталъ по крайней мѣрѣ къ Петергофу, который былъ недалеко. «Не бойтесь, не бойтесь!» отвѣчалъ Государь и продолжалъ свое дѣло. Въ страхѣ, я совсѣмъ потерялся; ради Бога, ради Бога! сказалъ я: прошу Ваше Величество приставать къ берегу! вспомните, что я не за тѣмъ присланъ въ Россію, чтобъ утонуть безъ вся-

кой пользы. Если я утону, что не подлежитъ никакому сомнѣнію, то за меня вы должны будете отвѣчать моему государю. «Пустое, пустое,—возразилъ императоръ, смѣючись: «если утонемъ, такъ утонемъ вмѣстѣ, г. посланникъ, и тогда ни жаловаться, ни отвѣчать будетъ не кому.

ЧЕРКАСОВЪ И ЕЛАГИНЪ, (*смѣючись*).

Ну такъ, это въ его духѣ, совершенно въ его духѣ.

ПОСЛАННИКЪ.

Да, да, за этотъ духъ — я чуть было духомъ не испустилъ своего духа.

—

VII.

ТѢЖЕ, БРЮСЪ, ТАТИЩЕВЪ, *провожаемые* **ФЕЛЬТЕНОМЪ.**

БРЮСЪ.

Жаль, очень жаль, а дѣлать нечего.... А! г. посланникъ.... (*Черкасову*) Иванъ Антонычъ! (*Елагину*) Игнатій Ѳедоровичъ, почтенный нашъ кораблестроитель какъ поживать изволитъ?

ПОСЛАННИКЪ!

Имѣю честь кланяться.

ЧЕРКАСОВЪ И ЕЛАГИНЪ.

Мое почтенье, мое почтенье, графъ Яковъ Вилимовичъ. (*Татищеву*) Здраствуйте Василій Никитичъ.

ТАТИЩЕВЪ.

Здорово, здорово почтеннѣйшіе.

БРЮСЪ.

Ну, господа, радуйтесь! скажу вамъ славную новость.

ЧЕРКАСОВЪ.

Ужъ не конченъ ли Брюсовъ календарь ваше сіятельство?

БРЮСЪ.

Нѣтъ, лучше того, гораздо лучше, знайте господа, что Василій Никитичъ принимается писать Русскую исторію.

ЕЛАГИНЪ.

Славное дѣло!

ЧЕРКАСОВЪ.

Ай да Василій Никитичъ! честь и слава!

ТАТИЩЕВЪ.

Подождемъ.... посмотримъ сперва, какъ пойдетъ, что выйдетъ, конецъ дѣлу вѣнецъ, говоритъ пословица.

ПОСЛАННИКЪ.

Но все-таки предпріятіе труда великаго....

БРЮСЪ, (*перебивая*).

Нужнаго не только для насъ, но для всего ученаго міра, достойно доброй памяти, похвалы и уваженія, Василій Никитичъ.

—

VIII.

ТѢЖЕ, ЯГУЖИНСКІЙ.

ЯГУЖИНСКІЙ.

Виноватъ, виноватъ, если опоздалъ, дорогіе собесѣдники.

ПОСЛАННИКЪ И ДРУГІЕ.

Нисколько, нисколько.

ЯГУЖИНСКІЙ.

Тѣмъ лучше; (*смотря на часы*) ровно часъ и стало быть время обѣда.

БРЮСЪ, (*Фельтену*).

Зачѣмъ же дѣло стало, г. хозяинъ.

ФЕЛЬТЕНЪ.

Я полагаю, ваше сіятельство, что не всѣ еще съѣхались.

ЧЕРКАСОВЪ.

Кто жъ виноватъ?

ТАТИЩЕВЪ.

Семеро одного не ждутъ.

ЕЛАГИНЪ.

Водки, водки, г. Фельтенъ! (*Фельтенъ подаетъ знакъ людямъ*).

БРЮСЪ.

Обѣдать, скорѣй обѣдать.

ФЕЛЬТЕНЪ, (*подчуя каждаго*).

Водка сладкая и горькая, водка и закуска.

(*Между тѣмъ гости садятся, а слуги подаютъ кушанья.*)

ЯГУЖИНСКІЙ.

Жаль, очень жаль, господа, что сегоднишній обѣдъ не ознаменуется ничѣмъ общеполезнымъ. Нѣтъ.... головы, а безъ нее ничего не придумаешь.

ЕЛАГИНЪ.

Такъ на свободѣ мы покутимъ по крайней мѣрѣ, Иванъ Крестьяновичъ.

ФЕЛЬТЕНЪ.

Готовъ... съ величайшею готовностію.....

ПОСЛАННИКЪ.

Ужъ эти мнѣ столы и обѣды! того и смотри, что прямо подъ столъ.

ЯГУЖИНСКІЙ.

Да что-жъ прикажите!

Согласитеся, что столъ
Между мебелью домашней
Всю другую превзошолъ.
Какъ товарищъ нашъ всегдашній.
Утромъ, съ горемъ пополамъ,
Столъ очистишь *кабинетный*,
Тутъ *къ присутственнымъ столамъ*
И отъ нихъ *за столъ банкетный;*
Тутъ за карты — *столъ опять;*
Смотришь... къ ужину готово,
Да и какъ же отказать
Не набить желудка снова?
Господа! безъ дальнихъ словъ,
Не къ добру мы колобродимъ,
И у варварскихъ столовъ
Цѣлый вѣкъ почти проводимъ.
Въ заключенье — я нашолъ.

Что обычай самый следный:
Класть покойниковъ на столъ,
Есть обычай преполезный.
Ставя жертву намъ на видъ
И паденья неизбѣжность,
Онъ какъ будто говоритъ:
«Вотъ что значитъ невоздержность!
Вотъ вамъ: весело пожить!
Продолжайте!.. отъ чего-же....
Стоитъ ловко угостить —
И со всякимъ будетъ тоже.»

БРЮСЪ.

Ну полно же проповѣдывать, ужъ вѣрно г-нъ оберъ-кухмейстеръ поподчуетъ насъ сегодня чѣмъ нибудь.... іоганнисберскимъ.

ФЕЛЬТЕНЪ.

Мое хозяйство.... еще такъ ново, ваше сіятельство.

ЯГУЖИНСКІЙ.

Вотъ хорошо! а обѣщанный поросенокъ?

ФЕЛЬТЕНЪ, (*про себя*).

Поросенокъ!

ТАТИЩЕВЪ.

Да, я слышалъ, отличный поросенокъ.

ЯГУЖИНСКІЙ.

Собственноручно откормленный Иваномъ Крестьяновичемъ.

ФЕЛЬТЕНЪ.

Такъ точно, такъ точно.

ЕЛАГИНЪ.

Чего жъ лучше, славное блюдо!

(*Слуги перемѣняютъ тарелки и подаютъ другое кушанье*).

ГОСТИ, (*одинъ за другимъ*)

Я не хочу, не надо.... подавай поросенка, іоганнисберскаго поросенка!

ФЕЛЬТЕНЪ, (*про себя*).

Такъ и дрожу, чтобъ мой Потапычъ не спакостилъ!

(*Тутъ за кулисами начинается шумъ и вбѣгаетъ дебютантъ кухмейстеръ*).

—

XI.

ТѢЖЕ, ПОВАРЪ.

ПОВАРЪ, (*бросаясь въ ноги Фельтену*).

Виноватъ! несчастье! несчастье, Иванъ Крестьяновичъ! собака, собака утащила поросенка!

ГОСТИ, (*вскакивая*).

Собака утащила поросенка!

ФЕЛЬТЕНЪ, (*бросаясь на Потапыча*).

Что я слышу! говори, говори, несчастный. (*тихо*) Славно! славно, продолжай Потапычъ.

ПОВАРЪ, (*во все горло*).

Собака утащила поросенка!

ЧЕРКАСОВЪ.

Ахъ ты разбойникъ!

ФЕЛЬТЕНЪ, (*повторяя*).

Ахъ ты разбойникъ! (*тихо*) плачь, рыдай, если можешъ.

ПОВАРЪ, (*тихо*).

Не могу, никакъ не могу, Иванъ Крестьяновичъ.

ФЕЛЬТЕНЪ, (*тихо*).

Закройся фартукомъ.

ЕЛАГИНЪ.

Въ солдаты тебя, мошенникъ!

ФЕЛЬТЕНЪ, (*не хотя повторяетъ*).

Въ солдаты тебя, мошенникъ...

ПОВАРЪ, (*стараясь вырваться отъ Фельтена*).

Нѣтъ, если такъ, Иванъ Крестьяновичъ...

ФЕЛЬТЕНЪ, (*тихо*).

Не бойся, не бойся, пустыя слова, пустыя слова, Потапычъ.

ЯГУЖИНСКІЙ.

Въ Сибирь его, прямо въ Сибирь!

ТАТИЩЕВЪ.

Повѣсить, и кончено.

ПОВАРЪ, (*стараясь вырваться отъ Фельтена*).

Нѣтъ! воля ваша, ужъ коли пошло на правду....

ФЕЛЬТЕНЪ, (*зажимая ему ротъ*).

Ни слова, или я задушу тебя на мѣстѣ! (*про

себя) онъ погубитъ, погубитъ меня не возвратно. (*вслухъ*) Милостивые государи! пощадите! конечно, оплошность его не простительна... но онъ человѣкъ, человѣкъ семейный; имѣетъ жену, дѣтей, пятерыхъ, шестерыхъ, семерыхъ дѣтей! Я его накажу, выгоню, уничтожу, но небольше, ради Бога, небольше!

ЯГУЖИНСКІЙ.

И въ самомъ дѣлѣ, чортъ съ нимъ, господа! Вонъ его — съ глазъ долой мерзавца. (*Фельтенъ его выталкиваетъ*). Я васъ утѣшу, я живу въ трехъ шагахъ и у меня къ обѣду приготовлено тоже самое блюдо.—Эй! сейчасъ ко мнѣ и мигомъ сюда съ моимъ поросенкомъ.

(*Двое изъ слугъ убѣгаютъ*).

ТАТИЩЕВЪ.

Ай-да Павелъ Ивановичъ! спасибо любезнѣйшій.

ЧЕРКАСОВЪ.

Конечно, спасибо, да гдѣ-жъ тянуться за іоганнисберскимъ поросенкомъ.

ЯГУЖИНСКІЙ.

Не говорите этаго.

БРЮСЪ.

Ну, г. кухмейстеръ, что если-бъ это случилось при Государѣ?

ЯГУЖИНСКІЙ.

При Государѣ этаго бъ вѣрно не случилось.

ФЕЛЬТЕНЪ, (*суетясь*).

Какъ знать.... бываютъ всевозможные случаи,

между тѣмъ, не прикажете ли по рюмочкѣ отличнаго, чудеснаго венгерскаго.

БРЮСЪ.

Ладно, ладно, давай, давай, Иванъ Крестьяновичъ.

ТАТИЩЕВЪ.

Почему жъ не такъ, у насъ всякія веселія въ подпитіи бываютъ, не такъ ли, почтеннѣйшій.

ЯГУЖИНСКІЙ.

Оно и кстати, чтобъ поздравить меня съ невѣстою.

ГОСТИ.

Съ невѣстою!

ЯГУЖИНСКІЙ.

Да, господа поздравьте. Я женюсь на графинѣ Аннѣ Гавриловнѣ Головкиной.

ГОСТИ.

Славно! ура! здоровье жениха и невѣсты!

ЯГУЖИНСКІЙ.

Благодарю, отъ всей души благодарю, мои почтеннѣйшіе.

(Входитъ слуга съ поросенкомъ).

Ай да молодецъ! Господа! прошу взглянуть, прошу отвѣдать, полюбуйтесь, полюбуйтесь, Иванъ Крестьяновичъ.

ФЕЛЬТЕНЪ, (*косо смотря въ лорнетъ*).

Дѣйствительно, славный, отличный поросенокъ....

ЯГУЖИНСКІЙ.

Да, дорогой поросенокъ!

ПОСЛАННИКЪ, (*пробуя*).

И какъ приготовленъ!

ЕЛАГИНЪ.

Что за сметана.

ТАТИЩЕВЪ.

Хоть-бы изъ царской кухни!

БРЮСЪ.

Что ни говори, а эти похвалы и этотъ поросенокъ, куда не по вкусу Ивану Крестьяновичу.

ФЕДЬТЕНЪ, (*принужденно*).

Напротивъ... напротивъ... я очень радъ.

ЯГУЖИНСКІЙ.

Господа! какъ вы думаете, однако-жъ... что я заплатилъ за этаго поросенка?

БРЮСЪ.

Ну что-жъ... поросенокъ не важность — важность въ томъ, какъ приготовленъ.

ЯГУЖИНСКІЙ.

Повѣрите ли, повѣрите ли, что я заплатилъ за него — три цѣлковыхъ!

ФЕДЬТЕНЪ, (*про себя*).

Три цѣлковыхъ! Боже Всемогущій!

ПОСЛАННИКЪ.

Три цѣлковыхъ! да это разбой, дневной разбой!

ЕЛАГИНЪ.

Да кто-жъ этотъ мошенникъ, Павелъ Ивановичъ?

ТАТИЩЕВЪ.

Ахъ онъ взяточникъ!

ФЕЛЬТЕНЪ, (*про себя*).

Съѣдятъ, съѣдятъ за-живо!

ЧЕРКАСОВЪ.

Батожьемъ его, батожьемъ!

ФЕЛЬТЕНЪ, (*про себя*).

Такъ и есть!

ТАТИЩЕВЪ.

Да: «бить не щадно и весьма лишить живота!»

ФЕЛЬТЕНЪ, (*про себя*).

Кончено, совершенно кончено!

ЯГУЖИНСКІЙ.

Нѣтъ, это слишкомъ строго, довольно путемъ поучить, чтобъ впередъ было не повадно.

(*Слуга подаетъ жареное*).

ГОСТЬ.

Сыты, сыты по горло, всторону жареное.

ФЕЛЬТЕНЪ, (*едва держась на ногахъ, подчуетъ виномъ*).

Лучшій эрмитажъ....

МНОГІЕ.

Славное вино, дѣйствительно.

(*Слуга съ транспарантнымъ желе*).

БРЮСЪ.

Ба! это что за иллюминація.

ФЕЛЬТЕНЪ, (*нѣсколько пріободрясь*).

Желе — моей инвенціи.

ГОСТИ.

Ай-да затѣйникъ! ай-да оберъ-кухмейстеръ! прошу, какую выкинулъ штуку.

ПОСЛАННИКЪ.

Желе съ иллюминаціей!

ЯГУЖИНСКІЙ.

Жаль, что не съ фейерверкомъ.

ГОСТИ, (*кушая*).

Чудесно! объяденье да и только.

ТАТИЩЕВЪ, (*про себя*).

Боюсь, чтобъ не проглотить огарка.

ФЕЛЬТЕНЪ.

Очень радъ, на здоровье! на здоровье! (*подчуетъ венгерскимъ, начиная съ Брюса*) последнюю рюмочку, последнюю рюмочку венгерскаго, ваше сіятельство.

БРЮСЪ.

Нельзя отказаться; но дай-ка вынуть кошель, достать червонецъ да расплатиться съ хозяиномъ. (*Выпивая рюмку, кладетъ червонецъ на подносъ, что дѣлаютъ и всѣ другіе, а Фельтенъ раскланивается*).

ЯГУЖИНСКІЙ.

Вотъ и мой червонецъ (*отводя Фельтена всторону*). за обѣдъ я заплатилъ, а ужъ какъ хочешъ, 3 цѣлковыхъ, подай назадъ, Иванъ Крестьяновичъ.

ФЕЛЬТЕНЪ (*тихо*).

Три цѣлковыхъ?

ЯГУЖИНСКІЙ.

Да, три цѣлковыхъ за поросенка, котораго утащила собака.

ФЕЛЬТЕНЪ.

Собака! (*про себя*) такъ и есть, я пропалъ! (*Ягу-

жинскому) Я отдамъ, сію минуту отдамъ, Павелъ Ивановичъ, но ради Бога....

ЯГУЖИНСКІЙ.

Нѣтъ! со мной этимъ не раздѣлаешся.

БРЮСЪ.

Они что-то шепчутся?

ЧЕРКАСОВЪ.

Свое дѣло; а намъ пора во свояси.

ЯГУЖИНСКІЙ.

Слушай, Иванъ Крестьяновичъ! негодяй Таубертъ ищетъ не жены, а приданаго; онъ писалъ любовную записку Софьѣ Ивановнѣ, вызывалъ на поединокъ Шумахера.... кончено, онъ не женихъ для Марьи Ивановны. Она любитъ другаго; вы должны согласиться.

ФЕЛЬТЕНЪ, (*тихо*).

Отказать Тауберту!... я далъ слово, я далъ честное слово, Павелъ Ивановичъ.

ЯГУЖИНСКІЙ.

Безъ согласія дочери! Стыдитесь, Иванъ Крестьяновичъ! Да, да, я вашъ поступокъ распубликую по всему городу. (*вслухъ*). Господа, узнайте славную новость....

ГОСТИ.

Что-жъ эта за новость?

ФЕЛЬТЕНЪ, (*тихо удерживая Ягужинскаго.*)

Пощадите, пощадите, Павелъ Ивановичъ!

ЯГУЖИНСКІЙ.

Такая новость, о которой стоитъ доложить самому Государю.

БРЮСЪ.

Сказывать, такъ сказывай, Павелъ Ивановичъ.

ФЕЛЬТЕНЪ, (*Ягужинскому*).

Не погубите, не погубите! я согласенъ, согласенъ на все на свѣтѣ.

ЯГУЖИНСКІЙ, (*гостямъ*).

Поздравьте Ивана Крестьяновича съ невѣстою.

ГОСТИ.

Онъ женится!

ФЕЛЬТЕНЪ, (*про себя*).

Да, женили! погубили! уничтожили!

ЯГУЖИНСКІЙ.

Нѣтъ, онъ выдаетъ замужъ меньшую дочь.

ГОСТИ.

За кого жъ, за кого жъ, Иванъ Крестьяновичъ.

ФЕЛЬТЕНЪ, (*тихо Ягужинскому*).

Я самъ не знаю.... за кого, за кого.... прикажите?...

ЯГУЖИНСКІЙ, (*гостямъ*).

За г. Древника, общаго нашего знакомца.

ГОСТИ.

Поздравляемъ, поздравляемъ, славный малый.

БРЮСЪ.

Однако-жъ, мнѣ пора....

ГОСТИ.

И намъ такъ же....

БРЮСЪ.

Ну что-жъ, не вмѣстѣ ли, Павелъ Ивановичъ.

ЯГУЖИНСКІЙ.

Нѣтъ, господа; я хочу видѣть хозяекъ и поздравить невѣсту. (*Уходя на дамскую половину.*) Честь имѣю кланяться.

БРЮСЪ И ДРУГІЕ, (*Фельтену*).

Прощай, прощай, г. оберъ-кухмейстеръ! благодаримъ за хлѣбъ за соль.

ЕЛАГИНЪ.

Богъ тебѣ судья! а за что, самъ знаешь.

ФЕЛЬТЕНЪ, (*разкланиваясь и провожая*).

Ради Бога, ради Бога, чтобъ все осталось между нами.

ТАТИЩЕВЪ.

Грѣхъ да бѣда на комъ не живутъ, Иванъ Крестьяновичъ.

ЧЕРКАСОВЪ.

То-то и есть, поддѣлъ было поросенкомъ.

БРЮСЪ.

Да выручилъ иллюминаціей!

(*Фельтенъ всѣхъ выпроваживаетъ*).

—

X.

ФЕЛЬТЕНЪ, *потомъ* ПОВАРЪ, ТАУБЕРТЪ.

ФЕЛЬТЕНЪ.

Уфъ! я на силу держусь на ногахъ!... умру, умру

непремѣнно, умру въ самомъ непродолжительномъ времени, я это чувствую.

ПОВАРЪ, (*вбѣгая*).

Иванъ Крестьяновичъ! не прикажите ли остатки поросенка отослать къ Ягужинскому?

ФЕЛЬТЕНЪ, (*выталкивая повара.*)

Подавись ты самъ поросенкомъ, проклятый. (*поваръ убѣгаетъ.*)

ТАУБЕРТЪ, (*вбѣгая*).

Прямо къ вамъ, прямо съ гоубвахты, Иванъ Крестьяновичъ.

ФЕЛЬТЕНЪ.

Чортъ возьми! да что вы въ самомъ дѣлѣ ко мнѣ пристали? я все знаю: слышете ли.... знаю, что вы ищете не жены, а приданаго.... (*стараясь вспомнить.*) что вы.... писали любовныя записки Шумахеру, что вы.... вызывали на поединокъ Софью Ивановну. Чего жъ послѣ этого хотите вы отъ меня, милостивый государь мой?

ТАУБЕРТЪ, (*надѣвая шляпу и грозно наступая на Фельтена*).

Такъ эдакъ-то, едакъ-то, Иванъ Крестьяновичъ?...

—

XI.

ТѢЖЕ, ЯГУЖИНСКІЙ.

ЯГУЖИНСКІЙ.

Г. Тауберть! что это значитъ?

ТАУБЕРТЪ, (*отступая*).

Въ три часа.... вы сами приказали мнѣ явиться за отвѣтомъ.

ЯГУЖИНСКІЙ.

Отвѣтъ готовъ: Марья Ивановна выходитъ за другаго.

ТАУБЕРТЪ.

За другаго?

ЯГУЖИНСКІЙ!

Послѣ ссоры съ г. Шумахеромъ вы не можете служить при Кунскамерѣ.

ТАУБЕРТЪ.

Прекрасно! стало быть и невѣста, и мѣсто — все къ чорту, ваше высокопревосходительство?

ЯГУЖИНСКІЙ.

Утѣшьтесь, вы назначены суббибліотекаремъ.

ТАУБЕРТЪ.

Суббибліотекаремъ?

ЯГУЖИНСКІЙ.

Съ двойнымъ противъ нынѣшняго жалованьемъ.

ТАУБЕРТЪ.

Возможно ли! съ двойнымъ жалованьемъ и безъ невѣсты! да это совершенное благополучіе, ваше высокопревосходительство!

—

XII.

ТѢЖЕ, ДѢВИЦА ФЕЛЬТЕНЪ, *потомъ* **ДРЕВНИКЪ, ШУМАХЕРЪ СЪ ЖЕНОЮ** *и* **ВИЛЬБОА.**

ДѢВИЦА ФЕЛЬТЕНЪ.

Батюшка, батюшка! я не знаю, какъ благодарить васъ!

ДРЕВНИКЪ.

Иванъ Крестьяновичъ, могу ли я вѣрить моему счастью!

ФЕЛЬТЕНЪ, (*принужденно.*)

Да, да, рекомендуюсь, поздравляю....

Г-НЪ И Г-ЖА ШУМАХЕРЪ, (*входя*).

Поздравляемъ, поздравляемъ: и васъ, и васъ, и всѣхъ, и каждаго.

ВИЛЬБОА, (*въ дверяхъ*).

Поздравленья! цѣлованья! ура! венгерскаго, венгерскаго!

ШУМАХЕРЪ, (*забывшись*).

Ни за что на свѣтѣ!

ТАУБЕРТЪ, (*про себя*).

А, а! на ворѣ шапка горитъ, говоритъ пословица.

ДРЕВНИКЪ, (*оборачиваясь къ невѣстѣ*).

Вамъ однимъ, вамъ однимъ я за все обязанъ, Марья Ивановна.

ДѢВИЦА ФЕЛЬТЕНЪ, (*оборачиваясь къ сестрѣ*).

Вотъ, вотъ кому мы обязаны.

Г-ЖА ШУМАХЕРЪ, (*мужу*).

Онъ меня послушался.

Г-НЪ ШУМАХЕРЪ, (*обращаясь къ Фельтену*).

Вотъ на кого я умѣлъ подѣйствовать.

ФЕЛЬТЕНЪ, (*оборачиваясь къ Ягужинскому*).

Я... вамъ обязанъ.

ЯГУЖИНСКІЙ, (*къ Вильбоа*).

Нѣтъ, вотъ кому мы обязаны.

ВИЛЬБОА, (*оборачиваясь къ Тауберту*).

Больше всѣхъ... я вамъ обязанъ.

ТАУБЕРТЪ, (*также оборачиваясь всторону, но никого не видя, говоритъ прочимъ*).

А я всей почтенной публикѣ.

ЯГУЖИНСКІЙ.

Гг. кончено; но знаете ли что: изъ сегодняшнихъ приключеній право стоило бы написать комедію.

ШУМАХЕРЪ, ФЕЛЬТЕНЪ И ТАУБЕРТЪ, (*обращаясь къ Ягужинскому*).

Комедію! помилуйте, помилуйте, Павелъ Ивановичъ.

Г-ЖА ШУМАХЕРЪ И ВИЛЬБОА.

Напишите, напишите, Павелъ Ивановичъ.

ПРОЧІЕ.

Не пишите, не пишите, Павелъ Ивановичъ.

ТАУБЕРТЬ, (*Ягужинскому*).

Повѣрьте... я перечиталъ всѣхъ древнихъ (*тихо Ягужинскому*) и ни кто изъ нихъ не сажалъ дѣйствующихъ лицъ на гоубвахту.

ЯГУЖИНСКІЙ.

Это ничего не значитъ.

ТАУБЕРТЪ.

Выйдетъ фарсъ и больше ничего: я вамъ ручаюсь.

ЯГУЖИНСКІЙ.

Ну что-жъ за бѣда: и Мольеръ написалъ Пурсоньяка.

ТАУБЕРТЪ.

Еще бы! комедія ваша шлепнется.

Г-ЖА ШУМАХЕРЪ И ВИЛЬБОА.

Не правда, не правда.

ДРУГІЕ.

Шлепнется, непремѣнно шлепнется!

ЯГУЖИНСКІЙ, (*махая рукою Тауберту*).

Не быть по вашему!

ТАУБЕРТЪ.

То-то и есть, повѣрьте: *гдѣ тонко, тамъ и рвется*, Павелъ Ивановичъ; я знаю это по собственному опыту.

ЯГУЖИНСКІЙ.

Жизнь наша съ горемъ пополамъ:
Въ ней прочности ужасно мало,
Сегодня здѣсь, а завтра тамъ —
И многихъ будто не бывало.
Не трудно это разгадать,
Жизнь наша парками прядется...
А нить тонка, чего-жъ тутъ ждать?
Гдѣ тонко, тамъ и рвется.

ВИЛЬБОА.

Въ залогъ любви, Наташа мнѣ
Шнурочикъ какъ-то подарила;
Носи его, люби вдвойнѣ,
Она, вздыхая, говорила.
Я берегу ея залогъ,
Наташа тоже бережется...
Шнурокъ не цѣпь, она не Богъ...
Гдѣ тонко, тамъ и рвется.

ФЕЛЬТЕНЪ.

Вотъ что замѣтилъ я давно:
Изъ тонкостей, чего нѣтъ легче,
Всѣхъ лучше тонкое вино,
За тѣмъ, что эта тонкость — крѣпче.
А тонкій умъ и тонкій вкусъ
И все, что тонкостью зовется,
Все вздоръ! и я того держусь:
Гдѣ тонко, тамъ и рвется.

Г-ЖА ШУМАХЕРЪ.

Въ иныхъ піесахъ видны сплошь
Такія тонкости, что чудо;
Послушаешь: въ нихъ складъ хорошъ,
А прочитаешь: очень худо!
Но не ломая головы,
Безъ тонкостей здѣсь обойдется,
За тѣмъ, чтобъ не сказали вы:
Гдѣ тонко, тамъ и рвется.

НОВАЯ ШАЛОСТЬ

ИЛИ

ТЕАТРАЛЬНОЕ СРАЖЕНІЕ.

ОПЕРА-ВОДЕВИЛЬ ВЪ ОДНОМЪ ДѢЙСТВІИ.

ДѢЙСТВУЮЩІЕ.

Г-жа Каго, арендаторша.
Бабета, ея племянница.
Аннетъ.
Форстмейстеръ.
Феликсъ,
Викторъ,
Шарль.
Іосифъ.
Леандръ.
Эрнестъ,
Балья.
Нотаріусъ.
Крестьяне.

(Викторъ — Эрнестъ: ученики.)

НОВАЯ ШАЛОСТЬ

или

ТЕАТРАЛЬНОЕ СРАЖЕНІЕ.

Театръ представляетъ съ одной стороны домъ г-жи Кого, съ другой стѣну отъ парка съ калиткою. Вдали городъ.

I.

Г-ЖА КОГО. ФОРСТМЕЙСТЕРЪ.

ФОРСТМЕЙСТЕРЪ.

А! здраствуйте! я бѣжалъ къ вамъ, дорогая моя сосѣдка.

Г-ЖА КОГО.

Очень рада, но для чего бы это?

ФОРСТМЕЙСТЕРЪ.

Чтобъ открыть вамъ важную тайну.

Г-ЖА КОГО.

Важную тайну! Это очень любопытно.

ФОРСТМЕЙСТЕРЪ.

Натурально. Я сбираюсь жениться.

Г-ЖА КОГО.

Возможно ли! Въ пятый разъ, г. форстмейстеръ!

ФОРСТМЕЙСТЕРЪ.

Въ которой бы ни было, это мое дѣло.

Въ который разъ, въ который разъ!
Какая нужда вамъ до счета,
Когда тьма дѣвушекъ у насъ
И мнѣ жениться есть охота?
А въ этомъ наша ли вина,
Когда жена недолговѣчна?

Г-ЖА КОГО.

Однако-жъ, пятая жена
Ужъ васъ переживетъ конечно.

ФОРСТМЕЙСТЕРЪ.

Мы увидимъ.

Г-ЖА КОГО.

Впрочемъ, я этому очень рада, и признаюсь вамъ, что будучи вдовою и такихъ хорошихъ лѣтъ, я сама непремѣнно хочу выйти замужъ.

ФОРСТМЕЙСТЕРЪ.

Тѣмъ лучше; и такъ я намѣренъ...

Г-ЖА КОГО.

Постойте! я отгадываю.... вы вѣрно.... хотите на мнѣ жениться?

ФОРСТМЕЙСТЕРЪ.

Совсѣмъ нѣтъ.

Г-ЖА КОГО.

Совсѣмъ нѣтъ! Что вы подъ этимъ разумѣете?

ФОРСТМЕЙСТЕРЪ.

Я разумѣю то, что хочу жениться на вашей племянницѣ.

Г-ЖА КОГО.

Какъ, на Бабетѣ? Но нѣтъ, вы шутите; она такъ молода, такъ проста, она дура, г. форстмейстеръ.

ФОРСТМЕЙСТЕРЪ.

Тѣмъ лучше, г-жа Кого. Покойныя мои жены были слишкомъ умны, и мнѣ это дорого стоило; скажите только, согласны ли вы на мое предложеніе?

Г-ЖА КОГО.

Съ вашимъ чиномъ и съ вашимъ состояніемъ, г. форстмейстеръ, нельзя получить отказа.

ФОРСТМЕЙСТЕРЪ.

Согласитесь, что я славная партія!

Г-ЖА КОГО.

И Бабета конечно будетъ богата!

ФОРСТМЕЙСТЕРЪ.

И счастлива, и спокойна. Я, конечно, слишкомъ увѣренъ въ моихъ достоинствахъ, чтобъ бояться соперниковъ, но признаюсь, этотъ Алинъ.... который...

Г-ЖА КОГО.

О! не безпокойтесь; онъ влюбленъ, только не въ Бабету. И кромѣ ее есть женщины, которыя могутъ нравиться.

ФОРСТМЕЙСТЕРЪ.

Конечно, конечно; но условимтесь прежде о свадебномъ контрактѣ (*вынимая бумагу*). Вотъ

мои предложенія, которыя, я надѣюсь, вы апробуете.

Во первыхъ, чтобъ моя жена
Съ почтеньемъ мнѣ повиновалась,
И во вторыхъ, чтобы она
Нарядами не занималась.

Г-ЖА КОГО.

Вотъ стыдъ! И какъ не наряжать
Жену такую молодую?

ФОРСТМЕЙСТЕРЪ.

Конечно, долгъ мой угождать,
И такъ я это апробую.

Г-ЖА КОГО.

Вотъ это съ вашей стороны очень мило.

ФОРСТМЕЙСТЕРЪ.

О, на этотъ счетъ.... мы умѣемъ.... мы пожили, г-жа Кого!

Г-ЖА КОГО.

Это видно.

ФОРСТМЕЙСТЕРЪ.

Пунктъ третій составляетъ то,
Чтобъ на жену мнѣ не сердиться,
Я требую, чтобы никто
Не смѣлъ за нею волочиться.

Г-ЖА КОГО.

Но это запретить нельзя:
Смѣшно включить статью такую!

ФОРСТМЕЙСТЕРЪ.

Когда нельзя. . такъ даже я
Для васъ и это апробую.

г-жа кого.

Ну, что-жъ далѣе?

форстмейстеръ.

Чтобы меня лишь одного,
Она любила, обожала,
И лучше мужа своего
Ни гдѣ бъ мужчинъ не замѣчала.

г-жа кого.

Помилуйте! Ну, что за вздоръ,
Считать Бабету за слѣпую!

форстмейстеръ.

Ужъ такъ и быть... чтобъ кончить споръ,
Я все формально апробую.

г-жа кого.

Да кстати, вотъ и она; мы тотчасъ кончимъ это дѣло.

—

II.

ТѢЖЕ, БАБЕТА, (*вбѣгая*).

бабета, (*увидя форстмейстера*).

Ахъ!

г-жа кого.

Чего тутъ пугаться? Подними голову, держись прямѣе, поклонись г. форстмейстеру и отвѣчай на то, объ чемъ онъ будетъ спрашивать.

форстмейстеръ.

Подойди ближе, вотъ сюда; я хочу говорить съ тобою, милая Бабета. Ты знаешь, что всякая

женщина... по закону природы... родится для того, чтобъ наконецъ избрать себѣ человѣка... человѣка... слушай же!

БАБЕТА.

Я слушаю-съ.

ФОРСТМЕЙСТЕРЪ.

Человѣка, съ которымъ бы навсегда соединить судьбу свою... ты меня понимаешь?

БАБЕТА.

Нѣтъ-съ, я ничего не понимаю.

Г-ЖА КОГО.

Помилуйте! Вы говорите съ нею по китайски. Слушай: г. форстмейстеръ хочетъ быть твоимъ мужемъ.

ФОРСТМЕЙСТЕРЪ.

Да, да, твоимъ мужемъ.

БАБЕТА.

Какъ вамъ угодно-съ.

ФОРСТМЕЙСТЕРЪ.

Но хочешь ли ты этого?

БАБЕТА.

Я не знаю-съ; мнѣ все равно.

Г-ЖА КОГО.

Что за отвѣты! Такъ ли надобно отвѣчать г. форстмейстеру.

БАБЕТА.

Да я не умѣю; какъ прикажете?

Г-ЖА КОГО.

Надобно сдѣлать книксенъ и отвѣчать: да, сударь.

ФОРСТМЕЙСТЕРЪ.

Но я, можетъ быть, тебѣ не нравлюсь?

БАБЕТА.

Да, сударь.

Г-ЖА КОГО.

Нѣтъ терпѣнья!

БАБЕТА.

Да вѣдь вы мнѣ такъ отвѣчать сами приказали, тетушка.

Г-ЖА КОГО.

Да; но это тогда, а теперь надобно было сказать: нѣтъ, сударь.

ФОРСТМЕЙСТЕРЪ.

Но я достоинъ однакожъ...

БАБЕТА.

Нѣтъ, сударь. Я сказала, нѣтъ, тетушка.

ФОРСТМЕЙСТЕРЪ.

Позвольте, ради Бога! Это невозможно, вы ее сбиваете. Оставьте ее отвѣчать, какъ она умѣетъ. И такъ, милая Бабета, скажи мнѣ откровенно, любишь ли ты меня.

БАБЕТА.

Да съ.

ФОРСТМЕЙСТЕРЪ.

Она говоритъ: да, слышите ли? Она говоритъ: да; это совсѣмъ другое. А почему-жъ ты меня любишь?

БАБЕТА.

Потому-съ, что вы такіе смѣшные!

Г-ЖА КОГО.

Ну, какъ вамъ это покажется?

ФОРСТМЕЙСТЕРЪ.

Она не понимаетъ разговора любовниковъ; но сдѣлайте милость, оставьте меня одного съ нею объясниться.

Г-ЖА КОГО.

Съ охотою, мнѣ же надобно пріодѣться къ сегодняшнему празднику. До свиданія! (*Бабетѣ*). Не уходи и останься здѣсь съ господиномъ форстмейстеромъ.

(*Уходитъ въ свой домъ*).

—

III.

ФОРСТМЕЙСТЕРЪ, БАБЕТА.

ФОРСТМЕЙСТЕРЪ.

Теперь мы одни, я этому очень радъ.
Мы объяснимся здѣсь свободно.

БАБЕТА.

Мнѣ все равно, какъ вамъ угодно.

ФОРСТМЕЙСТЕРЪ.

Но я сердечно говорю.

БАБЕТА.

Покорно васъ благодарю!

ФОРСТМЕЙСТЕРЪ.

Моя Бабета безподобна!

БАБЕТА.

Мнѣ все равно: какъ вамъ угодно.

ФОРСТМЕЙСТЕРЪ.

И я тебя боготворю!

БАБЕТА.

Покорно васъ благодарю.

ФОРСТМЕЙСТЕРЪ.

Подойди же поближе; ты, мнѣ кажется, меня боишься.

БАБЕТА.

Нѣтъ-съ, я не боюсь, а мнѣ скучно.

ФОРСТМЕЙСТЕРЪ.

Это ничего не значитъ. Теперь скажи мнѣ откровенно, какихъ ты обо мнѣ мыслей?

БАБЕТА.

Какихъ мыслей? Это что-то очень мудрено! Я право не знаю-съ.

ФОРСТМЕЙСТЕРЪ.

Ну, чтобъ сказать проще, что ты обо мнѣ думаешь?

БАБЕТА.

Что я объ васъ думаю? Я думаю, что вы старый нашъ знакомый.

ФОРСТМЕЙСТЕРЪ.

То есть, давнишній знакомый, хотѣла ты сказать. Ну, что-жъ далѣе?

БАБЕТА.

Лишь дѣвушки увидятъ васъ,
Вотъ нашъ женихъ! кричатъ тотчасъ.
Онъ о невѣстѣ все хлопочетъ,
И свататься готовъ всегда,
Да то бѣда, да то бѣда....
За васъ идти никто не хочетъ!

ФОРСТМЕЙСТЕРЪ.

Это вздоръ! И это говорятъ тѣ, которымъ не удалось на мнѣ жениться.

БАБЕТА.

И тѣже дѣвушки твердятъ,
Что нашъ форстмейстеръ страхъ богатъ;
Но намъ его не жалки вздохи....
Хоть деньги хороши всегда,
Да то бѣда, да то бѣда....
Что вы-то сами очень плохи!

ФОРСТМЕЙСТЕРЪ.

Онѣ дуры и ничего не понимаютъ.

БАБЕТА.

Что до меня, такъ я за васъ,
Пожалуй, вышла бы тотчасъ.
И вы обновокъ мнѣ нашьете,
Чтобъ наряжалась я всегда,
Да то бѣда, да то бѣда....
Вы скоро, говорятъ, умрете!

ФОРСТМЕЙСТЕРЪ.

Возможно ли! Но кто смѣетъ говорить это?

БАБЕТА.

Это говоритъ то же Алинъ.

ФОРСТМЕЙСТЕРЪ.

Алинъ дерзкій мальчишка и больше ничего.

БАБЕТА.

Вотъ это неправда, онъ очень добрый! Я это

ФОРСТМЕЙСТЕРЪ.

И ты его любишь больше, нежели меня?

БАБЕТА.

Гораздо больше, господинъ форстмейстеръ.

ФОРСТМЕЙСТЕРЪ.

И ты мнѣ это говоришь?

БАБЕТА.

Говорю съ.

ФОРСТМЕЙСТЕРЪ, (*всторону*).

Она меня бѣситъ! (*вслухъ*) Очень хорошо! Это все будетъ пересказано госпожѣ Кого, и тогда мы увидимъ.

БАБЕТА.

Ахъ, Боже мой! Да за что-жъ вы сердитесь и въ чемъ я виновата?

ФОРСТМЕЙСТЕРЪ.

Осмѣлиться мнѣ въ глаза хвалить Алина!

БАБЕТА.

Оттого, что онъ лучше васъ, г. Форстмейстеръ.

ФОРСТМЕЙСТЕРЪ.

Говорить, что я плохъ!

БАБЕТА.

Оттого, что это правда, господинъ Форстмейстеръ. Но вотъ и Алинъ! (*бѣжитъ къ нему на встрѣчу*).

Здраствуй! здраствуй, Алинъ!

—

IV.

ТѢЖЕ, АЛИНЪ.

АЛИНЪ.

Здраствуй, милая Бабета!

БАБЕТА.

Здраствуй, милой мой Алинъ!

АЛИНЪ.

Какъ прелестно ты одѣта!

БАБЕТА.

А замѣтилъ ты одинъ.

АЛИНЪ.

Ты меня чай поджидала?
Я за это побожусь.

БАБЕТА.

Все скучала, все скучала,
А теперь я веселюсь!

АЛИНЪ.

Мое почтеніе, господинъ Форстмейстеръ!

ФОРСТМЕЙСТЕРЪ.

А! это ты. (*всторону*). Понять не могу, отчего я ненавижу этого человѣка. (*стучится въ дверь*). Г-жа Кого! г-жа Кого! пожалуйте сюда скорѣе.

Г-ЖА КОГО, (*въ дому*).

Погодите, я одѣваюсь.

АЛИНЪ.

Что вы такъ захлопотались, господинъ Форстмейстеръ? Что у васъ новинькаго?

форстмейстеръ.

Ничего.... покуда ничего.... но что будетъ, то будетъ. (*Примѣтивъ, что Алинъ съ Бабетою шепчутся*). Они шепчутся! г-жа Кого, сдѣлайте одолженіе!

алинъ.

Да уймитесь, что за шумъ? Вы эдакъ всѣхъ перепугаете.

форстмейстеръ, (*примѣтивъ, что они смѣются*).

Они смѣются! г-жа Кого! г-жа Кого!

г-жа кого, (*изъ дому*).

Сейчасъ, сейчасъ! что съ вами сдѣлалось, господинъ Форстмейстеръ?

форстмейстеръ, (*увидя, что Алинъ цѣлуетъ у Бабеты руку*).

Они цѣлуются! г-жа Кого, г-жа Кого! Сейчасъ, или будетъ поздно.

—

V.

тѣже, г-жа кого.

г-жа кого.

Бѣгу, бѣгу! Что за шумъ и что здѣсь дѣлается? А, здраствуй Алинъ! здраствуй мой милый!

ФОРСТМЕЙСТЕРЪ, (*отводя г-жу Кого в сторону*).

Пожалуйте сюда. Вы хотите знать, что здѣсь дѣлается? И такъ....

Г-ЖА КОГО.

Ты, милый Алинъ, совѣмъ забылъ насъ.

ФОРСТМЕЙСТЕРЪ.

Госпожа Кого! Прошу васъ дослушать. Вы хотите знать, что здѣсь дѣлается? И такъ....

Г-ЖА КОГО.

Сейчасъ, сейчасъ! Смотри же, Алинъ, не уходи пожалуйста.

АЛИНЪ.

Покорно васъ благодарю.

ФОРСТМЕЙСТЕРЪ, (*г-жѣ Кого*).

Вы меня бѣсите, я говорю вамъ.

Г-ЖА КОГО.

Я слушаю, слушаю, говорите, ради Бога!

ФОРСТМЕЙСТЕРЪ.

И такъ, узнайте новость эту,
Причину крика моего:
Алинъ влюбиться смѣлъ въ Бабету,
Бабета влюблена въ него.
Они вдвоемъ при мнѣ шептались,
И чтобы все вамъ досказать,
Они здѣсь даже цѣловались,
И какъ мнѣ было не кричать?

Г-ЖА КОГО.

Постойте, постойте! Вы меня убиваете. Сюда, сюда, дерзская дѣвчонка, и сейчасъ признавайся,

Точно ли ты любишь Алина? Точно ли ты любишь Алина? Что жъ ты не отвѣчаешь?

БАБЕТА.

Ахъ, Боже мой! Мнѣ стыдно.

ФОРСТМЕЙСТЕРЪ, (*всторону*).

Эй стыдно! это хорошо, мнѣ кажется.

Г-ЖА КОГО.

Точно ли ты любишь Алина, говорятъ тебѣ, безстыдница?

БАБЕТА.

Точно люблю, тетушка.

ФОРСТМЕЙСТЕРЪ, (*всторону*.)

Она любитъ! Вотъ это не хорошо, мнѣ кажется.

Г-ЖА КОГО.

И ты смѣешь мнѣ признаваться! Это ужасно, господинъ Форстмейстеръ!

ФОРСТМЕЙСТЕРЪ.

Это непростительно, госпожа Кого!

Г-ЖА КОГО, (*Алину*).

А ты, неблагодарный! Тѣ, котораго... ты, которому, и ты, для котораго... ты меня понимаешь? Скажи, неблагодарный, правда ли, что ты влюбленъ въ другую, и въ кого именно?

АЛИНЪ.

Разумѣется, не въ васъ, а въ Бабету.

ФОРСТМЕЙСТЕРЪ.

Вы слышите?

Г-ЖА КОГО.

Послѣ этого прочь съ глазъ моихъ, неблагодар-

ный! (*Бабетѣ*) А ты, сейчасъ домой, и не смѣй выходить безъ моего позволенія.

БАБЕТА.

Ахъ, тетушка! (*г-жа Кого вталкиваетъ Бабету въ домъ*).

—

VI.

ТѢЖЕ, *кромѣ* БАБЕТЫ.

Г-ЖА КОГО.

Нѣтъ, нѣтъ, я не могу простить
Никакъ неблагодарность эту.
Твой долгъ меня боготворить,
А ты влюбиться смѣлъ въ Бабету?

АЛИНЪ.

Меня вамъ не за что бранить.
Помилуйте, за что сердиться?
Вамъ благодарнымъ можно быть,
Но въ васъ никакъ нельзя влюбиться.

ФОРСТМЕЙСТЕРЪ.

Такая дерзость, чудеса!
Здѣсь нѣтъ на вѣжливость устава,
И правду говорить въ глаза
Имѣетъ нынче всякой право!

Г-ЖА КОГО, (*Алину*)

Я тебя не знаю, не слушаю, бѣги, или я съ тобою раздѣлаюсь!

АЛИНЪ, (*уходя*).

Иду, иду! но мы съ вами увидимся г. Форстмейстеръ.

—

VII.

Г-ЖА КОГО, ФОРСТМЕЙСТЕРЪ.

ФОРСТМЕЙСТЕРЪ.

Какая дерзость! Хорошо, что онъ ушелъ. Я такъ разгорячился, что у насъ могла бы выдти исторія. Я за себя не отвѣчаю.

Г-ЖА КОГО.

Повѣрьте, это не пройдетъ ему даромъ. Я рѣшилась, и подаю на него просьбу нашему начальству.

ФОРСТМЕЙСТЕРЪ.

А между тѣмъ пойдемте похлопотать о свадебномъ контрактѣ.

Г-ЖА КОГО.

Осмѣлиться волочиться за Бабетой! Это ужасно!

ФОРСТМЕЙСТЕРЪ.

И безъ нашего позволенія. Это не прощается, г-жа Кого. Пойдемте. (*Оба уходятъ*).

VIII.

Алинъ, *потомъ* **Бабета.**

АЛИНЪ, (*выходя изъ-за стѣны, за которою онъ спрятался*).

Они ушли, не надобно терять времени. Бабета, Бабета!

БАБЕТА, (*изъ окошка*).

Ахъ! Это ты Алинъ?

АЛИНЪ.

Выйди сюда поскорѣе.

БАБЕТА.

Я боюсь тетушки.

АЛИНЪ.

Не бойся: она не скоро воротится.

БАБЕТА, (*затворяя окошко.*)

Такъ подожди.

АЛИНЪ.

О! я увѣренъ въ моей Бабетѣ и не боюсь стараго волокиты.

БАБЕТА, (*вбѣгая.*)

Ну, вотъ и я; что-жъ намъ дѣлать?

АЛИНЪ.

Завтра поутру приходи въ ближнюю рощу и мы условимся.

БАБЕТА.

Вотъ этого я никакъ не могу сдѣлать.

АЛИНЪ.

Почему жъ?

БАБЕТА.

Тетушка мнѣ это запретила и разсказала, что случилось съ Фаншетой.

АЛИНЪ.

А что такое?

БАБЕТА.

А вотъ послушай:

Фаншета въ лѣсъ пошла съ утра;
Она была жива, скора,
Забыла взять съ собой Алина...
Какъ вдругъ на встрѣчу ей мужчина!

АЛИНЪ.

Тала-дери-дера.

БАБЕТА.

Куда жъ идешъ ты, Ангелъ мой? —
«Я въ лѣсъ иду.» — И я съ тобой. —
«Къ чему, вѣдь я дорогу знаю-съ.» —
Нѣтъ, ничего, я прогуляюсь.

АЛИНЪ, (*всторону*).

Тала-дери-дера.

БАБЕТА.

Въ лѣсу гуляючи вдвоемъ,
Они шутили, и потомъ
Назадъ отправиться спѣшили...
Однако жъ все не уходили.

АЛИНЪ.

Тала-дери-дера.

БАБЕТА.

Пришедши вечеркомъ домой,
Ей сдѣлалъ выговоръ большой!
Съ тѣхъ поръ, она хоть въ лѣсъ и ходитъ,
Однако-жъ раньше ужъ приходитъ.

АЛИНЪ.

Тала-дери-дера.

Все это очень хорошо; но меня нечего бояться.

БАБЕТА.

Я знаю, но тетушка.... Ахъ, Боже мой! я слышу шумъ: сюда идутъ! Прощай, прощай, я ни за что не останусь.

АЛИНЪ.

А я побѣгу къ г. Бавалю, и попрошу за насъ вступиться. Прощай Бабета! (*Бабета уходитъ въ домъ, Алинъ въ сторону*).

IX.

ФЕЛИКСЪ, ВИКТОРЪ, ШАРЛЬ, ЛЕОНСЪ, ЛИНДОРЪ, ЭРНЕСТЪ, (*всѣ они одѣтые въ одинакіе мундиры и выходятъ на сцену, маршируя, одинъ за другимъ. Феликсъ ими командуетъ*).

ХОРЪ.

Солдатъ все храбростью беретъ,
Усталости не знаетъ;
Хоть онъ и терпитъ, не ропща,

И рѣдко унываютъ.
Всему своя здѣсь череда:
Терпѣнье наградится...
Гдѣ трусу кажется бѣда,
Тамъ храбрый веселится!

ФЕЛИКСЪ.

Съ плеча! Разъ, два, прескверно, прескверно!

Но это стыдно, господа,
Все дѣлать будто по неволѣ,
И что вамъ стоило труда
Самимъ бы поучиться въ школѣ?
На васъ, отъ этой кутерьмы,
Напишутъ критики страницы,
И на смѣхъ скажутъ, будто мы
Ружьемъ владѣемъ, какъ дѣвицы!

ВИКТОРЪ.

Нѣтъ силъ! Я такъ усталъ, что не могу идти далѣе.

ФЕЛИКСЪ.

Не стыдно ли, господа! Поете одно, а говорите другое.

ЛЕОНСЪ.

Чего тутъ стыдиться, мы по твоей милости всѣ измучились.

ЭРНЕСТЪ.

Я умираю съ голоду.

ИСИДОРЪ.

А я отъ жажды.

ШАРЛЬ.

И во всемъ этомъ виноватъ Феликсъ, котораго мы послушались.

ФЕЛИКСЪ.

Вамъ ли говорить это, неблагодарные! У насъ каникулы, всѣхъ распускаютъ, я приглашаю васъ съ собою въ замокъ моего дяди, который онъ недавно купилъ здѣсь въ окрестности; мы идемъ, ищемъ, не находимъ, и я ли виноватъ въ этомъ?

ВИКТОРЪ.

Надобно было прежде узнать.

ШАРЛЬ.

И не мучить насъ по пустому.

ФЕЛИКСЪ.

Ни слова, господа! Или я отказываюсь отъ команды. Вамъ хочется отдохнуть и позавтракать? И такъ, принимайтесь за дѣло, ищите и несите. (*Эрнестъ и Леонсъ бѣгутъ въ домъ г-жи Кого*).

ШАРЛЬ.

Да, кстати! Вотъ птицы, я тотчасъ настрѣляю. (*Выстрѣливаетъ.*)

—

X.

ТѢЖЕ, БАБЕТА, (*выбѣгаетъ испугавшись.*)

БАБЕТА.

Ахъ, Боже мой! Боже мой! Что со мною будетъ?

ВСѢ, (*окружая ее*).

Господа! Сюда, сюда! Посмотрите, какая хорошенькая!

БАБЕТА.

Помилуйте меня, я ни въ чемъ не виновата.

ФЕЛИКСЪ.

Не бойся, мы тебѣ ничего не сдѣлаемъ.

БАБЕТА.

Ахъ Боже мой! да васъ такъ много.

ВИКТОРЪ.

Это ничего.

ШАРЛЬ.

Да развѣ ты здѣсь одна?

БАБЕТА.

Да-съ, тетушка еще не воротилась.

ШАРЛЬ.

А какъ зовутъ тебя?

БАБЕТА.

Меня зовутъ.... Бабетою.

ВСѢ.

Бабетою! Бабетою!

ЛИНДОРЪ.

Какая она хорошенькая!

ФЕЛИКСЪ.

Какіе глазки!

ВИКТОРЪ.

И какъ мило одѣта!

БАБЕТА, (*вырываясь отъ нихъ*).

Ахъ, Боже мой! Оставьте, оставьте меня, какъ вамъ не стыдно, господа офицеры!

—

XI.

ТѢЖЕ, АЛИНЪ.

АЛИНЪ.

Что за шумъ? Что я вижу? А! а! сударыня, прекрасно, прекрасно!

БАБЕТА, (*вырываясь*).

Это Алинъ! Пустите меня пожалуйста.

ФЕЛИКСЪ.

Какой Алинъ?

ВСѢ.

Вздоръ! вздоръ! Какое намъ до него дѣло.

АЛИНЪ.

Хоть вамъ нѣтъ дѣла до меня,
Но мнѣ до васъ большое дѣло;
Женихъ ея, не вы, а я,
И мнѣ терпѣть ужъ надоѣло!

БАБЕТА.

Но я его уговорю,
Онъ обойдется съ вами дружно.

АЛИНЪ.

Покорно васъ благодарю
И мнѣ такихъ друзей не нужно.

ВСѢ.

Онъ ревнуетъ! И! какъ не стыдно, ревнивецъ! ревнивецъ! (*всѣ смѣются*).

АЛИНЪ.

Вотъ видите ли! Всё это по вашей милости, сударыня!

БАБЕТА.

Онъ на меня сердится.... Вотъ господа, что вы надѣлали.

ЭРНЕСТЪ И ЛЕОНСЪ, (*выбѣгая изъ дому*).

Радуйтесь! Вотъ хлѣбъ и вино.

ВСѢ.

Славно! славно! (*отнимаютъ другъ у друга бутылку и хлѣбъ*).

БАБЕТА, (*Феликсу*).

Г. офицеръ, пожалуйста помирите меня съ Алиномъ.

Вы сами видите, что онъ
Совсѣмъ отъ насъ отворотился.

АЛИНЪ.

Когда-бъ я не былъ такъ влюбленъ,
То ужъ конечно бъ не сердился.

ВИКТОРЪ.

Но ты его съ ума свела,
И тутъ быть надо справедливымъ.

ВСѢ.

И признаюсь, ты такъ мила,
Что всякій сдѣлался-бъ ревнивымъ.

ВИКТОРЪ, (*наливая въ стаканъ вино*).

Ну, Алинъ, полно же сердиться! на, выпей!

ЛИНДОРЪ.

Неужели ты сердишься?

АЛИНЪ, (*выпивая*).

Нѣтъ, прошло.

БАБЕТА.

Ахъ, какъ я рада!

АЛИНЪ.

Ну, миръ, такъ миръ. Знаете ли, господа, что вы можете сдѣлать доброе дѣло? Бабету хотятъ насильно выдать за мужъ за нашего стараго Форстмейстера: постарайтесь-ка объ нашей свадьбѣ.

БАБЕТА.

Пожалуйста постарайтесь, господа офицеры! Я терпѣть не могу стараго Форстмейстера.

ФЕЛИКСЪ, (*прочимъ*).

Какъ вы объ этомъ думаете?

ВСѢ.

Мы его женимъ, непремѣнно женимъ!

ВИКТОРЪ.

Чтобъ не соскучиться вдвоемъ,
Любовь взаимности желаетъ;
Но что случится ужъ потомъ,
За то никто не отвѣчаетъ.

ХОРЪ.

У рыцарей, любовь и честь
Всегда девизомъ ихъ бывали.
У насъ свои герои есть,
И мы красавицъ обожали!

ВИКТОРЪ.

Повѣрь, любезный мой Алинъ,
Что вы всегда свое возмете.
Ты счастья не нашелъ одинъ....
Такъ вы вдвоемъ его найдете.

ХОРЪ.

У рыцарей любовь и честь, и проч.

АЛИНЪ.

И такъ, вы обѣщаете?

ВСѢ.

Во что бы ни стало!

АЛИНЪ.

Ну, бѣда! Вотъ наши непріятели! Однако-жъ, это ничего; не бойтесь, не бойтесь; а я между тѣмъ спрячусь. (*убѣгаетъ*).

БАБЕТА.

И я тоже. Прощайте, прощайте, господа офицеры! (*Уходитъ въ домъ*).

ФЕЛИКСЪ.

Къ ружью! (*всѣ становятся во фрунтъ*).

—

XII.

Г-ЖА КОГО, ФОРСТМЕЙСТЕРЪ, МАЛЬЧИКИ.

Г-ЖА КОГО.

Возможно ли? передъ моимъ домомъ! что это значитъ?

ФОРСТМЕЙСТЕРЪ.

Не безпокойтесь, вы увидите. Сейчасъ говорите: что вы за люди, и какъ осмѣлились стрѣлять здѣсь безъ моего позволенія?

ФЕЛИКСЪ.

Мы стрѣляемъ, потому что хотимъ.

ФОРСТМЕЙСТЕРЪ.

Дерзскій мальчишка! такъ ли надобно отвѣчать господину Форстмейстеру?

ФЕЛИКСЪ.

А ты, старый крикунъ, какъ смѣешь такъ говорить съ нами?

ФОРСТМЕЙСТЕРЪ.

А! если такъ, то я иначе справлюсь съ вами. Сейчасъ положите ваши ружья.

ВСѢ.

Положить ружья! онъ сумасшедшій! (*всѣ смѣются*).

Г-ЖА КОГО.

Какая дерзость!

ФОРСТМЕЙСТЕРЪ.

Развѣ они что нибудь сказали?

Г-ЖА КОГО.

Они называютъ васъ сумасшедшимъ.

ФОРСТМЕЙСТЕРЪ.

Очень хорошо! И такъ, господа озарники, знайте, что вы раскаетесь въ вашей дерзости, и вамъ ли предо мной храбриться?

Я былъ въ военной службѣ самъ,
И съ честью занимался фрунтомъ,
И такъ былъ храбръ, что по ночамъ
Ходилъ я даже главнымъ рунтомъ.
И аттестатъ мой подтвердилъ,
Что я, какъ значится по справкѣ:
Во время мирное служилъ,
И былъ въ военное въ отставкѣ.

ФЕЛИКСЪ.

Славно! славно! но мы остаемся.

ФОРСТМЕЙСТЕРЪ.

И такъ, кончено, и вы увидите.... (*идетъ и возвращается*) Господа! еще есть время: одумайтесь, или будетъ поздно.

ВСѢ.

Убирайся! а не то мы тебя арестуемъ.

ФОРСТМЕЙСТЕРЪ.

Возможно ли! г-жа Кого! Я оставляю ихъ на вашей отвѣтственности. (*Уходитъ*).

Г-ЖА КОГО.

Вотъ вздоръ! И что я за караульня?

—

XIII.

ТѢЖЕ, КРОМѢ ФОРСТМЕЙСТЕРА.

Г-ЖА КОГО.

Знаете ли, господа, что эта дерзость не пройдетъ вамъ даромъ?

ФЕЛИКСЪ.

Мы не боимся; но сдѣлайте милость, дайте намъ пообѣдать.

Г-ЖА КОГО.

Вотъ хорошо! съ какой радости я стану кормить даромъ цѣлый лагерь?

ФЕЛИКСЪ.

Мы вамъ заплатимъ. Викторъ, дай ей денегъ.

ВИКТОРЪ.

Да у меня нѣтъ.

ЭРНЕСТЪ.

И у меня тоже.

ФЕЛИКСЪ.

А у меня, вы сами знаете, никогда ихъ не бываетъ.

Г-ЖА КОГО, (*всторону*).

Этотъ Викторъ, однако-жъ, прекрасный мальчикъ.

ЛЕОНСЪ.

Но деньги есть у Шарля.

ШАРЛЬ.

Покорно васъ благодарю.

ВИКТОРЪ.

Давай, мы тебѣ заплатимъ.

ШАРЛЬ.

А сами никогда не платите.

ФЕЛИКСЪ.

Это пустыя отговорки! (*онъ отнимаетъ у Шарля деньги*). Ну, г-жа Кого, вотъ вамъ два луидора.

г-жа кого.

Это дѣло другое, и сейчасъ все будетъ готово. До свиданія, прощайте, господа! прощайте, г. Викторъ! (*уходитъ въ домъ*).

XIV.

ТѢЖЕ, КРОМѢ Г-ЖИ КОГО.

ФЕЛИКСЪ.

Браво, браво! Она въ него влюбилась!

ВИКТОРЪ.

Ахъ, Боже мой! неужели въ самомъ дѣлѣ?

ВСѢ.

Онъ боится! (*смѣются*) Поздравляемъ съ побѣдою.

ФЕЛИКСЪ.

Теперь, господа, надобно приготовиться къ атакѣ.

ШАРЛЬ.

Начальникъ долженъ дорожить
Въ сраженьи выгоднѣйшимъ мѣстомъ;
А то насъ могутъ окружить,
И мы же будемъ подъ арестомъ.

ХОРЪ.

И такъ, мы пустимся бѣгомъ,
И все здѣсь высмотримъ кругомъ.

Мы
пооб

представить;
побѣдить,
себя заставить.

ХОРЪ.

мы пустимся бѣгомъ,
здѣсь высмотримъ кругомъ.

ФЕЛИКСЪ.

А ты, Викторъ, останься здѣсь на караулѣ.

ВИКТОРЪ.

Зачѣмъ же оставлять меня, а не другова?

ФЕЛИКСЪ.

Какъ тебѣ не стыдно! Ты точно дѣвушка!

ВИКТОРЪ.

Да я боюсь...

ВСѢ.

Онъ боится, чтобъ его не украли! (*смѣются*). Прощай, храбрый караульный. До свиданія, до свиданія!

(*Уходятъ за Феликсомъ*).

—

XV.

ВИКТОРЪ, (*одинъ*).

Они смѣются, а мнѣ совсѣмъ не до смѣха. Каково оставаться одному въ незнакомомъ мѣстѣ, гдѣ насъ хотятъ арестовать? Это совсѣмъ не

шутка и всякій побоится. А они говорятъ еще, 5
что я точно дѣвушка!

Что если бы однако-жъ я
И точно дѣвушкой родился?
Такъ выгоды всѣ разочтя,
Я этимъ даже бъ веселился.
Все можно перенять у нихъ;
И я... когда бъ меня узнали....
Не караулилъ бы другихъ,
Меня бы караулить стали!

Для женщинъ, надобно считать
Наукой самою полезной:
Хорошенькой мужчинъ прельщать,
Дурной стараться быть любезной!
Все можно бъ перенять у нихъ,
И я, когда бъ меня узнали...
Не караулилъ бы другихъ,
Меня бы караулить стали!

—

XVI.

ВИКТОРЪ, Г-ЖА КОГО (*въ нарядномъ чепчикѣ и нарумянившись*).

Г-ЖА КОГО.

Это онъ? И одинъ! Какое счастіе!

ВИКТОРЪ.

Ахъ, Боже мой! Это она! Какое несчастіе!

г-жа кого.

Вотъ забавно! Ужъ не меня ли вы караулите, г. Викторъ?

викторъ.

Совсѣмъ нѣтъ.

г-жа кого.

Но такой караульный не ужасенъ. Я признаюсь, вы такъ милы, такъ хороши собою, и такъ скромны, какъ дѣвушка!

викторъ.

Извините, я совсѣмъ не похожъ на дѣвушку.

г-жа кого.

За что-жъ сердиться за такое сравненіе? Неужели вы не любите женщинъ?

викторъ.

Люблю, да не всѣхъ.

г-жа кого.

Это разумѣется; однако-жъ тѣхъ, которыя васъ любятъ и ласкаютъ?

викторъ.

Покорно васъ благодарю, не безпокойтесь.

г-жа кого.

Что это значитъ? Ужъ не думаете ли вы, что я въ васъ влюбилась?

викторъ, (*испугавшись*).

Ахъ, нѣтъ, ей Богу нѣтъ! Какъ это можно!

г-жа кого.

Оно можно, но я слишкомъ благоразумна.

викторъ.

Разумѣется.

г-жа кого.

Тутъ ничего не разумѣется, потому что и я могу нравиться.

викторъ.

Конечно, если вы добры.

г-жа кого.

Напротивъ, я разумѣю нравиться лицемъ. (*Викторъ смѣется*). Чему вы смѣетесь? подойдите!

викторъ.

Нѣтъ, я ни за что не подойду (*всторону*). Я начинаю бояться.

г-жа кого.

Будьте же смѣлѣе, а ужъ я не разсержусь.

викторъ.

Ахъ, Боже мой! Да чего вы отъ меня хотите?

г-жа кого.

Такъ знайте же, что это очень неучтиво! И ужъ не мнѣ ли прикажите подойти первой?

викторъ.

Да я васъ не прошу безпокоиться.

г-жа кого, (*подходя къ нему ласково*).

Послушайте, миленькой г. Викторъ...

викторъ.

Ахъ! отвяжитесь, ради Бога! Я васъ боюсь!

г-жа кого.

Ахъ ты дерзкій мальчишка!

викторъ, (*испугавшись, кричитъ*).

Господа, господа! Спасите меня отъ этой старой дуры!

г-жа кого, (*бѣгая за Викторомъ*).

Прежде, чѣмъ прибѣгутъ они, я выцарапаю тебѣ глаза за такія дерзости!

—

XVII.

ТѢЖЕ И ВСѢ МАЛЬЧИКИ, (*вбѣгая*).

ВСѢ.

Похищеніе, похищеніе!

Г-ЖА КОГО.

Вы врете! Но этотъ дерзкій мальчишка осмѣлился назвать меня дурой!

ВСѢ, (*смѣются*).

Дурой, старой дурой!

ВИКТОРЪ.

Посмотрите, какъ она нарумянилась!

ВСѢ.

Нарумянилась, нарумянилась!

Г-ЖА КОГО, (*въ бѣшенствѣ*).

Я нарумянилась! Ахъ, вы мерзавцы! Но это не пройдетъ вамъ даромъ, и я подамъ на васъ просьбу. Но вотъ и наши! Теперь мы раздѣлаемся! (*въ дали видны Форстмейстеръ и крестьяне*).

ФЕЛИКСЪ.

Господа, насъ атакуютъ За мною, за мною! (*уходятъ и выстраиваются на стѣнѣ парка*).

—

XVIII.

ТѢЖЕ, ФОРСТМЕЙСТЕРЪ, ВАЛЬИ, НОТАРІУСЪ И КРЕСТЬЯНЕ, (*вооруженные чѣмъ-ни-попало*).

ХОРЪ КРЕСТЬЯНЪ.

Друзья, впередъ! Друзья за нимъ!
Онъ предводительства достоинъ;
Мы съ нимъ конечно побѣдимъ,
И видѣнъ по походкѣ воинъ.

ФОРСТМЕЙСТЕРЪ.

Друзья, во фрунтъ! Равняйся! стой!
Мы побѣдимъ во что бъ ни стало;
А ужъ начальникъ вашъ такой,
Какихъ, конечно, не бывало.

ХОРЪ.

Друзья, впередъ! Друзья за нимъ! и проч.

ХОРЪ МАЛЬЧИКОВЪ.

Что за войско! Это должно
Намъ для смѣха срисовать,
И надъ ними невозможно
Отъ души не хохотать!

ФОРСТМЕЙСТЕРЪ.

Друзья и воины! Вспомните, какъ здѣсь однажды прославились наши соотечественники! Я знаю васъ, вы знаете меня, чего жъ болѣе? Впереди ожидаетъ насъ побѣда, назади заборъ и не куда выдти. Довольно ли вамъ этого?

ХОРЪ КРЕСТЬЯНЪ.

Друзья, впередъ! Друзья за нимъ, и проч.

ХОРЪ МАЛЬЧИКОВЪ.

Онъ стращаетъ, вотъ забавно!
Хочетъ насъ перепугать.
Лучше драться, это славно!
Мы привыкли воевать!

ФЕЛИКСЪ.

И такъ, господа, что вамъ отъ насъ угодно?

ФОРСТМЕЙСТЕРЪ.

Чтобъ вы сейчасъ положили ружья и шли подъ арестъ.

ВСѢ.

Ни за что на свѣтѣ!

БАЛЬИ.

Господинъ Форстмейстеръ! Они хотятъ драться, и это дѣло становится серьезнымъ. Не лучше ли предложить имъ сдаться на капитуляцію?

ФОРСТМЕЙСТЕРЪ.

Нѣтъ, господинъ Бальи; въ этихъ случаяхъ нужна твердость, и вы увидите. Господа! извольте слушать ваше обвиненіе. Господинъ Бальи, читайте.

ВСѢ

Послушаемъ, послушаемъ, что за глупости.

БАЛЬИ.

Глупости!

ФОРСТМЕЙСТЕРЪ, (*важно*).

Читайте!

БАЛЬИ.

Глупости! (*читаетъ*) «Сего 1822 года, такого-то дня и мѣсяца, господинъ Форстмейстеръ и кавалеръ...

МАЛЬЧИКИ, (*смѣются*).

И кавалеръ, и кавалеръ!

ФОРСТМЕЙСТЕРЪ.

Это пустяки, пустяки! Продолжайте, продолжайте!

БАЛЬИ, (*читаетъ*).

«И кавалеръ объявилъ, что неизвѣстные молодые люди стрѣляли здѣсь въ неузаконенное время безъ его позволенія, и когда онъ хотѣлъ ихъ арестовать...

МАЛЬЧИКИ, (*между собою*).

Арестовать, арестовать!

БАЛЬИ.

«То они сему воспротивились, называя его сумасшедшимъ.

Г-ЖА КОГО.

А меня старою дурой. (*мальчики смѣются*).

ФОРСТМЕЙСТЕРЪ, (*г-жѣ Кого*).

Не мѣшайте, ради Бога! Это дѣловая бумага. Г. Бальи, дочитывайте!

БАЛЬИ.

«За сіе опредѣлено: у сихъ неизвѣстныхъ озорниковъ отнять ружья, и...

МАЛЬЧИКИ.

Нѣтъ, нѣтъ, и мы объявляемъ войну!

ФОРСТМЕЙСТЕРЪ.

А! если такъ... за мною! (*Думая, что за нимъ*

всѣ идутъ, доходитъ до половины сцены; Феликсъ въ него прицѣливается; Форстмейстеръ, испугавшись, бѣжитъ назадъ и теряетъ свой плащъ). Подымите плащъ! Слышите ли, подымите мой модный плащъ!

БАЛЬИ.

Господинъ Форстмейстеръ, я вамъ совѣтую оставить имъ ружья.

ФОРСТМЕЙСТЕРЪ.

Вы это совѣтуете?

ФЕЛИКСЪ.

Соглашайтесь, а не то война!

ФОРСТМЕЙСТЕРЪ.

Соглашаюсь (*Бальи*). Мнѣ кажется, что одни ружья ничего не значутъ.

БАЛЬИ.

Разумѣется.

ФЕЛИКСЪ.

Теперь мы предлагаемъ вамъ капитуляцію: не считать насъ арестантами и дать намъ славный обѣдъ.

ФОРСТМЕЙСТЕРЪ.

Нѣтъ, нѣтъ, пустое, и вамъ ли мнѣ приказывать!

БАЛЬИ, (*Форстмейстеру*).

Почему жъ не согласиться.... я истинно опасаюсь...

ФОРСТМЕЙСТЕРЪ.

Такъ вы совѣтуете?...

МАЛЬЧИКИ.

Обѣдъ или война!

ФОРСТМЕЙСТЕРЪ.

Соглашаюсь, соглашаюсь! Я думаю, что это не дурно, господинъ Бальи.

БАЛЬИ.

Даже очень хорошо, господинъ форстмейстеръ.

ФЕЛИКСЪ.

Наконецъ мы требуемъ, чтобъ г. форстмейстеръ отказался отъ своей невѣсты, и чтобъ Бабету выдали за Алина.

Г-ЖА КОГО.

За Алина? что это значитъ!

ФОРСТМЕЙСТЕРЪ.

Возможно ли! Но вы меня узнаете. Друзья, къ сраженію, къ генеральному сраженію! Я командую центромъ, лѣвымъ крыломъ командуетъ г. Бальи, а правымъ крыломъ г-жа Кого.

Г-ЖА КОГО.

Что за вздоръ! Я вижу, что у васъ самихъ подкосились крылья.

ФОРСТМЕЙСТЕРЪ.

Друзья, не выдайте чести нашего оружія: за мною, за мною!

Г-ЖА КОГО.

А я бѣгу и спрячусь: это всего лучше. (*уходитъ*).

(*Всѣ доходятъ до половины сцены, но при первомъ выстрѣлѣ убѣгаютъ за кулисы. Мальчики смѣются, а Форстмейстеръ, не показываясь, машетъ изъ-за кулисы бѣлымъ платкомъ и кричитъ:*)

ФОРСТМЕЙСТЕРЪ.

Не стрѣляйте, не стрѣляйте! Парламентеръ, парламентеръ.

ФЕЛИКСЪ.

Парламентеръ, подходи ближе.

ФОРСТМЕЙСТЕРЪ, (*выходя одинъ на сцену*).

И такъ, милостивые государи!...

НОТАРІУСЪ, (*вбѣгая*.)

Господинъ форстмейстеръ, господинъ форстмейстеръ, вашъ центръ не хочетъ драться.

ФОРСТМЕЙСТЕРЪ.

Не вѣрю, не бойтесь и подождите. (*Нотаріусъ убѣгаетъ.*) И такъ, милостивые государи....

БАЛЬИ, (*вбѣгая*).

Господинъ форстмейстеръ, господинъ форстмейстеръ, мое лѣвое крыло летитъ черезъ заборъ!

ФОРСТМЕЙСТЕРЪ.

Бѣгите и держите. (*Бальи убѣгаетъ*). И такъ, милостивые государи, мы васъ прощаемъ, но съ тѣмъ, чтобъ намъ можно было ретироваться, потому что сзади заборъ, и намъ не куда выдти.

ВСѢ.

Нѣтъ, сватьба или война!

ФОРСТМЕЙСТЕРЪ.

Но подумайте....

ВСѢ.

Сватьба или война!

ФОРСТМЕЙСТЕРЪ.

...аюсь, соглашаюсь!

ВСѢ.

Ура! побѣда!

ФОРСТМЕЙСТЕРЪ, (*выходящимъ на сцену крестьянамъ*).

Господа, сюда, не бойтесь! Все кончено благополучно!

ФЕЛИКСЪ.

А нашъ гарнизонъ съ военною почестью сейчасъ будетъ мимо васъ делафитировать. (*Мальчики сходятъ съ террасы.*)

ФОРСТМЕЙСТЕРЪ, (*крестьянамъ.*)

Стройтесь, стройтесь! Я вамъ говорилъ, господинъ Бальи, что ихъ можно будетъ повернуть по своему.

БАЛЬИ.

Я очень радъ, что для общей пользы это кончилось безъ кровопролитія.

ХОРЪ МАЛЬЧИКОВЪ.

Побѣда! Храбрые друзья!
Война для насъ забава,
И всѣмъ товарищамъ ружья
Всего дороже слава!
Мы настояли на своемъ:
Ждемъ сватьбы и обѣда,
И веселимся и поемъ:
Побѣда и побѣда!

ФЕЛИКСЪ.

Съ плеча! Разъ! два! Ну, господинъ форстмейстеръ, прошу съ нами подружиться.

ФОРСТМЕЙСТЕРЪ.

О! повѣрьте, что мнѣ самому давно хотѣлось съ вами познакомиться.

ВИКТОРЪ, (*подбѣгая къ двери*).

Бабета! Бабета!

ВСѢ.

Алинъ! Алинъ! Сюда скорѣе!

—

XIX.

ТѢЖЕ, Г-ЖА КОГО *съ* БАБЕТОЮ, АЛИНЪ (*съ другой стороны.*)

Г-ЖА КОГО.

Что за крикъ? Что здѣсь дѣлается? И кому какая надобность до Бабеты?

ФЕЛИКСЪ.

Мы ее выдаемъ замужъ, и вотъ ея женихъ.

Г-ЖА КОГО.

Господинъ Форстмейстеръ, что это значитъ?

ФОРСТМЕЙСТЕРЪ.

Я раздумалъ жениться.

Г-ЖА КОГО.

Но я не выдаю ее за Алина.

ФЕЛИКСЪ.

Госпожа Кого, уймитесь, а не то будетъ худо.

Г-ЖА КОГО.

Я васъ не боюсь.

ФОРСТМЕЙСТЕРЪ.

Согласитесь, я вамъ это дружески совѣтую.

Г-ЖА КОГО.

Я плюю на ваши совѣты.

ВИКТОРЪ.

Любезная госпожа Кого! Пожалуйста согласитесь; я васъ за это разцѣлую!

Г-ЖА КОГО.

Онъ меня разцѣлуетъ! возможно ли отказать этому прелестному мальчику?

ВСѢ.

Браво, браво!

ФЕЛИКСЪ.

Ну, поздравляю васъ, женихъ и невѣста!

БАБЕТА.

Покорно васъ благодарю, господа офицеры! Покорно васъ благодарю, тетушка!

АЛИНЪ.

А я ужъ не знаю, какъ и благодарить васъ.

БАБЕТА.

Мы вѣрно и впредь будемъ съ вами знакомы?

АЛИНЪ, *(всторону)*.

Вотъ это безъ всякой надобности.

ФЕЛИКСЪ.

Ну, господинъ форстмейстеръ, каковы наши подвиги?

ФОРСТМЕЙСТЕРЪ.

Я молчу; эти вещи судятъ посторонніе.

ФЕЛИКСЪ.

Шалить бѣда не велика,
Но здѣсь мы съ пользою шалили:
Спасли отъ сватьбы старика,
И двухъ любовниковъ женили.
Алинъ, однако-жъ, никого
Изъ насъ къ себѣ не приглашаетъ....
Я не скажу вамъ, отъ чего....

(Взглянувъ на Бабету.)

Но это всякой отгадаетъ.
Трала-дери-дера.

ВИКТОРЪ.

Пусть я на дѣвушку похожъ,
Что-жъ за несчастье тутъ такое?
И если точно я хорошъ,
Такъ это дѣло не дурное.
Когда жъ кто на меня глядитъ,
Такъ безъ того не проходило,
Всегда тихонько говоритъ,
Однако-жъ такъ, чтобъ слышно было:
Трала-дери-дера.

Г-ЖА КОГО.

Я вижу, мало барыша
Желать понравиться повѣсамъ;
Я не стара и хороша,
И женщина, конечно, съ вѣсомъ;
Но здѣсь мужчины таковы,
Что ласки ихъ не восхищаютъ.
Посмотрятъ съ ногъ до головы,
И мнѣ съ насмѣшкой отвѣчаютъ:
Трала-дери-дера!

ФОРСТМЕЙСТЕРЪ.

Со мной, напротивъ, никогда
Такъ женщины не обращались;
Но были ласковы всегда,
И очень вѣжливо смѣялись:
Кого жъ клялся я обожать,
Такъ тѣхъ признанье не сердило:
Просили только подождать
И отвѣчали очень мило....
Трала-дери-дера.

БАБЕТА.

Я признаюсь, насъ больше всѣхъ
Пугаетъ критики сужденье;
Но нашъ и автора успѣхъ
Рѣшитъ здѣсь ваше снисхожденье.
Я страхъ боюсь, чтобъ на вопросъ:
Какъ вамъ понравились куплеты?...
Мнѣ автору бъ не довелось
Сказать, съ покорностью Бабеты,
Трала-дери-дера.

НОВЫЙ ПАРИСЪ.

ОПЕРА-ВОДЕВИЛЬ ВЪ ОДНОМЪ ДѢЙСТВІИ.

ДѢЙСТВУЮЩІЕ.

Г. Мишо, арендаторъ.

Фаншета, }
Клара, } его воспитанницы.
Викторина }

Г-жа Рондо, ихъ сосѣдка.

Ліонель, волонтеръ.

Алинъ.

Вальи.

Крестьяне и крестьянки.

НОВЫЙ ПАРИСЪ.

Театръ представляетъ съ одной стороны домъ г. Мишо, а съ другой домъ г-жи Рондо.

I.

ФАНШЕТА, (*одна, выходя изъ дому*).

Сего-дня у насъ праздникъ Розы... Что если-бъ роза мнѣ досталась! Но это мудрено, потому что у насъ много хорошенькихъ дѣвушекъ, а особливо мои сестрицы! Если-жъ это случится, то я выйду замужъ за Алина и избавлюсь отъ нашего опекуна, который хочетъ на мнѣ жениться. Этому не бывать, однако-жъ, потому что онъ старикъ, а я молода, и потому что я его не люблю, и потому что не хочу любить; а онъ, не смотря на это, все-таки надоѣдаетъ, какъ и другіе.

Лишь только я куда пойду,
Тотчасъ ужъ кто нибудь на встрѣчу;
Я убѣгу, когда примѣчу,
Не то — отвѣтовъ не найду.

ФАНШЕТА.

Нѣтъ, нѣтъ, я на это очень догадлива....

Въ свиданье первое съ тобой
Я, помню, очень оробѣла;
Ты все стоялъ передо мной,
А я молчала и краснѣла.
Прощаясь, насъ ты провожалъ,
Я на тебя взглянуть боялась...
Ты мнѣ ни слова не сказалъ,
Но я однако-жъ догадалась.

Въ другой случилось это разъ:
Со мной Бальи заговорился,
Ты пристально взглянулъ на насъ,
И отъ меня отворотился.
Ты началъ говорить съ другой,
А я нарочно все смѣялась;
Ты не поссорился со мной,
Но я однако-жъ догадалась.

Недавно мнѣ сказалъ Алинъ:
Рѣши судьбу мою, Фаншета!
Я отъ тебя... ты не пускалъ,
И съ страхомъ ожидалъ отвѣта.
Ахъ, если-бъ знала, что терплю,
Ты говорилъ и все боялся...
Я не призналась, что люблю,
Но ты однако-жъ догадался.

(*Въ это время г-жа Рондо отворяетъ тихонько окошко и подсматриваетъ*).

АЛИНЪ.

За это стоитъ поцѣловать у тебя ручку, милая Фаншета! (*цѣлуетъ у нее руку*).

ФАНШЕТА

Алина ждетъ давно Фаншета!
Зачѣмъ же мѣшкаетъ Алинъ?

АЛИНЪ, (*подбѣгая*).

Фаншета здѣсь! Сойди скорѣе!

ФАНШЕТА.

Какъ рада я! какъ веселъ онъ!

ВМѢСТѢ.

Ахъ! если кто въ кого влюбленъ,
Вдвоемъ гораздо веселѣе!

АЛИНЪ.

Вотъ это хорошо, хорошо, милая Фаншета, что ты сдержала свое обѣщаніе.

ФАНШЕТА.

О! ужъ если я что сказала, такъ это всегда вѣрно; но берегись, ради Бога, чтобъ г. Мишо не засталъ насъ.

АЛИНЪ.

Но отъ чего твой опекунъ меня не любитъ?

ФАНШЕТА.

Это очень понятно: онъ тебя не любитъ потому, что я люблю тебя.

АЛИНЪ.

А развѣ онъ говорилъ тебѣ?

ФАНШЕТА.

О, нѣтъ, но я догадываюсь.

АЛИНЪ.

Такъ повѣрь же, что онъ этого не знаетъ.

ФАНШЕТА.

Нѣтъ, нѣтъ, она не изъ такихъ! Но я слышу голосъ г. Мишо! Уйди, уйди скорѣе! (*Алинъ убѣгаетъ*).

III.

ФАНШЕТА, (*одна*).

Что мнѣ теперь дѣлать? Эта злая г-жа Ранидо только тѣмъ и живетъ, чтобъ подслушивать, съ досады, что ее никто не слушаетъ, и за всѣми подсматриваетъ, тоже съ досады, что на нее никто не смотритъ. О! если ужъ пошло на досады, такъ я сама отдѣлачу ей... Постой же!... Славная выдумка! — Идутъ!... чего же лучше! (*отнимаетъ розу и бросаетъ ее къ дверямъ, а сама всходитъ на дерево*).

IV.

ФАНШЕТА, МИШО.

МИШО, (*не видя Фаншеты*).

Возможно ли? Какая дерзость! Рвать мои розы! Но это однако-жъ кстати, и я подарю ее на сегодняшній праздникъ моей прекрасной Фаншетѣ. Она покоится... а я жду и страдаю; вотъ что значитъ влюбиться!

ФАНШЕТА.

Я здѣсь, я здѣсь, а вы меня
Не видите, не стыдно ль это?

МИШО.

Что слышу я? Что вижу я?
Лечу, лечу къ тебѣ, Фаншета!

ФАНШЕТА.

Ахъ, берегитеся упасть!

МИШО.

Меня поддерживаетъ страсть.
Тотъ вѣчно юнъ, кто любитъ страстно!

ФАНШЕТА.

Оно прекрасно, да напрасно!

МИШО.

Я восхищенъ нашею встрѣчею! Но какъ ты здѣсь очутилась такъ рано.

ФАНШЕТА.

Нарочно для того, чтобъ первой поздравить васъ съ сегодняшнимъ праздникомъ.

МИШО.

За это вотъ тебѣ розанчикъ, моя красавица!

ФАНШЕТА, (*всторону*).

Все идетъ какъ мнѣ хочется! Теперь надобно только, чтобъ онъ поцѣловалъ у меня руку.

МИШО, (*всторону*).

Она сего-дня необыкновенно со мною ласкова. О! я всегда былъ счастливъ въ женщинахъ. На-

добно непремѣнно ей открыться. (*вслухъ*) Долго скрывался я....

ФАНШЕТА.

Ахъ, Боже мой!

МИШО, (*всторону*).

Она робѣетъ! Тѣмъ лучше! (*вслухъ*) Долго скрывался я....

ФАНШЕТА.

Ахъ, Боже мой! Какъ я вашимъ розаномъ уколола себѣ руку!

МИШО.

Гдѣ? гдѣ? покажи скорѣе!

ФАНШЕТА.

Ничего, это пройдетъ. Ахъ, какъ больно!

МИШО.

Я ничего не вижу.

ФАНШЕТА.

Вотъ здѣсь, мнѣ кажется.

МИШО.

Это ничего не значитъ.... Но что за ручка! (*цѣлуетъ*).

ФАНШЕТА.

Ахъ, полноте! какъ это можно! (*всторону*) Поцѣловалъ! Ну, теперь я спокойна.

МИШО, (*всторону*).

Она не сердится! Славно! Надобно поскорѣе докончить. (*вслухъ*) Долго скрывался я....

ФАНШЕТА.

Какъ бы я желала, г. Мишо, чтобъ мнѣ досталась сегодня и другая роза!

МИШО.

Разумѣется, на нашемъ праздникѣ, чтобъ выбрать самой жениха себѣ; но я не допущу до этого безъ согласія вашего отсутствующаго дяди.

ФАНШЕТА.

Вотъ хорошо! Но выбирать
Мы сами, кажется, умѣемъ,
И если дядюшки намъ ждать,
То мы состарѣться успѣемъ.

МИШО.

Но такъ спѣшить не хорошо,
А молодость всего глупѣе.

ФАНШЕТА.

Что-жъ дѣлать, г. Мишо!
И старость часто не умнѣе.

МИШО.

Къ несчастью, очень часто, и этому примѣръ нашъ Бальи, который вздумалъ за тебя свататься.

ФАНШЕТА.

Это очень смѣшно! Да онъ мнѣ годится въ дѣдушки, и онъ, я думаю, не моложе....

МИШО.

Годомъ моложе или старѣе, это ничего не значитъ! но какъ можно, чтобъ Бальи....

ФАНШЕТА.

Разумѣется!

мишо, (*всторону*).

Надобно непремѣнно докончить мою декламацію. (*вслухъ.*) Долго скрывался я....

ФАНШЕТА.

И посмотрите, какъ я его отдѣлаю.

МИШО.

А что жъ ты ему скажешь? Это очень любопытно?

ФАНШЕТА.

Положимъ нарочно, что вы Бальи и дѣлаете мнѣ предложеніе, а я стану отвѣчать на это.

МИШО.

Прекрасно, прекрасно, и посмотри, какъ я забавно его представлю....

Ты быть невѣстой ужъ готова!

ФАНШЕТА.

Конечно-съ, мнѣ пятнадцать лѣтъ.

МИШО.

И мужа выберешь любова?

ФАНШЕТА.

Конечно-съ, мнѣ пятнадцать лѣтъ.

МИШО.

Я впрочемъ самъ женихъ богатый;
Во мнѣ непостоянства нѣтъ.

ФАНШЕТА.

Но вамъ пошелъ шестидесятый,
А мнѣ пятнадцать только лѣтъ!

МИШО.

Славно, славно! Но разумѣется, что ты говоришь это господину Бальи?

ФАНШЕТА.

Ужъ конечно. Я васъ люблю особенно.

МИШО, (*всторону*).

Особенно! (*вслухъ*). Это сильно сказано для того, кто умѣетъ понимать вещи! Особенно! Теперь ужъ нечего бояться. Долго скрывался я....

ФАНШЕТА.

Ну! вотъ и наша сосѣдка. (*всторону*) Какъ-то я отъ нее отдѣлаюсь.

МИШО, (*всторону*).

Она мнѣ помѣшала въ самомъ рѣшительномъ мѣстѣ.

—

V.

ТѢЖЕ, Г-ЖА РОНДО.

Г-ЖА РОНДО.

Здраствуйте, г. Мишо! Я имѣю до васъ важное дѣло.

МИШО.

Что вамъ угодно? Объяснитесь!

Г-ЖА РОНДО.

Удалите прежде эту дѣвочку.

ФАНШЕТА.

Здраствуйте, г-жа Рондо! Все ли вы въ добромъ здоровьѣ?

Г-ЖА РОНДО.

Слава Богу, сударыня! (*всторону*). Она ко мнѣ ласкается, но это не поможетъ.

МИШО.

Но помилуйте! какіе у насъ могутъ быть секреты?

Г-ЖА РОНДО.

Какихъ вы не ожидаете.

МИШО.

Если такъ, то милая Фаннета оставитъ насъ на минуточку.

ФАНШЕТА.

Прощайте г-жа Рондо!

Г-ЖА РОНДО.

Прощайте, сударыня! (*Фаншета уходитъ*).

—

VI.

МИШО, Г-ЖА РОНДО.

Г-ЖА РОНДО.

Знаете ли вы, г. Мишо, что у васъ дѣлается въ домѣ?

МИШО.

Разумѣется, что знаю.

Г-ЖА РОНДО.

Напротивъ, вы спите и ничего не знаете.

МИШО.

Вы меня обижаете, г-жа Рондо! Но что жъ это такое?

Г-ЖА РОНДО.

Знаете ли вы, что нравственность воспитанницъ должна быть первымъ попеченіемъ благоразумнаго опекуна?

МИШО.

Безъ предисловія. Я знаю свою обязанность, милостивая государыня.

Г-ЖА РОНДО.

Опекуна однако-жъ долгъ:
Все знать о молодыхъ дѣвицахъ,
Чтобъ онъ по крайней мѣрѣ могъ
Ихъ въ должныхъ удержать границахъ:
А вы, какъ многихъ знаю я,
Для выгоды, или для моды,
На поведенье не смотря,
Лишь обираете доходы.

МИШО.

Напротивъ, я пекусь о томъ и о другомъ, какъ нельзя болѣе.

Г-ЖА РОНДО.

Итакъ, знаете ли вы, что ваша Фаншета назначаетъ здѣсь любовныя свиданія?

МИШО, (*всторону*).

Такъ и есть: она вѣрно за нами подсмотрѣла. (*вслухъ*.) Я все знаю, г-жа Рондо; но это въ настоящемъ отношеніи ничего не значитъ.

Г-ЖА РОНДО.

Я не знаю ни какихъ отношеній, но видѣла, что ей дарятъ розаны.

МИШО.

Очень знаю, потому что его подарилъ я.

Г-ЖА РОНДО.

А я вамъ говорю, что его подарилъ Алинъ, и это такъ вѣрно, какъ я васъ вижу.

МИШО.

Это доказываетъ, что вы плохо видите.

Г-ЖА РОНДО.

Напротивъ, это доказываетъ, что вы сами ничего не видите; но я говорю и докажу, что это былъ Алинъ.

МИШО.

А я вамъ говорю и докажу, что это былъ я, я, именно я!

Г-ЖА РОНДО, (*смѣясь*).

Очень хорошо, это были вы.... положимъ.... это были вы, я васъ поздравляю; вы подарили ей розанъ и больше ничего не было?

МИШО.

И больше ничего не было.

Г-ЖА РОНДО.

Такъ узнайте же, что было гораздо болѣе: ей подарили розанъ и цѣловали руку.

МИШО.

Да, да, цѣловали руку и это очень натурально!

Г-ЖА РОНДО.

Боже мой! Алинъ цѣловалъ у нее руку, и онъ говоритъ, что это очень натурально!

МИШО.

Вы лжете, это цѣловалъ я.

г-жа рондо.

Вы сами лжете! Это былъ Алинъ, и я не такъ слѣпа, чтобъ не могла отличить двадцатилѣтняго отъ столѣтняго.

мишо.

Отъ столѣтняго! отъ столѣтняго... въ котораго вы влюблены, и за котораго хотите выдти замужъ!

г-жа рондо.

Я влюблена? Вы съ ума сошли послѣ этого! И какая порядочная дѣвушка захочетъ имѣть такого мужа?

И что завиднаго въ васъ есть?
Во первыхъ: вы ужасно скупы,
И столько лѣтъ, что трудно счесть,
И разсказать нельзя какъ глупы?
Съ созданья міра вашъ отецъ
Торжествовалъ вашъ день рожденья,
И вы хотите наконецъ
Прожить до свѣтапреставленья!

мишо.

Все, что вамъ угодно! Но это не поможетъ.

г-жа рондо.

А я всѣмъ и каждому разскажу, докажу и присягну, что это былъ Алинъ, и Фаншета конечно не получитъ сегодня торжественной розы.

—

VII.

ТѢЖЕ, БАЛЬИ.

БАЛЬИ.

Возможно ли! Шумъ и ссора! Не стыдно ли почтенные сосѣди?

Г-ЖА РОНДО.

Будьте нашимъ судьею, г. Бальи. Я узнала, что Фаншета назначаетъ здѣсь свиданія, и что Алинъ....

МИШО.

Не правда, г. Бальи! Это былъ я.

БАЛЬИ.

Продолжайте, продолжайте, госпожа Рондо.

Г-ЖА РОНДО.

Я узнала, что Алинъ даритъ ей розаны и даже цѣлуетъ ее.

МИШО.

Она лжетъ, г. Бальи; ее цѣловалъ я, именно я.

БАЛЬИ.

Г. Мишо, опомнитесь! Что вы говорите? Я имѣю на эту дѣвушку законные виды, просилъ васъ меня сосватать, а вы ее цѣлуете!

МИШО, (*всторону*).

Ну, попался я въ славную исторію! (*вслухъ*). Это ничего не значитъ, г. Бальи! Я поцѣловалъ ее просто по дружбѣ.

БАЛЬИ.

Я не люблю дружбы, которая цѣлуется, и открываю ваше коварство, чтобъ вмѣсто меня самому

на ней жениться; но вы меня знаете, и я требую сатисфакціи!

г-жа рондо, (*всторону*).

Они ссорятся! Славно! Чѣмъ-то кончится?

мишо, (*всторону*).

Вотъ до чего доводятъ насъ шалости! (*вслухъ*) Г. Бальи! позвольте васъ спросить, что вы разумѣете подъ словомъ: сатисфакція?

бальи.

Рѣзаться или стрѣляться: выбирай любое.

г-жа рондо, (*всторону*).

Ахъ! Боже мой! Это дуэль! Надобно бѣжать, разсказать и предупредить это кровопролитіе! (*уходитъ*).

—

VIII.

бальи, мишо.

мишо.

Г. Бальи! Вы видите, что я не трусъ; но прежде должно объясниться.

бальи.

Это, милостивый государь мой, совсѣмъ не трудно.

Вы вспомните, я вѣчно былъ
Вашъ командиръ и вашъ пріятель.
И тотъ, кто это позабылъ,
Тотъ послѣ этого предатель!

МИШО.

Но горячиться такъ за что?
Вы шутите, я полагаю.

БАЛЬИ.

Что вы обманщикъ, какъ никто,
Я вамъ серьёзно повторяю.

МИШО.

А! а! Серьёзно, а не то
Такихъ я шутокъ не прощаю!

БАЛЬИ.

Словомъ сказать, Фаншета мнѣ дороже жизни, и вы меня знаете?...

МИШО.

Такъ знайте же послѣ этого, что и я слишкомъ увѣренъ въ себѣ, чтобъ бояться соперниковъ. (*всторону.*) О, я всегда былъ счастливъ въ женщинахъ.

IX.

ТѢЖЕ, АЛИНЪ.

АЛИНЪ.

Господинъ Бальи! Вотъ письмо, которое сейчасъ привезъ къ вамъ нарочный.

БАЛЬИ.

Подай скорѣе! (*смотритъ надпись*). Письмо не ко мнѣ, а вотъ къ этому господину.

МИШО.

Письмо и черная печать! Что это значитъ?

БАЛЬИ, (*всторону*).

Черная печать? Подожду, это очень любопытно.

МИШО, (*распечатываетъ письмо, читаетъ, но не можетъ прочесть*).

Эй, дѣвицы, дѣвицы!

АЛИНЪ.

Прикажите позвать?

МИШО.

Не нужно, дѣвицы, пожалуйте сюда скорѣе!

—

X.

ТѢЖЕ, ФАНШЕТА, КЛАРА, ВИКТОРИНА.

МИШО.

Сейчасъ получилъ я отъ кого-то письмо, но оно такъ дурно написано, что невозможно разобрать. Прочитайте скорѣе.

ВИКТОРИНА.

Пожалуйте! (*читаетъ*). «Милостивый государь «Мой корреспондентъ въ Америкѣ увѣдомилъ «меня, что прошлаго года умеръ тамъ дядя «вашихъ воспитанницъ»...

ВСѢ ДѢВУШКИ.

Ахъ! бѣдный дядюшка!

МИШО.

Я говорилъ ему, что это худо кончится. Читайте далѣе.

ВИКТОРИНА.

Я не могу, мнѣ такъ жаль добраго нашего дядюшку!

БАЛЬИ.

У меня въ этихъ случаяхъ болѣе твердости. Позвольте, я тотчасъ дочитаю (*беретъ письмо и читаетъ*). «Посылаю вамъ духовное его завѣщаніе; означенные же въ ономъ шестьдесятъ «тысячъ франковъ получите вы черезъ банкира. «Вашъ покорный слуга, и проч.» Шестьдесятъ тысячъ франковъ!

МИШО.

Шестьдесятъ тысячъ франковъ! Добрый родственникъ! Плачьте, плачьте, дорогія питомицы!

Вашъ дядя рѣдкой человѣкъ,
Прошу другаго мнѣ представить:
Кто наживалъ бы цѣлый вѣкъ,
Чтобъ послѣ все другимъ оставить.

ДѢВУШКИ.

Его оплакивать нашъ долгъ,
И намъ утѣшиться нѣтъ средства!

БАЛЬИ, (*всторону*).

Я самъ бы плакалъ, если бъ могъ
Такое получить наслѣдство!

МИШО.

Но дѣлать нечего; г. Бальи, читайте завѣщаніе.

БАЛЬИ, (*читаетъ*).

«Я, нижеименованный, завѣщаю благопріобрѣтен-«ные мною шестьдесятъ тысячъ франковъ тремъ «моимъ племянницамъ, каждой по ровну.»

МИШО.

Это очень справедливо!

БАЛЬИ.

Очень справедливо! (*читаетъ*). «Ферму же «мою во Франціи и сады, стоющіе пятьдесятъ «тысячъ франковъ, отдаю той изъ нихъ, которая «или всѣхъ хуже собою, или всѣхъ глупѣе, чтобы «богатство хотя нѣсколько вознаградило ее за «природные недостатки».

МИШО.

Возможно ли! Какая странность!

ДѢВУШКИ.

Ахъ, Боже мой! Это ни на что не похоже, и не грѣшно ли было дядюшкѣ такъ обижать насъ?

МИШО.

Напротивъ, онъ васъ награждаетъ.

БАЛЬИ, (*всторону*).

Той, которая всѣхъ хуже собою или глупѣе. По этому ферма не можетъ достаться Фаншетѣ.

КЛАРА.

И разсудите сами, кому пріятно быть всѣхъ хуже и глупѣе?

ВИКТОРИНА.

Что до меня, такъ мнѣ не надобно фермы.

ФАНШЕТА.

И мнѣ тоже, потому что я ужъ вѣрно не глупѣе другихъ.

МИШО.

Помилуйте! Въ умѣ ли вы? И что затѣваете?

ДѢВУШКИ.

Мы рѣшительно отказываемся отъ наслѣдства.

МИШО.

Скажите лучше, отъ своего счастія! Разсудите: красота проходитъ...

ВАЛЬИ.

А деньги остаются!

МИШО.

Я ждалъ ли глупости такой,
Давая умные совѣты!
И какъ съ пустою красотой
Сравнить существенность монеты?
И что за мысль? Что за расчетъ?
Для красоты терять наслѣдство!
И мужу надобенъ доходъ,
А ужъ конечно не кокетство.

И что такое красота?
Одни пустые комплименты!
Когда отъ денегъ польза та,
Что можно получать проценты.
Я первый дерзостью почту,
И самымъ глупымъ заблужденьемъ,
Кто движимую красоту
Сравнитъ съ недвижимымъ имѣньемъ!

КЛАРА.

Вы можете говорить все, что вамъ угодно, но я съ этимъ не согласна.

ВИКТОРИНА.

Всякой думаетъ по своему, господинъ Мишо.

ФАНШЕТА.

И мнѣ ферма конечно не достанется.

МИШО, (*всторону*).

Къ несчастью, это совершенная правда.

БАЛЬИ, (*отводя Мишо всторону*).

Господинъ Мишо! Я долго думалъ, но наконецъ дружба побѣдила всѣ личности. Помиримтесь: я уступаю вамъ Фаншету.

МИШО.

Знайте же, господинъ Бальи, что я не менѣе васъ великодушенъ. Вы влюблены въ Фаншету: женитесь, я отъ нее отказываюсь.

БАЛЬИ.

Нѣтъ, это ужъ слишкомъ много!

МИШО.

Скажите лучше, что это слишкомъ мало.

ФАНШЕТА.

Но если бы мы, господинъ Мишо, и хотѣли исполнить волю дядюшки, такъ кому же рѣшить: кто изъ насъ хуже или глупѣе?

МИШО.

Точно правда.

БАЛЬИ.

Позвольте, позвольте, я посмотрю, не сказано ли чего нибудь объ этомъ обстоятельствѣ. Такъ

точно! Тутъ есть Ро.scriptum (*читаетъ*). Чтобъ «избѣжать всякаго пристрастія, то первый путешественникъ долженъ рѣшить сказанный выборъ».

ЛАМИЪ.

А здѣсь кстати въ трактирѣ остановился какой-то военный.

БАЛЬИ.

Гг. Мишо, надобно сейчасъ исполнить волю завѣщателя.

ДѢВУШКИ.

Но мы этому судьѣ ни за что не покажемся.

МИШО.

Пустое, пустое, сударыни!... Господинъ Бальи, пойдемте! А вы сей-часъ извольте приготовиться.

—

XI.

ФАНШЕТА, КЛАРА, ВИКТОРИНА.

КЛАРА.

Ну, сестрицы, что намъ теперь дѣлать?

ФАНШЕТА.

Да, объ этомъ надобно хорошенько подумать.

ВИКТОРИНА, (*Фаншетѣ*).

Послушай, сестрица: у тебя ужъ есть женихъ, можно тебѣ кстати взять и ферму.

ФАНШЕТА.

То есть, быть самой дурной и глупой. Нѣтъ, я никакъ не соглашусь.

КЛАРА.

Пожалуйста согласись; вѣдь Алинъ тебя не разлюбитъ.

ФАНШЕТА.

Нѣтъ, я никакъ не соглашусь,
Изъ трехъ быть самою дурною;
И я за это побожусь,
Что я не хуже всѣхъ собою!

КЛАРѢ.

Тебѣ бы лучше, насъ любя,
Самой объ этомъ постараться,
И что за важность, что судья
Тобой не будетъ восхищаться,

КЛАРА.

Нѣтъ, я никакъ не соглашусь
Изъ трехъ быть самою дурною;
И въ этомъ я на всѣхъ пошлюсь,
Что я не хуже всѣхъ собою.

(*Викторинѣ*).

Сестрица милая, тебѣ
До свадьбы долго дожидаться...
Нельзя ли нашему судьѣ
Какъ можно хуже показаться?

ВИКТОРИНА.

Нѣтъ, я никакъ не соглашусь,
Изъ трехъ быть самою дурною,
И я за это побожусь,
Что я не хуже васъ собою.

ВМѢСТѢ.

Никто дурной не хочетъ быть:
Какъ самолюбіе тутъ видно!
И красотой такъ дорожить,
Ей Богу, это даже стыдно!

ФАНШЕТА.

Послушайте, сестрицы: мы по пустому споримъ, и можно ли нарочно сдѣлаться хуже? Если же судья, чтобъ насъ не обидѣть, скажетъ, что мы равно хороши, а захочетъ узнать, которая изъ насъ глупѣе, то пожалуй, если вы хотите, я притворюсь дурочкой: это все-таки легче.

КЛАРА.

Пожалуйста, Фаншета.

ВИКТОРИНА.

И тебѣ за это достанется дядюшкина ферма.

ФАНШЕТА.

А мы послѣ раздѣлимъ ее поровну. Но я вижу множество народу; это вѣрно нашъ судья! Уйдемте, уйдемте скорѣе! (*убѣгаютъ въ домъ*).

—

XII.

ЛІОНЕЛЬ, МИШО, БАЛЬИ, АЛИНЪ, ХОРЪ КРЕСТЬЯНЪ.

ХОРЪ.

Вотъ нашъ Парисъ! вотъ нашъ судья!
Что званья этого важнѣе?
Теперь обязанность твоя
Рѣшить, кто хуже и глупѣе.

ЛІОНЕЛЬ.

Ну, господа, прошу со мною познакомиться безъ церемоній. А вы, господинъ опекунъ, подавайте вашихъ воспитанницъ. Я люблю хорошенькихъ.

МИШО.

Ваша обязанность, г. судья, состоитъ въ томъ, чтобы выбрать изъ трехъ ту, которая всѣхъ хуже или глупѣе.

ЛІОНЕЛЬ.

Все слышалъ и все знаю. Да гдѣ же эти умницы и красавицы?

МИШО, (*тихо Бальи*).

Онъ очень молодъ, и это мнѣ не нравится.

БАЛЬИ, (*тихо Мишо*).

И слишкомъ воленъ въ обращеніи для молодыхъ дѣвушекъ.

ЛІОНЕЛЬ.

Признаюсь вамъ, господа, что я, какъ человѣкъ

военный, никакъ не ожидалъ сдѣлаться такимъ необыкновеннымъ судьею.

БАЛЬИ.

Это не совсѣмъ ново, любезный путешественникъ, и извѣстный Парисъ, изъ трехъ богинь красавицъ, вручилъ одной яблокъ въ знакъ предпочтенія.

ЛІОНЕЛЬ.

И ему за это ничего не досталось.

МИШО.

Безъ всякаго сомнѣнія.

ЛІОНЕЛЬ.

Вотъ это хорошо по крайней мѣрѣ. Давайте-жъ яблокъ и красавицъ.

МИШО.

Но я бы хотѣлъ предупредить васъ....

ЛІОНЕЛЬ.

Объ чемъ тутъ разговаривать. Скорѣе, господинъ опекунъ, по военному!... Когда бы я не шутя засѣлъ въ судейскія креела, то у меня бы дѣла пошли своимъ порядкомъ.

Если бъ сдѣлаться судьей
Довелось мнѣ въ самомъ дѣлѣ,
Канцелярскій штатъ бы мой
Шесть дней праздновалъ въ недѣлѣ,
А присутствовалъ въ седьмой.
Чтобъ дѣламъ лежать не тѣсно,
Я рѣшалъ бы ихъ словесно;
Справедливость бы любилъ,

Виноватыхъ бы тузилъ,
Говоря: вотъ вамъ награда!
И ни перьевъ, ни чернилъ,
Ни бумаги мнѣ не надо.

БАЛЬИ, (*всторону*).

Онъ не имѣетъ никакого понятія о гражданскомъ дѣлопроизводствѣ.

МИШО.

А я побѣгу и тотчасъ представлю вамъ моихъ воспитанницъ. Помните, господинъ судья, той, которая всѣхъ хуже и глупѣе!

ЛІОНЕЛЬ.

Не безпокойтесь, въ этомъ трудно ошибиться.

—

XIII.

ЛІОНЕЛЬ, БАЛЬИ.

БАЛЬИ.

Послушайте, господинъ судья! Вы мнѣ можете оказать важную услугу. Я намѣренъ жениться на одной изъ тѣхъ, которыя сей-часъ къ вамъ явятся, и если вы мнѣ поможете, то я отблагодарю васъ чувствительнымъ образомъ.

ЛІОНЕЛЬ.

Понимаю; но какъ зовутъ эту дѣвушку?

БАЛЬИ.

Это неизвѣстно покуда.

Я женщинами признаюсь,
Не ослѣпляюся наружно,
И хоть красавицамъ дивлюсь,
Но мнѣ совсѣмъ другое нужно:
Нельзя и правилъ ждать иныхъ
Въ таковъ благоразумномъ мужѣ,
И я женюсь на той изъ нихъ,
Которая всѣхъ будетъ хуже.

ЛІОНЕЛЬ.

И это гораздо легче.

БАЛЬИ.

И выгоднѣе несравненно.

—

XIV.

ТѢЖЕ, МИШО.

МИШО.

Ну, господинъ Бальи! Мнѣ съ ними никакъ не справиться. Представьте, что онѣ не предже хотятъ сюда явиться, пока я не соглашусь выдать Фаншету за Алина.

БАЛЬИ.

Чѣмъ же вы тутъ затрудняетесь.

ЛІОНЕЛЬ, (*тихо Бальи*).

Это видно не ваша?

БАЛЬИ.

Нѣтъ, она слишкомъ умна и хороша собою.

МИШО.

Такъ пособи же, покрайней мѣрѣ, уговорить ихъ поскорѣе.

БАЛЬИ.

Съ охотою. До свиданія, г. судья! (*тихо*). Не забудьте о моей просьбѣ и чувствительной благодарности.

ЛІОНЕЛЬ.

Будьте увѣрены, только пожалуйста поскорѣе.

МИШО.

О, повѣрьте, мой почтеннѣйшій, что мы не заставимъ васъ дожидаться. (*уходитъ*).

—

XV.

ЛІОНЕЛЬ, (*одинъ*).

Что ни говори, а славно сдѣлаться судьею. Одинъ обѣщаетъ благодарить меня, то есть, подарить, а другой тоже за мною ухаживаетъ. Если однако-жъ эти дѣвушки въ самомъ дѣлѣ хорошенькія, такъ ужъ извините, господа, а на это я самъ не промахъ.

Себѣ я лучшую изъ нихъ
Ужъ натурально выбираю.
За тс пожалуй остальныхъ,
Кому угодно уступаю.

А такъ судить я очень радъ:
Меня здѣсь служба не тревожитъ:
Когда военная въ накладъ,
Такъ мнѣ гражданская поможетъ.

(Увидя г-жу Рондо съ ея пріятельницами).

Ай, ай! — что за молодежъ?

—

XVI.

ЛІОНЕЛЬ, Г-ЖА РОНДО *(съ двумя пріятельницами).*

Г-ЖА РОНДО.

Такъ и есть. Они точно затѣваютъ дуэль. Вы вѣрно секундантъ, господинъ военный?

ЛІОНЕЛЬ.

Совсѣмъ нѣтъ. *(всторону)* Какія хорошенькія! *(вслухъ)* Я здѣсь по одному завѣщанію изъ трехъ дѣвицъ долженъ выбрать ту, которая всѣхъ хуже и глупѣе.

Г-ЖА РОНДО.

А! я слышала и теперь понимаю! но я никакъ не воображала, чтобъ вы были нашимъ судьею.

ЛІОНЕЛЬ, *(всторону).*

Ихъ судьею? Неужели это онѣ? Быть не можетъ!

Г-ЖА РОНДО.

Безпристрастіе, господинъ судья, должно быть первою вашею обязанностію.

ЛІОНЕЛЬ.

О, конечно! но согласитесь, что этотъ выборъ слишкомъ щекотливъ для нашего самолюбія? И вы сами, какъ женщина....

Г-ЖА РОНДО.

Дѣвица, сударь!

ЛІОНЕЛЬ, (*всторону*).

Дѣвица! Ужъ, ей Богу, не онѣ ли это? Я предчувствую мое несчастіе.

Г-ЖА РОНДО.

Сестры не должны знать соперничества и опекунъ вамъ засвидѣтельствуетъ....

ЛІОНЕЛЬ, (*всторону*).

Опекунъ? Это онѣ! Я пропалъ совершенно.

Г-ЖА РОНДО.

Той, господинъ судья, которая всѣхъ хуже и глупѣе.

ЛІОНЕЛЬ.

Такъ точно. (*подавая ей яблоко*). Не прикажете ли яблоко?

Г-ЖА РОНДО, (*взявъ яблоко*).

Покорно васъ благодарю. (*всторону*). Онъ очень вѣжливъ: это мнѣ нравится.

ЛІОНЕЛЬ, (*всторону*).

И она не выцарапала мнѣ глазъ! (*вслухъ*) послушайте! Я никакъ не ожидалъ такого великодушія, дорогая избранная! Но за это я васъ непремѣнно сосватаю.

Г-ЖА РОНДО.

Что это значитъ! и возможно ли это?

ЛІОНЕЛЬ.

О, серьёзно! господинъ Бальи просилъ меня предложить вамъ руку его и сердце, знаете, какъ обыкновенно говорится.

Г-ЖА РОНДО.

Этими вѣщами не шутятъ, г. судья!

ЛІОНЕЛЬ.

Какія же шутки, если человѣкъ женится.

Г-ЖА РОНДО.

Признаюсь, я никакъ не ожидала такого предложенія.

Въ замужствѣ, господинъ судья,
Я крайности не находила,
И сами видите, что я
Нисколько сватьбой не спѣшила.
Да и собой располагать
Намъ неподумавши опасно.

ЛІОНЕЛЬ.

И очень хорошо; подумайте, подумайте!

Г-ЖА РОНДО.

А если онъ не хочетъ ждать,
Такъ я недумавши согласна.

ЛІОНЕЛЬ.

Прекрасно и рѣшительно! Я люблю это.

Г-ЖА РОНДО.

А я не знаю, какъ благодарить васъ. Но скромность слишкомъ смущаетъ меня, и я должна при-

готовиться къ свадебному свиданію. Прощайте, дорогой судья!

ЛІОНЕЛЬ.

Прощайте, дорогая невѣста! (*она уходитъ*).

—

XVII.

ЛІОНЕЛЬ, ФАНШЕТА, КЛАРА, ВИКТОРИНА.

ЛІОНЕЛЬ.

Ба! что это за волшебное превращеніе.

ВСѢ ДѢВУШКИ.

Мы всѣ къ вамъ, господинъ судья,
На справедливый судъ явились,
И такъ, какъ сестры и друзья
Одѣться ровно согласились.

ВИКТОРИНА.

Цѣня достоинство одно,
Нарядомъ можно ли гордиться?

ФАНШЕТА.

Мнѣ это право все равно.

КЛАРА.

А все не худо нарядиться.

ВСѢ.

Мы всѣ къ вамъ, господинъ судья, и проч.

ЛІОНЕЛЬ, (*всторону*).

Ахъ я дуракъ! И что я надѣлалъ!

ДЕВУШКИ, (*между собою*).

Посмотрите, посмотрите, сестрица, какой нашъ судья хорошенькій!

ЛЮНЕЛЬ.

Признаюсь, что я... что мы... и что онѣ (*в сторону*). Да я робѣю, мнѣ кажется! Это видно не то, что съ моими старухами.

ВИКТОРИНА.

Скажите, г. судья, кого-жъ вы изъ насъ выбираете!

КЛАРА.

И кто будетъ та несчастная, которая всѣхъ хуже собою?

ЛЮНЕЛЬ.

Но помилуйте, это рѣшить не такъ легко. (*Фаншетѣ*). А вы ничего не говорите.

ФАНШЕТА.

Я все думаю-съ.

ЛЮНЕЛЬ.

Да объ чемъ же вы думаете?

ФАНШЕТА.

Да что вздумается.

ЛЮНЕЛЬ, (*в сторону*).

Эта не изъ бойкихъ, мнѣ кажется. Надобно однако-жъ приободриться, а право онѣ всѣ прехорошенькія!

КЛАРА.

Мы съ нетерпѣніемъ, г. судья, ожидаемъ вашего выбора.

ЛЮНЕЛЬ.

Очень хорошо: извольте, извольте, я назначаю.

ЛІОНЕЛЬ.

Довольно, довольно, не смотрите ради Бога. *(всторону.)* Это совершенное несчастіе! Если бъ по крайней мѣрѣ было съ кѣмъ посовѣтоваться, а безъ того... которой прикажете отдать это роковое яблоко?

ВИКТОРИНА.

Не мнѣ, не мнѣ, ахъ, пощадите!
Неужли я дурнѣе всѣхъ!

КЛАРА.

Ахъ, ради Бога, не спѣшите?
Намъ это слезы, а не смѣхъ.

ФАНШЕТА.

Не мнѣ, я право нравлюсь многимъ,
Въ меня здѣсь даже влюблены.

ВМѢСТѢ.

И чтобъ судьей быть самимъ строгимъ,
Вы справедливы быть должны.

ЛІОНЕЛЬ.

Я долго смотрѣлъ и думалъ, наконецъ торжественно объявляю, что для меня всѣ три равно милы и прекрасны!

ДѢВУШКИ.

Ахъ, какое счастіе! Какое счастіе!

ЛІОНЕЛЬ.

Наконецъ остается самое легкое.... *(всторону).* узнать, которая изъ нихъ глупѣе. *(Кларѣ и Викторинѣ.)* Съ вами я говорилъ, *(Фаншетѣ)*, а теперь мы съ вами потолкуемъ.

ФАНШЕТА.

Потолкуемте-съ.

(*Въ это время г-жа Рондо открываетъ окошко и подслушиваетъ*).

ЛІОНЕЛЬ.

Вы очень не дурны собою.

ФАНШЕТА.

Я и безъ васъ знаю, что я хороша!

ЛІОНЕЛЬ.

Какая скромность! но отъ чего вы такъ скучны?

ФАНШЕТА.

Отъ того, что умеръ дядюшка, и мнѣ жалко-съ.

ЛІОНЕЛЬ.

Это очень похвально! Ну что-жъ, вы тоже учились чему нибудь, я думаю?

ФАНШЕТА.

Какъ же, училась.

ЛІОНЕЛЬ.

А что-жъ вы знаете?

ФАНШЕТА.

Да теперь нѣтъ учителя, такъ я все забыла.

ЛІОНЕЛЬ.

Вотъ это не хорошо; стало быть, вы лѣнитесь?

ФАНШЕТА.

Нѣтъ-съ; но мнѣ не досугъ: я все играю.

ЛІОНЕЛЬ.

Ну! Послѣ этого я васъ поздравляю!

Г-ЖА РОНДО, (*изъ окошка.*)

Господинъ судья, господинъ судья! Она притворяется!

ЛІОНЕЛЬ.

Нѣтъ, это невозможно! Конецъ моему судейскому засѣданію. Господа, выборъ конченъ; пожалуйте скорѣе.

—

XVIII.

ТѢЖЕ, МИШО, БАЛЬИ, АЛИНЪ.

МИШО И БАЛЬИ, (*Ліонелю.*)

Которая всѣхъ хуже, которая всѣхъ хуже, говорите, ради Бога?

ЛІОНЕЛЬ.

Онѣ всѣ три равно прекрасны!

МИШО И БАЛЬИ.

Которая жъ всѣхъ глупѣе, глупѣе, по крайней мѣрѣ?

ЛІОНЕЛЬ, (*подводя Фаншету.*)

Господа! поздравьте, вотъ избранная!

МИШО.

Фаншета! (*всторону.*) Я убитъ и все пропало!

БАЛЬИ.

Нѣтъ, я слишкомъ люблю ее, чтобъ уступить другому. (*подошедъ къ Фаншетѣ.*) Если любовь....

МИШО, (*подбѣгая съ другой стороны*).

Долго скрывался я....

ФАНШЕТА.

Не открывайтесь, пожалуйста, теперь ужъ поздно. Вотъ мой женихъ, и вы оба на это согласились.

АЛИНЪ.

И намъ никто не помѣшаетъ.

ФАНШЕТА.

А я такъ люблю сестрицъ, что имущество мое, раздѣлю съ ними поровну.

ВАЛЬИ.

Возможно ли! поровну! г. Мишо! есть надежда!

МИШО.

Есть надежда!...

ЛІОНЕЛЬ, (*тихо Фаншетѣ*).

Послушайте, вѣдь это не хорошо, вы меня обманули.

ФАНШЕТА.

Вы думаете?...

ЛІОНЕЛЬ.

За это вамъ бы должно за меня постараться, но прекрасная Клара такъ богата, что отставной судья не смѣетъ надѣяться....

КЛАРА.

Напротивъ: но я васъ почти не знаю,

ЛІОНЕЛЬ.

А я, ей Богу, славный малой!

КЛАРА.

Такъ погодите, мы это увидимъ.

ВАЛЬИ, (*тихо Мишо.*)

Господинъ Мишо! Что это значитъ?

мишо.

Онъ сватается, мнѣ кажется.

викторина.

А у меня хоть и нѣтъ еще жениха, но я тоже выберу себѣ молодаго и любезнаго.

мишо.

Господинъ Бальи! нѣтъ надежды!

бальи.

Напротивъ, дѣвушки часто говорятъ одно, а думаютъ другое.

лионель, (*увидя г-жу Рондо.*)

Ну, вотъ и моя красавица! Какъ-то я отъ нее отдѣлаюсь?

XIX.

тѣже, г-жа рондо.

г-жа рондо.

Господинъ Бальи! вы слышали: я согласна.

бальи.

Отвяжитесь, ради Бога; и что мнѣ въ вашемъ согласіи?

г-жа рондо.

Какая перемѣна! и что это значитъ?

лионель.

Госпожа Рондо, пожалуйста простите меня, это была ошибка, и никто не думалъ на васъ свататься.

Г-ЖА РОНДО.

Никто не думалъ! Нѣтъ, сударь, вы отъ меня этимъ не отдѣлаетесь.

БАЛЬИ И МИШО.

Помилуйте! ну, что за вздоръ! и кто на васъ женится?

ФАНШЕТА.

И какъ вамъ не стыдно выдумывать.

Г-ЖА РОНДО.

Я выдумываю?

МИШО.

Да, да, сударыня! Вы извѣстная сочинительница.

Г-ЖА РОНДО.

Боже мой! Я сочинительница!

ФАНШЕТА.

Вотъ вы давиче и на меня также сочинили.

Г-ЖА РОНДО.

Молчите, сударыня! Я отплачу вамъ за ваши розаны и поцѣлуи.

ВСѢ.

Ну, такъ, опять за старое!

Г-ЖА РОНДО.

Но знайте, однако-жъ, что розаны, поцѣлуи, дуэль и несправедливость судьи — это всѣмъ будетъ пересказано; и на праздникѣ, который сейчасъ начинается, ни одна изъ этихъ притворщицъ не получитъ торжественной розы!

КЛАРА.

Она, я думаю, вамъ достанется?

г-жа рондо.

Прощайте, неблагодарныя!

фаншета.

Прощайте, госпожа сочинительница!

—

XX.

ТѢЖЕ, *кромѣ* **Г-ЖИ РОНДО.**

бальи.

Господинъ Мишо! Она говоритъ о несправедливости судьи, надобно это изслѣдовать.

люнель.

Теперь я надѣюсь, что г. опекунъ, съ согласія любезной Клары, позволитъ мнѣ почаще съ нею видѣться?

бальи.

Позвольте, государь мой! И прежде объясните намъ: какими вы руководствовались доказательствами въ томъ, что будто Фаншета всѣхъ глупѣе?

люнель.

Вотъ хорошо! Да вы ко мнѣ придираетесь?

г-жа рондо, (*изъ окошка*).

Я говорю вамъ, что она притворялась.

бальи.

Вы слышите! Послѣ этого выборъ нашъ есть злоупотребленіе власти, и я противъ этого протестую.

ЛІОНЕЛЬ.

Протестуетъ! Что это значитъ? Но дѣлайте, что хотите.

МИШО.

Господинъ Бальи! Ничто не поможетъ, и я отказываюсь отъ моего опекунства.

ФАНШЕТА.

А мы, господинъ Мишо, изъ признательности конечно устроимъ ваше состояніе.

МИШО.

Я не знаю, какъ благодарить васъ; но признайся, Фаншета, что я съ легкой руки подарилъ тебѣ этотъ розанъ!

Г-ЖА РОНДО, (*изъ окошка*).

Не правда! Его подарилъ Алинъ!

ВСѢ.

Боже мой! Опять за старое!

ЛІОНЕЛЬ.

Господинъ Бальи! Я вамъ не совѣтую ссориться; не та, такъ другая... (*показывая на Викторину*), а вѣдь еще остается.

БАЛЬИ, (*тихо*).

Я самъ это думаю. Время и стараніе... А вы меня знаете.

ЛІОНЕЛЬ.

О! какъ нельзя лучше!

ФАНШЕТА.

А вы, господинъ Мишо, тоже не унывайте... и вы еще успѣете.

МИШО.

Само собою разумѣется. (*всторону*). О! я всегда былъ счастливъ въ женщинахъ!

БАЛЬИ.

Дѣло кончено; но признайтесь, господинъ судья, что въ вашемъ выборѣ есть много, и очень много упущеній?

ЛІОНЕЛЬ.

И! полноте, господинъ Бальи! Я точно какъ судья исполнилъ свое дѣло: обѣщалъ и сдѣлалъ какъ слѣдовало.

МИШО.

Покойная моя жена
Всегда брала во мнѣ участье,
И всѣмъ божилась, что она
Нашла во мнѣ прямое счастье!
Оно бы такъ и быть должно....
Однако вышло... что-жъ такое?
Что говорила мнѣ одно,
А дѣлала совсѣмъ другое!

КЛАРА.

Намъ съ молоду всегда велятъ
Не слишкомъ увлекаться чувствомъ,
И все дѣвицы говорятъ,
Что не спѣшатъ своимъ замужствомъ.
Но такъ обманывать грѣшно!
Признанье дѣло не дурное..
Мы часто говоримъ одно,
А думаемъ совсѣмъ другое!

БАЛЬИ.

На свѣтѣ управляетъ сплошь
Людьми одно предубѣжденье,

И какъ судья нибудь хорошъ,
А все имѣютъ подозрѣнье!
А къ этому служить должно
Вотъ обстоятельство какое:
Что правда говоритъ одно.
А люди говорятъ другое.

ЛЮНЕЛЬ.

Судья Парисъ не думалъ быть
Соперникомъ пѣвцу Орфею,
И я охотно радъ судить,
А пѣть, ей Богу, не умѣю.
Гдѣ жъ взять, чего не суждено?
Я лучшимъ средствомъ счелъ такое:
Чтобъ съ толкомъ вамъ сказать одно,
Чѣмъ безъ толку запѣть другое.

(*Когда Фаншета подходитъ пѣть куплетъ, г-жа Рондо отворяетъ окно и кричитъ*). Она притворяется, она притворяется.

ВСѢ.

Молчите, молчите!

ФАНШЕТА, (*публикѣ*).

Нашъ авторъ признается самъ:
Не смѣетъ ждать себѣ успѣха,
И онъ на судъ явился къ вамъ
Съ бездѣлкой, сыгранной для смѣха.
Но тутъ, хоть совѣстно оно,
Есть подозрѣнье... вотъ какое:
Что авторъ говоритъ одно,
А думаетъ совсѣмъ другое!

ОТРЫВКИ ИЗЪ КОМЕДІИ:

АРЗАМАССКІЕ ГУСИ.

АРЗАМАССКІЕ ГУСИ.

—

I.

ЛИХВИНЪ, *уѣздный судья, сидитъ за бумагами; потомъ входитъ его жена.*

Г-ЖА ЛИХВИНА.

Судья мой вѣчно у стола!
Была бъ бумага да чернила.

Г. ЛИХВИНЪ.

Ахъ, матушка! зачѣмъ пришла?
Пойдутъ ли въ голову дѣла,
Когда жена заговорила?

Г-ЖА ЛИХВИНА.

Куда жъ прикажешь мнѣ бѣжать,
Я, кажется, вошла не съ барабаннымъ боемъ;
Ну, служба службою, покой покоемъ,
И губернаторы изволятъ отдыхать.

Г. ЛИХВИНЪ.

Тутъ дѣло, матушка, совсѣмъ иное,
Злодѣйское, чортъ съ нимъ, такое,
Что развязаться мудрено:
Да впрочемъ Богъ владѣетъ смѣлымъ!

Вотъ видишь: дѣло-то черно,
А надо, чтобъ казалось бѣлымъ.

г-жа лихвина.

Ученыхъ нечему учить,
Ты только неподстать одѣть щеголевато,
И можно бы дѣла рѣшать
И безъ атласнаго халата.

г-нъ лихвинъ.

Ахъ матушка!

г-жа лихвина.

Ужъ какъ изволишь,
А потакать тебѣ ничѣмъ не приневолишь.

г. лихвинъ.

Но вспомни ты, когда
Пріѣхалъ я сюда
И сѣлъ судьей въ халатишкѣ негодномъ...

г-жа лихвина.

Не вспоминай мнѣ никогда
Объ этомъ времени голодномъ.

г. лихвинъ.

А на другой, ты помнишь, годъ...
Я сшилъ себѣ халатъ атласный —
И повалилъ ко мнѣ народъ...

г-жа лихвина.

Ахъ! этотъ годъ былъ распрекрасный!

г. лихвинъ.

Вотъ то-то же, а вѣдь на умъ
Навелъ покойный кумъ,
Въ дѣлахъ не зналъ онъ неудачи
И былъ строка и записной подьячій.
Ты вѣчно будешь въ дуракахъ,
Когда сидишь поджавши руки,
Сказалъ мнѣ кумъ, пустись на штуки,
Дурной халатъ, какъ ноша на плечахъ,
Надѣнь такой, чтобъ зарябилъ въ глазахъ,
Да сядь парадно,
Такъ будетъ ладно.
Послушался, и что-жъ? вѣдь помогло:
Все стало паче да сугубо,
Ужъ какъ пошло, пошло, пошло,
Такъ сердцу любо!
Бывало, всякой лезитъ въ дверь,
А нынче, какъ въ дѣла втянулись мы поближе,
Иной и подождетъ теперь
Да и поклонится мнѣ ниже.
И эдакимъ манеромъ я
Сталъ записной и форменной судья!
Такъ видишь ли жена, что ты же виновата
И нечего жалѣть халата.

г-жа лихвина.

Ахъ, ангелъ, мой! за то впередъ не заворчу
Хоть разрядись себѣ въ парчу.

г. лихвинъ.

Вотъ то-то же. А что?.. чай Любушка ужъ встала;
Какъ ей понравился нашъ Арзамасъ?

г-жа лихвина, (*съ неудовольствіемъ*).

Съ дороги, видишь ли, устала
И спитъ, хоть на дворѣ десятый часъ.

г. лихвинъ.

Съ дороги матушка и всѣ устанутъ:
Изъ Петербурга къ намъ не близкая ѣзда.

г-жа лихвина.

Не хорошо, твердила я всегда,
Когда мужья насъ слушаться не станутъ.

г. лихвинъ.

Ба, это что?

г-жа лихвина.

Да то,
Ты посылалъ ее на что
Въ заморскій Петербургъ на разныя познанья?
Всегда была я противъ воспитанья,
Твердила я тебѣ не разъ:
Зачѣмъ знать дѣтямъ больше насъ?
Такъ нѣтъ, не обошлось безъ пансіона,
Послали дочь
Теперь ужъ горю не помочь,
Смотри, какая важная персона!

г. лихвинъ.

Ученье свѣтъ, а неученье тьма....

г-жа лихвина.

Я знаю, батюшка, сама,
Но что ученіе опасно....

Такъ это очень ясно.
Ты дочку выучилъ всему,
Прошу сказать, къ чему?
Здѣсь иностранные не нужны разговоры,
Ей нужно бы умѣть хозяйствомъ управлять;
Анъ нѣтъ, изволитъ книжки все читать,
Да въ пяльцахъ вышивать узоры.

г. лихвинъ.

Эхъ матушка....

г-жа лихвина.

Нѣтъ, я не скрою, что въ ней худо;
Къ тому жъ и рядится на чудо!
Затѣй ее не сосчитать:
Корсеты, кушаки, да пряжки —
И на отрѣзъ сказать,
Всѣ петербургскія замашки.

г. лихвинъ.

Ну что-жъ, пусть рядится, ей нужны женихи.

г-жа лихвина.

Оно бы такъ, но за твои грѣхи
Не скоро сыщешь ихъ, мой милый.
Нашъ вѣкъ для дѣвушекъ куда унылый!
Всякъ женится для барыша,
А наша дочь и хороша,
Да не богата.

г. лихвинъ.

Ну что-жъ!... и я не безъ халата,
А женихи здѣсь славные ребята.

г-жа лихвина.

Кто-жъ ей понравится изъ этаго числа?
Ей надо, чай, князей, да графовъ, да бароновъ,
Она съ ума сошла
Отъ петербургскихъ шаматоновъ.

г. лихвинъ.

А нашъ уѣздный казначей....
Онъ славной малой и забавникъ,
И посмотри, какихъ статей,
Злодѣй,
Нашъ капитанъ-исправникъ!

г-жа лихвина.

Всѣ эти люди не по ней,
Мой батюшка, и нынче-жъ въ тонѣ
Смышлять о женихахъ, учася въ пансіонѣ.
Такъ видишь, и въ нее одинъ
Какой-то господинъ Судьбинъ
Влюбился, о Святой, у тетки.

г. лихвинъ.

Мы рады-бъ эдакой находкѣ.

г-жа лихвина.

Да это вздоръ, а чай,
Все это тетушка напѣла;
Пожалуй ожидай,
Отъ слова далеко до дѣла.

г. лихвинъ.

А между тѣмъ,
И наши хороши, когда нѣтъ лучше;
Увидя Любушку, распѣтушатся пуще.
(*Входитъ слуга*).
А ты зачѣмъ?

СЛУГА.

Къ вамъ съ просьбой съѣхались казенные крестьяне —
И плачутся отъ нищеты.

Г. ЛИХВИНЪ.

Что-жъ за бѣда! что за дворяне?...
Пусть дожидаются, скоты...

—

III.

ЛИХВИНЪ, ЛИХВИНА, ПОБРОДЯЖКИНЪ.

Г-ЖА ЛИХВИНА, (*увидя Побродяжкина*).

Егоръ Григорьевичъ!...

Г. ЛИХВИНЪ.

Давно бы къ намъ пора.

ПОБРОДЯЖКИНЪ.

Да опоздалъ, отецъ! за то какая вьюга.

Г. ЛИХВИНЪ.

Нѣтъ ничего, вѣдь ты старинная пьянчюга,
И натянулся, чай, съ утра.

ПОБРОДЯЖКИНЪ.

Какъ быть! нѣтъ худа безъ добра;
У насъ по климату необходимо это:
Мнѣ доктора насильно пить велятъ.

Г. ЛИХВИНЪ.

Ну, Арзамасская газета,
Что-жъ новинькова говорятъ?

ПОБРОДЯЖКИНЪ.

Съ пріѣздомъ дочки васъ имѣю честь поздравить:
Объ этомъ первый я узналъ —
И тотчасъ побѣжалъ
Ея достоинства по городу прославить.

Г. ЛИХВИНЪ.

Да ты ее въ глаза ни разу не видалъ?

ПОБРОДЯЖКИНЪ.

И, мой отецъ! кто это знаетъ?
А похвалить своихъ, ей Богу, не мѣшаетъ.

Г ЖА ЛИХВИНА.

Егоръ Григорьевичъ на это молодецъ;
Что-жъ новинькаго мой отецъ?

ПОБРОДЯЖКИНЪ.

Ахъ, Анна Савишна! хоть новаго и куча,
А берегитеся — находитъ туча!

Г. ЛИХВИНЪ.

Ну, вотъ пришелъ людей пугать.

ПОБРОДЯЖКИНЪ.

Нельзя же вамъ не разсказать,
Неужли ничего вы не видали?

Г-ЖА ЛИХВИНА.

Ей, ей, не видѣли и не слыхали.

ПОБРОДЯЖКИНЪ.

Вѣдь чудеса случились въ эту ночь!

Г-ЖА ЛИХВИНА.

Ахти! не увезли ли дочь?...

ПОБРОДЯЖКИНЪ.

'утъ не частное, общественное горе!

г. лихвинъ.

Ахъ, страхъ какой!
Не подступило ли опять къ намъ море?

побродяжкинъ.

Совсѣмъ не то, а въ ночь передъ зарей
Всѣ видѣли здѣсь огненнаго змѣя;
Ужъ разумѣется, съ большимъ хвостомъ
И эдакая шея!
Онъ съ полчаса надъ городомъ леталъ,
Бросая искры, какъ ракета,
И наконецъ змѣй грянулъ и пропалъ.

г-жа лихвина.

Ну, не къ добру случилось это!

г. лихвинъ.

Къ чему-жъ себя безвременно крушить?
И прежде, говорятъ, другіе....
Летали змѣи пребольшіе.

г-жа лихвина.

Ахъ, батюшка! летали, можетъ быть,
Но вѣрно не такіе!

побродяжкинъ.

Еще вамъ нужно сообщить,
Мнѣ пишутъ: будто скоро
Пришлютъ къ намъ ревизора
По жалобамъ на земскій судъ.
Ужъ тутъ
Маркелъ Иваныча прижмутъ!

г. лихвинъ.

Ну такъ, часъ отъ часа нелегче.

г-жа лихвина.

И самъ судья держися крѣпче!

побродяжкинъ.

Избави Богъ! но мнѣ пора
На почту за дѣлами.

г-жа лихвина.

А изъ почтоваго двора
Нельзя ли забѣжать къ намъ съ добрыми вѣстями?

побродяжкинъ.

Не премину узнать и передать.

г. лихвинъ.

Пожалуйста, любезный теска.
(*Входитъ Любушка*).
Да вотъ и Любушка изволила ужъ встать.

г-жа лихвина.

Какая страшная прическа!

—

IV.

ТѢЖЕ, ЛЮБУШКА (*цѣлуетъ отца и мать*).

г. лихвинъ.

Ну, подойди-жъ, моя душа!
Здорова ли, какъ почивала?

любушка.

Страхъ дурно, батюшка....

г-жа лихвина.

А поздно встала!

г. лихвинъ, (*Побродяжкину*).

Не правда ли, что хороша?

побродяжкинъ, (*раскланиваясь*).

Какъ майскій день, чудесная фигура!
И подлинно—любовь похожа на Амура.

г-жа лихвина.

Прошу, комплементистъ какой!

г. лихвинъ.

Да онъ на это прелихой.

побродяжкинъ, (*Любушкѣ*).

Великодушнаго прошу прощенья,
Но мнѣ, сударыня, позвольте васъ спросить:
Не въ Петербургѣ ли изволили вы быть
Седьмаго Ноября во время наводненья?

любушка.

Была, сударь.

побродяжкинъ.

Вотъ страсть! сто тысячъ, говорятъ,
Погибло въ этотъ день.

г. лихвинъ.

Сказали, пятдесятъ.

г-жа лихвина.

Не правда, двадцать-пять.

любушка.

Не больше тысячи, могу увѣрить въ этомъ.
У насъ въ несчастіи никто роптать не могъ:
Самъ добрый Государь былъ полонъ сокрушенья,
Онъ дѣйствовалъ, какъ Богъ
И расточалъ благотворенья.
Что долго чувствовать могли мы безъ него,
При немъ мы скоро позабыли;

Что, если-бъ такъ царей вездѣ любили,
Какъ мы любили своего!

ПОБРОДЯЖКИНЪ.

Никто не прекословитъ вамъ:
Великъ душей, великъ и по дѣламъ,
А все.... ужасная была картина!

ЛЮБУШКА.

Да, признаюсь....

ПОБРОДЯЖКИНЪ.

А кто несчастію причина?
Блаженной памяти покойный Государь
Петръ Алексѣевичъ! былъ умный Царь,
Да къ морю черезъ-чуръ подъѣхалъ близко;
Какъ въ ямѣ строиться, когда есть материкъ?
Вотъ то-то матушка, и былъ великъ,
А выстроился низко.

Г. ЛИХВИНЪ.

Смотри, Егоръ! укороти языкъ;
Ты слишкомъ говорить изволишь фамильярно...

ПОБРОДЯЖКИНЪ, (*испугавшись*).

Помилуйте! Великому Петру
Отечество всегда пребудетъ благодарно!

РИМСКІЙ КАРНАВАЛЪ.

РИМСКІЙ КАРНАВАЛЪ. *

(1844 г.)

Римскій карнавалъ, которому предшествовали древнія сатурналіи или дни равенства, нигдѣ не имѣетъ такой свободы и разгула, какъ въ столицѣ святѣйшаго папы.

Правда, что до паденія Венеціянской Республики, ея карнавалъ, выходившій даже изъ границъ

---

* Карнавалъ въ Римѣ не празднуется въ одинъ только, такъ называемый, anno Santo, или въ годъ юбилея, который бываетъ чрезъ каждые 25 лѣтъ. Въ этотъ годъ Римъ исключительно молится. Духовенство съ большими процессіями носитъ по улицамъ распятія Спасителя, становятъ ихъ на площадяхъ и проповѣдуетъ о Его страданіяхъ. Будущій юбилей наступитъ въ 1850 году. Надобно знать однакожъ, что папа, въ ознаменованіе своего неудовольствія и въ наказаніе города, назначаетъ иногда экстраординарные юбилеи, не въ зачетъ церковныхъ. Даже нынчѣ, по случаю политическихъ волненій въ Болоньи и нѣсколькихъ убійствъ въ Римѣ, поговаривали о такомъ юбилеѣ.

приличія, считался первымъ; но теперь, безъ сомнѣнія, это мѣсто принадлежитъ римскому.

Быть или не быть въ такомъ-то году карнавалу, о томъ всегда, недѣли за три до наступленія, издаются особыя объявленія, и вотъ переводъ съ нынѣшняго, за исключеніемъ пунктовъ самыхъ неинтересныхъ.

—

ОБЪЯВЛЕНІЕ

О карнавалѣ, конной скачкѣ, призахъ и маскерадахъ.

Съ высочайшаго соизволенія Его Папскаго Величества объявляется всенародно, что и въ нынѣшнемъ, 1844 году, съ наступленіемъ карнавала, кромѣ конской скачки, имѣютъ быть допущены употребленіе масокъ и маскерадныя собранія на слѣдующихъ правилахъ:

1) Маскерады и конскіе призы начнутся съ субботы, т. е. 10 февраля (29 января по нашему стилю) и будутъ повторяться 12, 13, 14, 15, 17, 18, 19 и 20 числъ того же мѣсяца, исключая воскресенья и пятницы.

2) Ни кто въ маскерадныхъ платьяхъ не можетъ явиться на улицу прежде звона капитолійскаго колокола (въ часъ по полудни) и далѣе 24 часа (6 ча-

совъ по полудни) не можетъ оставаться замаскированнымъ. *

3) Запрещается маскироваться въ какія бы ни было духовныя и монашескія одежды.

4) Вообще запрещаются всѣ неприличные костюмы, рѣчи и дѣйствія, равномѣрно употребленіе ручныхъ фейерверковъ, и другихъ вещей и орудій, которыми, какимъ бы ни было образомъ, можно было потревожить публику.

10) При второмъ пушечномъ выстрѣлѣ, всѣ экипажи должны очистить улицу Коріо, и не прежде возвратиться, какъ послѣ третьяго выстрѣла, который будетъ сигналомъ окончанія скачки.

11) До того времени ни кто изъ пѣшеходовъ не можетъ переходить улицы Коріо.

12) Ни кто не долженъ осмѣливаться останавливать или пугать лошадей во время ихъ скачки.

13) Существующее запрещеніе, дѣлать мнимые конфекты изъ земли, извести и гипса, остается во всей его силѣ. Кто сдѣлаетъ ихъ, продастъ или подаритъ даже, или употребитъ въ дѣйствіе, бросая ихъ въ проходящихъ и проѣзжающихъ по Коріо, или на какой бы ни было улицѣ, тотъ, сверхъ немедленнаго ареста, заключенія на мѣсяцъ въ

* Часы въ Италіи считаются съ захожденія солнца. Послѣдній часъ передъ захожденіемъ солнца есть всегда 24, за нимъ слѣдуютъ: 1 часъ ночи, 2, 3 и такъ далѣе.

тюрьму при штрафѣ 25 піастровъ *, подвергнется дальнѣйшей законной отвѣтственности, смотря по важности послѣдствій. Къ бросанью другъ въ друга допускаются конфекты обыкновенной величины, апробованной полиціею, и другіе, извѣстные по ихъ легкости. Такого рода конфекты будутъ продаваться тѣми лицами, которыя получатъ на это исключительное право, безъ всякой, впрочемъ, за то особой платы (gratuito). При этомъ не запрещается, однако-жъ, употребленіе и другихъ конфектъ, высшихъ цѣнъ, не исключая крупныхъ.

14) Строжайше запрещается употреблять яица, которыхъ пустая внутренность наполнена крупою или мукою; яблоки всякой величины и проч. тому подобное. Равномѣрно запрещается бросать конфекты па проходящихъ посредствомъ особо дѣлаемыхъ лопаточекъ, или чего другаго для приданья такому бросанью большей силы. Наблюденіе за симъ остается на непосредственной отвѣтственности полиціи съ обязанностію: всякаго, у кого замѣченъ будетъ какой-либо подобный снарядъ, немедленно выслать съ гулянья.

15) Маскерадныя собранья будутъ возвѣщены особыми афишками (manifesti), съ обязанностью каждаго, въ отношеніи одежды и должной благопристойности, сообразжаться съ 3 и 4 пунктами сего объявленія.

---

* Римскій піастръ стоитъ около 5 руб. ас.

16) Въ послѣдній вечеръ карнавала, послѣ скачки, и то на одной улицѣ Коріо, съ 6 до 7 часовъ вечера, при всевозможной осторожности, будетъ допущено употребленіе такъ называемыхъ: Moccoletti *, изъ чистаго воска сдѣланныхъ. Начальство остается увѣреннымъ, что ни кто не употребитъ во зло такого снисхожденія; но при этомъ строжайше запрещается подкрѣплять означенные Moccoletti къ палкамъ или къ чему другому.

20) Кто осмѣлится показать оружіе, или стращать имъ, хотя бы отъ того не произошло никакого вреда, подвергнется всей строгости уголовныхъ законовъ.

21) За нарушеніе сихъ правилъ, по силѣ закона 5 фев. 1816 г., ни укрывательства въ церквахъ, ни самое малолѣтство, не можетъ избавить виновныхъ отъ наказанія.

Подлинное подписалъ: *Іосифъ Закія* (Gaiseppe Zacchia).

Губернаторъ города Рима, вицъ-камерлингъ и генеральный директоръ полиціи.

Римъ.
$\frac{3}{17}$ Января 1844.

—

Послѣ такого объявленія начинаются въ городѣ видимыя и невидимыя приготовленія. Приступаютъ къ перемощенію улицы Коріо; на площа-

---

* Родъ фитилей въ ¼ аршина, тонко облитыхъ воскомъ.

дяхъ, въ особенности на Piazo di Popollo (откуда начинается скачка) устроиваются мѣста для зрителей и ложи для судей и распорядителей; охотницы и охотники маскироваться приготовляютъ для себя костюмы, а въ лавкахъ вывѣшиваютъ на продажу разныя маски и выпуклыя проволочныя сѣтки съ ручкою, чтобъ предохранить по крайней мѣрѣ лицо отъ града конфектъ и цвѣтовъ, которыми во время карнавала осыпаютъ зрительницъ. Само собой разумѣется, что чѣмъ лучше личико, тѣмъ аттака сильнѣе и защита необходимѣе.

Со втораго часу по полудни по всей улицѣ Корio начинаютъ вывѣшивать въ окошкахъ и на балконахъ разноцвѣтныя матеріи и ковры, и даже многія лавки, ворота и сѣни, при помощи подмостковъ, превращаются въ задрапированныя ложи, всякаго разбора. Нельзя не замѣтить, что красный цвѣтъ, вѣроятно, въ память древняго римскаго пурпура, по сіе время остается здѣсь господствующимъ. Всѣ церкви въ торжественные дни драпируются краснымъ. Комната святѣйшаго папы и мебель въ нихъ красныя; гвардія и дворянская и капитолійская (городская), въ красныхъ мундирахъ; кардиналы въ красныхъ шляпахъ, жандармы въ красныхъ султанахъ; и такимъ образомъ красный цвѣтъ, спускаясь ниже и ниже, доходитъ до изнанки мужскихъ шалей и лица женскихъ шпензеровъ.

...ытіе карнавала начинается очень музы...
...и парадно. Передъ эскадрономъ папскихъ
... ѣдутъ человѣкъ 20 трубачей; за ними, че-

резъ четверть часа, проходитъ рота капитолійской гвардіи; за нею взводъ конныхъ жандармовъ, очень красиво одѣтыхъ, въ медвѣжьихъ шапкахъ съ красными висячими съ боку перьями. За жандармами слѣдуетъ парадная раззолоченная карета* съ такою же щегольскою упряжью и кучеромъ съ лакеями въ красныхъ ливреяхъ. Послѣднихъ было такъ много, что тѣ, которые не установились на запяткахъ, шли около и сзади кареты. Въ ней ѣхали гг. должностные: сенаторы, разумѣется въ красныхъ мундирахъ, и за ними еще три кареты съ разными чиновными особами. Всю эту процессію замыкали какіе-то ѣздовые драбарты среднихъ вѣковъ, съ флагами для скачки.

Въ первый день съѣхалось не такъ много; но и тутъ однако жъ явились разныя маски. Нигдѣ и никогда не видалъ я такого множества полевыхъ цвѣтовъ, связанныхъ въ маленькіе букетцы, какъ здѣсь въ это время. Ихъ цѣлыми корзинами и покупаютъ и выгружаютъ въ коляски, въ которыхъ у всякаго лежитъ запасъ мелкихъ конфектовъ, чтобъ тѣмъ или другимъ бросать въ кого вздумается. Эти цвѣты, кромѣ натуральной ихъ прелести и способности долетать до 1-го и даже до 2-го этажа, гдѣ ихъ стараются поймать, улыбнуться, взглянуть и отплатить тѣмъ же, чрезвычайно занимаютъ всѣхъ участвующихъ. Гг. пѣшеходы,

* Здѣсь какъ и вообще за границей, не знаютъ нашихъ затѣйливыхъ четверокъ, и всѣ ѣздятъ парами.

напротивъ, которымъ по тѣснотѣ почти невозможно носиться съ цвѣтами, набиваютъ карманы мелкими бѣлыми конфектами *, и вытаскивая ихъ горстью и даже обѣими, посыпаютъ ими, какъ градомъ, въ проходящихъ и проѣзжающихъ. Бросанье конфектовъ и цвѣтовъ часъ-отъ-часу становится сильнѣе и азартнѣе: молодежь, мужская и женская, не сидятъ, но стоятъ въ колясках, чтобъ издали показаться въ кого мѣтятъ. Стаи мальчишекъ бѣгутъ, визжатъ, суетятся и подбираютъ, для перепродажи, цвѣты и конфекты, упавшіе на улицу; другіе прицѣпляются къ коляскамъ, кричатъ: Fiori! Fiori, ecco fiori! и суютъ цвѣты встрѣчному и поперечному. Шумъ и гамъ идетъ creszendo, creszendo, и право до такой степени, что чуть не заглушаетъ втораго пушечнаго выстрѣла (въ 5 часовъ по полудни), который возвѣщаетъ начало. Тутъ нѣсколько драгунъ проскакиваютъ по Корію и очищаютъ улицу отъ экипажей. За ними, съ барабаннымъ боемъ, проходитъ пѣшая гвардія и расстанавливаетъ часовыхъ; народъ раздвигается и задрапированная Коріо, унизанная съ обѣихъ сторонъ народомъ и часовыми, открывается глазамъ на цѣлую версту съ одного конца до другаго. Скоро по мостовой слышится топотъ, и 10 коней безъ всякихъ жокеевъ, обложенные какими-то блестя-

---

-ъ называемые конфекты, въ видѣ малень-
, изъ муки и мѣлу, продаются по 15 к. ас
г.му расходятся очень щедро.

щами и колючими бляхами, которые дребезжатъ, хлопаютъ и еще болѣе подстрекаютъ ихъ къ бѣгу, мчатся, при крикѣ зрителей, чрезъ всю Корсо, какъ бѣшеные. Въ половинѣ 6 часа слышенъ третій выстрѣлъ. Скачка кончена. Гг. воины снимаютъ своихъ часовыхъ; экипажи смѣшиваются съ народомъ. Мало-по-малу толпа рѣдѣетъ и въ 6 часовъ всѣ возвращаются домой въ полномъ удовольствіи съ ногъ до головы перепачканные меловыми конфектами.

Лошадь, обскакавшая всѣхъ другихъ, выигрываетъ въ первый день 50 піастровъ и кусокъ матеріи; вторая, въ половину противъ первой. Денежный призъ, однако-жъ, увеличивается, и въ послѣдній день доходитъ до 90 піастровъ. Очень любопытно взглянутъ на этихъ лошадей на Piazo di Pipollo, гдѣ онѣ, выстроенныя въ рядъ передъ канатомъ, рвутся скакать, и каждая изъ нихъ до сигнала удерживается нѣсколькими людьми за хвостъ, за гриву и за голову, и потомъ на улицѣ Ripresa dei cavalli, подлѣ площади Piazo di Venezia, гдѣ ихъ останавливаютъ холщевыми щитами. Конечно, это не *Невмаркетская скачка*: тутъ нѣтъ ни *Эклипса*, ни *Ирода*, ни *Асмодея*, ни *Антиноя*, ни *знаменитаго Смоленска* *; нѣтъ двухъсотъ-тысячныхъ пари, ни наѣздниковъ-жокеевъ,

---

* Названія первѣйшихъ скаковыхъ англійскихъ лошадей. Изъ нихъ Смоленскъ принадлежалъ Карлу Будбергу.

[illegible] свою оригиналь- [illegible] занимательность.

[illegible] части города. [illegible]

время карнавала нѣсколько человѣкъ на маскерадное ристалище. На этихъ несчастныхъ набрасывали бѣлые мѣшки и въ этомъ видѣ, при всевозможныхъ насмѣшкахъ зрителей, они должны были въ-запуски пробѣжать изъ конца въ конецъ всю Коріо. Наконецъ, чтобъ избавиться такого уничиженья, они предложили правительству: не угодно ли ему будетъ на будущее время карнавала, вмѣсто гоньбы евреевъ, которые вовсе не рысисты, гонять лучше лошадей, съ тѣмъ, что сословіе Израиля приметъ на себя всѣ нужные для того расходы. На это охотно согласились, и съ тѣхъ-поръ по сіе время всѣ расходы на скачку, составляющіе болѣе тысячи піастровъ, дѣйствительно платятъ ежегодно евреи.

Потѣха перваго дня, конская скачка и гарцованье папскихъ войскъ по Коріо, исключая двухъ воскресеній и одной пятницы, повторялись ежедневно въ продолженіи всего карнавала. Въ это время на театрахъ: *Тординонъ*, и на другомъ, *Аржантинъ*, дано было шесть маскерадныхъ баловъ. Изъ нихъ четыре продолжались до полуночи, а два, самые тонные, съ 12 часовъ ночи до 5 часовъ утра. Къ четвергу (mardi gras) погода установилась прекрасная и число экипажей и масокъ противъ первыхъ дней примѣтно увеличилось.

Надобно согласиться, что видѣть прекрасный дневной маскерадъ на протяженіи цѣлой версты по улицѣ, и когда же? въ январѣ и въ первыхъ числахъ февраля мѣсяца, видѣть всѣхъ римскихъ

красавицъ, въ легкихъ платьицахъ съ открытыми шейками, для насъ, сѣверныхъ жителей, не только любопытно и ново, но даже удивительно. Въ этихъ маскерадахъ, въ которыхъ каждый разъ участвовало по крайней мѣрѣ 50 т. народа, не только были замаскированы люди, но даже лошади и экипажи. У иныхъ шоры были убраны искуственными цвѣтами; у другихъ задрапированы шарабаны и колеса обвиты чудесной зеленью. Статные молодые кучера рисовались на козлахъ въ женскихъ платьяхъ; полишинели, арлекины, даже черти лезли на запятки; шарлатанъ, во французскомъ кафтанѣ, съ знаменемъ въ рукѣ, продавалъ Elesir d'Amore, другой велъ на веревкѣ медвѣдя, рядомъ выступалъ древній римлянинъ подъ-ручку съ нынѣшнимъ римскимъ паиномъ. *. Молодой любезникъ, съ ручною выдвижною лѣстницею, привязывалъ къ ней конфекты, цвѣты и апельсины и ловко выпускалъ ее до 1-го и до 2-го этажей; ферсеры, надутыми пузырями, привязанными къ палкамъ, колотили проходящихъ; наконецъ я видѣлъ цѣлую пантоминную сцену, а именно, разбойника, который уносилъ дѣвушку, а отчаянная мать ея, держа въ одной рукѣ ребенка, а въ другой кинжалъ, преслѣдовала похитителя. ** Однимъ словомъ, если на этихъ маскерадахъ не было богатыхъ костюмовъ, то они

---

* Такъ называются римскіе любезники.

** Эта сцена представлена была римскими моделями натурщиками и натурщицами.

могутъ похвалиться пестротою и разнообразностью.

Въ послѣдній день карнавала (во вторникъ) для финала праздника (съ 6 до 7 часовъ вечера) въ окошкахъ, на балконахъ, въ коляскахъ и по всей улицѣ зажглись тысячи тысячъ такъ называемыхъ Macolletti. Спокойно держать ихъ въ рукахъ было бы слишкомъ просто; нѣтъ, начинаютъ махать ими, съ крикомъ, съ визгомъ тушить, отнимать другъ у друга. Шумъ и гамъ доходитъ до невѣроятности, до сумасшествія, и если бы съ 7 часовъ эскадронъ драгунъ не развелъ съ улицы народа и экипажей, то я, право, не знаю, чѣмъ бы кончилась эта потѣха.

Смѣло могу сказать, что я вполнѣ насладился римскимъ карнаваломъ.... Всякій вечеръ я возвращался домой съ ногъ до головы перепачканный мѣловыми конфектами; всякій день промывалъ засоренные глаза, и одинъ изъ нихъ, если не совсѣмъ подбитый, то по крайней мѣрѣ очень неловко задѣтый померанцомъ, нѣсколько разъ примачивалъ холодною водою. Наконецъ, въ послѣдній вечеръ, въ вечеръ Macolletti я имѣлъ окончательное удовольствіе воротиться домой съ прожженнымъ сюртукомъ и найти въ своей комнатѣ (на корсѣ) все стекла перебитыми!

Такъ кончился знаменитый римскій карнавалъ! По утру, въ середу, заунывно заблаговѣстили колокола.... вечеромъ я уѣхалъ въ Неаполь.

ОТРЫВКИ

ИЗЪ

ПОМОРСКИХЪ ОЧЕРКОВЪ.

НЕУСТРАШИМОСТЬ

КРЕСТЬЯНИНА БУРКОВА.

—

Что жители Сѣвернаго поморья славные мореходцы, доказываетъ слѣдующее происшествіе. Одинъ архангельскій купецъ, въ первыхъ числахъ Іюня мѣсяца, 1836 года, отправилъ изъ Архангельска на Новую землю ладью, съ девятью вольно-наемными рабочими, для моржеваго и звѣринаго промысловъ. Эти люди были снабжены достаточнымъ количествомъ муки, крупъ и соли; но простоявъ цѣлый мѣсяцъ въ льдахъ подлѣ Новой Земли, между ими появилась цынготная болѣзнь. Съ Покрова стала совершенная зима, и они восемь недѣль не видали, что называется, Божьяго свѣта. Когда мало-по-малу началъ показываться день, промышленники ходили на бѣлыхъ медвѣдей, а для пищи стрѣляли чаекъ и утокъ. Къ Святой Пасхѣ отъ цынги умерло семь человѣкъ; а изъ двухъ послѣднихъ, оставался совершенно здоровымъ Архангельской губерніи и уѣзда Мундукской казенной волости деревни Верховья, крестьянинъ Егоръ Бурковъ. Видя, что и послѣдній его товарищь близокъ къ смерти, и

что онъ одинъ долженъ оставаться на землѣ необитаемой, онъ рѣшился, во чтобы ни стало, плыть за 1500 верстъ къ Архангельску. Вмѣсто ладьи, онъ снарядилъ бывшій при ней малый карбасъ, прибилъ двѣ доски къ бортамъ, чтобъ они были выше, взялъ съ собой компасъ, полумертваго товарища, двухъ своихъ собакъ, и въ Ивановъ день, по его святцамъ, пустился въ море. На другой день товарищь его умеръ, и онъ похоронилъ его въ волнахъ Океана. Сильной погоды не было и вѣтеръ благопріятствовалъ Буркову. Онъ разсказывалъ мнѣ, что когда, при чрезвычайномъ утомленіи, онъ начиналъ засыпать, то собаки сильно лаяли и старались будить его. Такимъ образомъ онъ шесть сутокъ носился по Океану, и наконецъ увидѣлъ землю.... это былъ Мурманскій берегъ! восхищеніе его было неописанно. Тутъ онъ нашелъ человѣка, спасшагося съ разбитаго судна, котораго за шесть рублей нанялъ въ сопутники, и въ три дня благополучно прибылъ съ нимъ въ Архангельскъ.

Этому храбрецу въ 1837 году было 29 лѣтъ. Онъ холостъ, высокъ, здоровъ и силенъ. О неустрашимости его распространяться не нужно. Можно прибавить только, что въ здѣшнемъ, поморскомъ краѣ, много находится если не равныхъ, то подобныхъ Буркову. Потребуй правительство, и одна Архангельская губернія выставитъ тысячи славныхъ мореходцевъ.

МУНДИРЪ.

РАЗСКАЗЪ.

МУНДИРЪ.

АРХАНГЕЛЬСКЪ И НЕАПОЛЬ.

Мои неаполитанскіе знакомцы вытаращили глаза и ужаснулись, услышавъ, что я былъ въ Архангельскѣ. Они забросали, оглушили меня вопросами: «что тамъ за народъ, что за Лопари, что за Самоѣды, какъ тамъ живутъ, чѣмъ питаются, какъ мерзнутъ и умираютъ?» — «Мм. гг.,» отвѣчалъ я: «между 65-мъ градусомъ сѣверной широты, подъ которымъ леденѣетъ Архангельскъ, и между 40°, подъ которымъ цвѣтетъ вашъ Неаполь, конечно чрезвычайная разница. Въ Архангельскѣ вѣчный ледъ, подъ вами вѣчный огонь Везувія, Тамъ тундры, ели и сосны; здѣсь лава, виноградъ и померанцы. Тамъ, подъ рукой, Уральскій хребетъ и Сибирь; здѣсь Аппенины и Калабрія. Тамъ Бѣлое море, здѣсь море Одиссея и Енеидъ; тамъ островъ Соловецкій, здѣсь Капрея. Тамъ сѣверныя сіянія, здѣсь изверженія волкана. Тамъ печи, здѣсь фонтаны. Въ Архангельскѣ въ половинѣ октября ходятъ въ шубахъ и ѣздятъ въ саняхъ; здѣсь въ то же самое время сидятъ подъ тѣнью лавровъ и ки-

парисовъ. Тамъ отогрѣваются ромомъ, здѣсь прохлаждаются мороженнымъ.

Для Самоѣдовъ, съ ихъ стадами оленей, вашъ край былъ бы слишкомъ тѣсенъ, воздухъ удушливъ и солнце слишкомъ ярко. Они бы испарились и ослѣпли. Я самъ, какъ бѣлый полумедвѣдь, начинаю это чувствовать. До сихъ поръ перевѣсъ на вашей сторонѣ; но это только въ отношеніи къ солнцу. Правда ли, спросила меня одна любопытная итальянка: что суровость климата притупляетъ органы обонянія, вкуса и осязанія? Я этого не замѣтилъ, отвѣчалъ я, и повѣрьте, что мы также хорошо умѣемъ осязать прекрасное. Жители сѣвернаго поморья, продолжалъ я, имѣютъ свои достоинства: они славные мореходцы, рослы, сильны и, между тѣмъ, кротки. Смѣю думать, что въ послѣднемъ достоинствѣ они далеко превосходятъ вашихъ соотечественниковъ. Теперь еще, мм. гг., у меня лежитъ на столѣ книга подъ заглавіемъ: описаніе 27 бунта вѣрнаго города Неаполя. Слушатели мои расхохотались. Они неотступно настаивали покороче познакомить ихъ съ сѣвернымъ поморьемъ и съ Самоѣдами. Чтобъ облегчить себя, я обѣщалъ передать имъ въ переводѣ выписки изъ моихъ полярныхъ очерковъ, нигдѣ не напечатанныхъ.

Вотъ тотъ разсказъ, который я доставилъ одному изъ гг. неаполитанскихъ журналистовъ.

ГОРОДЪ КОЛА.

Съ чиновниками города Колы, въ царствованіе Императрицы Екатерины II-й, случилось ужасное происшествіе. Когда уѣздныя власти: полицейская, судебная и проч., скованныя полярной темнотой и морозами, завалились на лежанки, вдругъ, чего отъ сотворенія міра не случалось, пріѣхалъ на Мурманское прибрежье Архангельскій намѣстникъ. Небывалые въ томъ краю удары грома не такъ бы потрясли Колу въ ея основаніяхъ, сколько внезапный наѣздъ намѣстника поразилъ гг. чиновниковъ. Лежанки превратились въ ледъ и ужасная *трессея*, по здѣшнему лихорадка, обуяла и полицію, и юстицію, и медицину, и бухгалтерію. Надобно было тотчасъ явиться и достать экипажъ намѣстнику. Конечно, нынче и то и другое дѣло не трудное, но въ то время творилось иначе. Надобно знать, что въ уѣздномъ городѣ Колѣ существовала одна только лошадь. За нѣсколько дней до роковаго наѣзда прежній хозяинъ розыгралъ ее въ лотарею, и чтобъ сдѣлать свою аферу заманчивѣе, то лошадь, хомутъ и сани составили отдѣльные выигрыши, и единственный во всемъ городѣ экипажъ разъѣхался въ разныя руки. Перепуганный городничій успѣлъ, однако-жъ, все разбросанное соединить по прежнему въ одно цѣлое, и первый, въ мундирѣ, съ письменнымъ рапортомъ, что *все обстоитъ благополучно*, представился, какъ слѣдуетъ, намѣстнику.

Его превосходительству, какъ послѣ разсказывалъ городничій, чрезвычайно понравилась его шапка и городъ, который онъ назвалъ уголкомъ Архангельска. Чрезъ нѣсколько минутъ по выходѣ городничаго, явился крошечный судья, въ мундирномъ сюртукѣ со шлейфомъ. Въ существѣ своемъ, это былъ настоящій мундиръ, но такой длинный, что по росту маленькаго человѣчка, воротникъ закрывалъ ему голову, передняя часть мундира захватывала колѣни, а фалды волочились по полу. По выходѣ судьи, но не такъ ужъ скоро, втиснулся въ двери земскій исправникъ, человѣкъ необыкновеннаго, можно сказать, допотопнаго объема. Покрой натянутаго его мундира, который на немъ чуть не лопался, былъ еще смѣшнѣе судейскаго. Рукава съ трудомъ закрывали локти, въ груди мундиръ расходился на аршинъ, а сзади казался курткою. Намѣстникъ расхохотался. Видя, однако-жъ, что каждый изъ чиновниковъ хочетъ мучить его по одиначкѣ, онъ приказалъ исправнику, чтобъ всѣ остальные чиновники явились разомъ. Время тянулось, но никто не показывался. Между тѣмъ въ сѣняхъ поднялась ужасная тревога. Намѣстникъ вышелъ и что-жъ онъ видитъ? Всѣ непоявившіеся чиновники, подъ предводительствомъ стряпчаго, при шпагѣ, но безъ кафтана, въ ожиданіи мундира, впились и терзали допотопнаго человѣка. Къ общему несчастію, исправникъ отъ треволненія разбухъ, какъ сырое бревно, и никакія человѣческія усилія не могли стащить съ него мундира. Открылось, что въ Колѣ,

при единственной лошади, былъ одинъ только мундиръ, для всѣхъ чиновниковъ, которые въ экстренности своего положенія перебрасывали его съ плечъ на плечи, пока не увязъ въ немъ исправникъ.

Одна изъ жертвъ этого событія, засѣдатель Ѳаддей Ѳаддѣевичъ Кильдюмскій, у котораго кромѣ мундира не нашлось, какъ сказывали, какихъ-то дѣлъ и какихъ-то денегъ, долженъ былъ по неволѣ отправиться въ Архангельскъ. Потеря этого человѣка чрезвычайно опечалила высшій кругъ Кольскаго общества. Домъ Ѳаддея Ѳаддѣевича былъ самый пріятный, особенно съ 15 ноября по 5 января, когда въ Колѣ солнце не выходитъ изъ подъ горизонта и, слѣдовательно, не видно почти Божьяго свѣта. У него, всякому гостю, по мѣстному обыкновенію, подносили рюмку ликера. Тутъ начинали говорить о разныхъ разностяхъ: о трескѣ, о Норвегіи, объ Архангельскѣ, наконецъ садились за карты, пили пуншъ съ отличнымъ ромомъ, и вечера проводили самымъ пріятнымъ образомъ. Сверхъ того, кромѣ гостепріимства, домъ Ѳаддѣя Ѳаддѣевича славился особенною затѣйливостью. Въ его гостиной, надъ диваномъ, въ рамкѣ подъ стекломъ, висѣлъ въ копіи указъ Петра Великаго на имя бывшаго Кольскаго коменданта, дѣдушки хозяина, *о поимкѣ кита* *. Рядомъ съ этимъ указомъ, по правую сторону, также въ рамкѣ, кра-

* 4 Сентября 1724.

оставляя свои тундры, отправляются съ женами, дѣтьми и оленями къ Архангельску, и тутъ подъ городомъ раскидываютъ свой *чумъ*. Кусокъ хлѣба и чарка водки, до которой они страстные охотники, составляютъ главную ихъ приманку. При этомъ они извозничаютъ, и кто-жъ, скажите, утерпитъ, чтобъ на самоѣдскихъ салазкахъ не прокатиться на оленяхъ мимо города? Самоѣдскій *чумъ*, или шалашъ, въ которомъ всякій, кромѣ этого народа, замерзнетъ, обложенъ кругомъ берестою, а иногда оленьими шкурами. Тутъ они разводятъ огонь, ѣдятъ, живутъ и спятъ, не раздѣваясь. Жилища самоѣдовъ и сами они чрезвычайно неопрятны. Мужчины, женщины и даже ихъ дѣти горькіе пьяницы.

Олень, благодѣтельный спутникъ самоѣда, доставляетъ своему хозяину и пищу, и обувь, и одежду. Онъ не требуетъ никакого присмотра и круглый годъ прокармливаетъ себя на пустынныхъ тундрахъ безжизненнаго сѣвера. Онъ издали слышитъ и узнаетъ лай хозяйской собаки и, голодный, весело бѣжитъ подъ ножъ самоѣда. Любопытствующіе взглянуть на самоѣдское житье забавляются иногда ужаснымъ образомъ. Купивъ оленя, они дарятъ его прежнему хозяину на лакомство. Тутъ вся семья съ ножами бросается на свою жертву и съ жадностью пьетъ теплую кровь и рветъ мясо бѣднаго животнаго. И эти полу антропофаги имѣютъ свою напыщенность: они доказываютъ, что ихъ неправильно называютъ самоѣдами, какъ будто съѣдающихъ себѣ

подобныхъ, а что ихъ должно называть *самопъдиными*, какъ людей, изъ которыхъ каждый живетъ отдѣльно, самъ по себѣ, *самъ одинъ*. Если-бъ они знали указъ Петра I, (11-го января 1717 г.) о двухъ самоѣдахъ, отосланныхъ въ подарокъ *Грандюку Флоренскому*, то они бы не шутя зачванились.

Самоѣды, или *самопъдины*, какъ бы они ни назывались, малорослые, съ калмыцкою физіономіею, запачканные, пьяные, закутанные съ ногъ до головы въ своихъ *мальцахъ*, и жалки и отвратительны. Говорятъ, что они признательны, не воры, помнятъ гостепріимство; но въ этой горсти народа слишкомъ много дурнаго, чтобъ замѣтить что нибудь хорошее.

Есть городъ, въ которомъ одна застава и нѣтъ другаго выѣзда; дальше можно только увязнуть въ тундрахъ, или утопиться въ морѣ. Этотъ предѣлъ земнаго проѣзда рождаетъ какое-то чувство. Здѣсь не увидите даже проѣзжающихъ. Вы невольно вздохнете и вспомните о ссылкѣ. Этотъ городъ называется Архангельскомъ, и, сюда-то, вслѣдъ за самоѣдами, пріѣхалъ Ѳаддей Ѳаддѣевичъ. Онъ остановился на знаменитой Кузнечихѣ *. Скоро отдохнулъ, посѣтилъ добрыхъ знакомыхъ, и съ помощью ихъ мигомъ опредѣлилъ своего Петрушу на службу царскую. «Ну! г. копіистъ», сказалъ обрадованный Ѳаддей Ѳаддѣе-

* Одна изъ улицъ Архангельскихъ.

вичъ: принимайся съ Богомъ за дѣло. Что скажутъ старшіе, слушай и не болтай лишняго. Терпи, замѣчай, совѣтуйся. Умъ хорошъ, а два лучше; поспѣшишь, людей насмѣшишь, говоритъ пословица. Мальчикъ, смышленый и прилежный, съ точностію слѣдовалъ отцовскому наставленію и скоро получилъ чинъ, другой и третій. Наслышась, какъ путешествіе образуетъ молодаго человѣка, онъ всячески добивался командировокъ и съѣздилъ къ Онегу и Пинегу. Хотя эти путешествія не много образовали его, но онъ узналъ, по-крайней-мѣрѣ, каковы въ глуши дороги и каковы чиновники. Сыновніе объ нихъ разсказы Ѳаддей Ѳаддѣевичъ слушалъ очень равнодушно и послѣ сентенціи: «что надо требовать возможнаго,» онъ доказывалъ, что на необъятныхъ пространствахъ, при самомъ ничтожномъ населеніи, ожидать аллей, канавокъ и раскрашенныхъ мостиковъ, также трудно, какъ заманить въ Онегу и Пинегу лучшихъ чиновниковъ.

Не туда хотѣлось съѣздить Петру Ѳаддѣевичу (такъ мы будемъ называть молодаго Кильдюмскаго): онъ добивался Москвы, добивался Петербурга, и полетѣлъ бы туда вмѣсто почтоваго чемодана; но служба и судьба опредѣлили иначе.

Официальныя донесенія.

Въ Маѣ мѣсяцѣ 1809 года, во время разрыва съ Англичанами, примчалась изъ Колы нарочная эстафета — и вотъ событіе, о которомъ земскій судъ и городничій донесли начальству.

Рапортъ земскаго суда.

«Сего числа г. Кольскій городничій, чрезъ возвратившагося съ морскаго вояжа здѣшняго купца Степана Попова, извѣстившись, объявилъ, что близь здѣшнихъ россійскихъ Мурманскихъ береговъ, въ Кильдинской Сальмѣ вооруженною рукою появилось на военныхъ англійскихъ судахъ войско и уже дѣйствіемъ начинаютъ, какъ-то промышленниковъ въ становищахъ по россійскому берегу предаютъ смерти и чинятъ разныя раззоренія да и приближаются къ Екатеринъ-гавани (чего Боже сохрани, и къ самому пограничному городу Колѣ) и для того въ семъ судѣ опредѣлено: елико возможно самопоспѣшнѣйшимъ образомъ истребовать отъ г. городничаго, по крайней-мѣрѣ, двухъ военнослужителей, исправныхъ и вооруженныхъ, и притомъ собравъ здѣсь въ городѣ Колѣ сколько есть оставшихся не отправляющихся на промыслъ людей и подвѣдомственныхъ суду крестьянъ, отправиться (и отправился) самому господину исправнику для предпринятія мѣръ къ избавленію отъ нашествія непріятеля».

Мая 7-го дня 1809 года.

Рапортъ городничаго.

«Сего числа пріѣхавшіе сюда промышленники какъ изъ Екатеринъ-гавани, такъ и изъ Кильдина, бѣжавшіе отъ непріятеля и едва спасшіеся въ тундрахъ, единогласно объявили мнѣ, что непріятель находится въ Екатеринъ-гавани и овладѣлъ оною и взялъ тутъ разныхъ купеческихъ семь судовъ. Наконецъ въ 10-й день Мая, послѣднимъ моимъ средствомъ собравъ самое малое количество жителей города въ ратушу и требовавъ совѣту въ оборонѣ, но на оное никто никакова предпринять въ ономъ не могъ, по не имѣнію въ городѣ орудія, окромѣ одной старой команды съ ветхими ружьями и къ употребленію негодными. Послѣ сего, 11-го числа, поутру въ 9-ть часовъ, послана, по настоянію моему изъ города лодка съ 5-ю человѣками для обозрѣнія непріятеля; но вскорѣ возвратилась, а за ней и непріятельскіе три катера безъ флаговъ со многимъ количествомъ вооруженныхъ солдатъ и матросовъ при двухъ пушкахъ и не сдѣлавъ ни одного выстрѣла. Жители же города и остальная часть разбѣжались, я-жъ остался съ одними и то нѣкоторыми чиновниками и штатной командой. Изъ оныхъ же катеровъ, одинъ съ 40-ми человѣками прежде присталъ къ судну купца Герасимова, а потомъ осмотрѣвъ оное и къ пристани подъѣхалъ. А за нимъ и остальные два катера. Спрашивалъ меня не знаю на какомъ языкѣ, но я по

незнанію отвѣта дать не могъ, и такъ, по выходѣ изъ катеровъ, пошли по городу, поставя своихъ часовыхъ. А потомъ отобравъ, какъ у меня, такъ и у чиновниковъ при фрунтѣ ихномъ шпаги, у кого именно прилагаю списокъ; у штатной же команды всѣ вообще ружья и прочую аммуницію, которую и побросали они въ воду. И пробыла непріятельская команда въ городѣ съ 11-го по 13-е число Мая и того числа часу въ 12-мъ ночи, по собраніи всѣхъ своихъ на суда людей, при благополучномъ вѣтрѣ, отправилась въ гавань на 3-хъ катерахъ и 2-хъ россійскихъ судахъ, вкои погружено ими не малое количество казеннаго и обывательскаго лѣсу, а при томъ и всѣ съ обывательскихъ судовъ якоря и снасти обрали и увезли и никого въ городѣ съ непріятельской стороны людей не оставлено да и для препровожденія судовъ изъ нашихъ лоцманами никого не взято, о случившихся же въ городѣ во время бытности непріятеля разныхъ произшествіяхъ обстоятельно, по краткости времени, донести нынѣ не могу.

Кола. Мая 14-го 1809 года.

Регистръ.

Показующій отобраннымъ у бывших[illegible] пріятельскомъ фронтѣ чиновниковъ [illegible] именно:

1) У городничаго В.

2) У дворянскаго засѣдателя Г.
3) » » » А.
4) » экспедитора К.
5) » стряпчаго Д.

А у прочихъ чиновниковъ, по небытію ихъ въ виду, шпаги не отобраны, а остались при нихъ.

Подписалъ городничій В—въ.

Сказываютъ, что эти офиціальныя донесенія не совсѣмъ были вѣрны; что будто городничій посылалъ къ Англичанамъ парламентёра и самъ запрятался въ преисподнюю, а исправникъ, подъ видомъ набора защитниковъ, исчезъ — въ пространствѣ уѣзда.

ПРОВИНЦІАЛЪ.

Чтобъ опредѣлить убытки, возстановить порядокъ и успокоить жителей, надобно было послать надежнаго чиновника, а выборъ палъ на Петра Ѳаддѣевича. Я не стану описывать путешествія его въ Колу по знакомой ему дорогѣ. Разница была только въ томъ, что въ первый разъ онъ отправился зимою, а во второй лѣтомъ. И какъ въ это время, по невозможности проѣхать около 80 верстъ *горой* (сухимъ путемъ), самыя экстренныя эстафеты ходятъ обыкновенно пѣшкомъ, то онъ такъ опоздалъ, что въ это время изъ глубины уѣзда успѣлъ даже возвратиться въ Колу исчез-

нувшій исправникъ. Само собою разумѣется, что Петръ Ѳаддѣевичъ, какъ дѣлецъ, порученіе свое выполнилъ самымъ удовлетворительнымъ образомъ, и прежде, чѣмъ возвратился въ Архангельскъ, получилъ награду, или, лучше сказать: такъ шагнулъ гигантски, что вы удивитесь.

Однажды въ торжественный день служанка *Опроха* (Ефросинья) прибѣжала сказать старому барину, что къ нему пріѣхалъ новый членъ правленія, и прежде, чѣмъ хозяинъ успѣлъ опомниться, мундирный гость влетѣлъ въ комнату. Ѳаддей Ѳаддѣевичъ вытаращилъ глаза, всматривается, и самъ себѣ не вѣритъ. Новый членъ былъ не кто другой, какъ самъ Петръ Ѳаддѣевичъ. Старикъ вскрикнулъ и со словомъ: мундиръ! шитый мундиръ! покатился въ кресла. Отъ радости не умираютъ; впрочемъ сюрпризъ былъ такъ силенъ, что почтенный Ѳаддей Ѳаддѣевичъ скончался дѣйствительно.

Добрый сынъ былъ въ отчаяніи! Боже мой! думалъ онъ, неужели мундиръ, эта краса служащаго человѣка, въ одномъ только нашемъ семействѣ будетъ причиной всегдашнихъ несчастій. Мундиръ лишилъ отца мѣста, мундиръ предалъ его суду уголовному, и тотъ же мундиръ предаетъ его суду страшному! При этомъ разсужденіи Петръ Ѳаддѣевичъ понялъ всю необдуманность своего сюрприза. И дѣйствительно, послѣ Кольскаго происшествія старикъ Кильдюмскій чувствовалъ такую раздражительность, что онъ не могъ равнодушно видѣть мундира, который казал-

ея ему вѣчнымъ упрекомъ; при нѣсколькихъ мундирахъ ему дѣлалось дурно. Домашніе увѣряли даже, что когда на мертваго Θаддея Θаддѣевича натягивали мундиръ, то покойникъ вздрогнулъ.

Въ душевныхъ болѣзняхъ время лучшее лекарство. Время летитъ и уноситъ горе. Время сушитъ слезы, сбрасываетъ трауръ, утѣшаетъ наслѣдниковъ. Время по нѣскольку разъ женитъ и выдаетъ замужъ. Время лучшій товарищъ, другъ, утѣшитель, наставникъ. Подождите, и увидите, что выйдетъ современемъ. Между тѣмъ Петръ Θаддѣевичъ также скинулъ трауръ, перемѣстился совѣтникомъ въ уголовную палату и пуще прежняго принялся за дѣло.

Домъ, который покойный Θаддей Θаддеевичъ оставилъ своему сыну, стоялъ на лучшей улицѣ, противъ такъ называемой площади. На первомъ ея планѣ возвышался соборъ и пресмыкалась кордегардія; на второмъ находился безобразный домъ градскаго общества, съ двумя по сторонамъ церквами, и вдали текла славная Сѣверная Двина, усѣянная барками, гальотами, ладьями и карбасами. На пристаняхъ все суетилось и кипѣло. Здѣсь выгружались, тамъ отчаливали, далѣе гулъ мужской заглушался женскимъ крикомъ. Торговки расталкивали рабочихъ, садились въ свои карбасы, раскидывали паруса, и по вѣтру, какъ морскія чайки, пускались за нѣсколько верстъ отъ Арханельска. Въ сторонѣ снимались съ якоря Соловецкіе гальоты съ блестящими на мачтахъ крестами, и смиренныя богомольцы отправлялись

на нихъ для поклоненія угодникамъ Савватію и Зосиму. — «Мѣсто! мѣсто казенной шкунѣ, провожающей академика Бера на Новую землю!» кричали на другой пристани. «Прощайте, почтенный Карлъ Максимовичъ! Прощайте, г. мичманъ Цыволекъ! Возвращайтесь живы и здоровы съ моржами, песцами и бѣлыми медвѣдями; но ради Бога, не зимуйте на этой новоскверной землѣ, которая переморила столькихъ промышленниковъ.» И всѣмъ этимъ Петръ Ѳаддѣевичъ могъ любоваться изъ своихъ окошекъ. Жаль было одного, что онѣ, по здѣшнему климету, отворялись въ іюлѣ и снова закупоривались въ августѣ.

Новый хозяинъ велъ жизнь самую скромную. Вставалъ въ 6 часовъ и до 8 читалъ приговоры, въ 9 часовъ отправлялся въ палату, а въ два возвращался домой. Послѣ обѣда, въ хорошее время, то есть, очень рѣдко, отправлялся прогуливаться, а въ дурное, или очень часто, читалъ Сенатскія Вѣдомости, и проч. Иногда бывалъ въ гостяхъ, но вечеромъ опять принимался за уголовные приговоры и засыпалъ съ самыми пріятными впечатлѣніями. Одно, что нѣсколько отнимало у него времени, это была непреодолимая страсть къ проэктамъ. Онъ писалъ о приказныхъ аксиденціяхъ, о привилегированныхъ стряпчихъ, и наконецъ, входя въ положеніе бѣдныхъ поселянъ, которыхъ такъ разорительно обижаютъ волки, онъ предлагалъ, чтобъ, по примѣру всѣхъ Европейскихъ правительствъ, установить плату за каждаго убитаго хищнаго звѣря. По мнѣнію его, кромѣ

успокоенія и охраненія поселянъ, этого требовалъ даже хозяйственный разчетъ, потому что волки ежегодно болѣе съѣдятъ, чѣмъ за нихъ заплатятъ. И вы не можете себѣ представить восхищеніе Петра Өаддѣевича, когда ему отвѣчали, что все это очень хорошо и чтобъ онъ не безпокоился.

Чтобъ не помѣшать проэктамъ и служебнымъ занятіямъ, Петръ Өаддѣевичъ никакъ не рѣшался жениться. Надобно знать, что по мѣсту и, нѣкоторымъ образомъ, по своему дому, онъ считался очень хорошимъ женихомъ. Многія прекрасныя и даже почтенныя дѣвицы подавали ему рѣшительныя надежды. «Скоро-ли мы потанцуемъ на вашей сватьбѣ?» говорила ему наивная Любовь Петровна.—Позвольте сперва повеселиться на вашей. — «Ахъ, нѣтъ-съ, этого никогда не будетъ: я пойду въ монастырь.» — Правда ли, что вы женитесь? говорила другая... — «Помилуйте! при моихъ занятіяхъ...» Развѣ они помѣшаютъ?— «А недостатки!.... а умѣренность! а женины наряды!» — А развѣ всѣ щеголихи? — «А пойдутъ дѣти»... — Ахъ, Боже мой, что вы говорите! — И испуганная серна, какъ падающая звѣзда, скрывалась отъ Петра Өаддѣевича. — «Узнала, узнала, чего вы добиваетесь!» говорила ему одна молоденькая вдовушка: «скажите не шутя, каковы успѣхи?» — Покорно васъ благодарю, шепнулъ, улыбаясь, Петръ Өаддѣевичъ. — «А что-жъ? обѣщаютъ. Стало быть, дѣло слажено?» — Ожидаю только указа. — «Какого указа? Я спрашиваю о

вашей женитьбѣ.» — А я говорю о моемъ предсѣдательствѣ. — «Боже мой! неужели въ этомъ счастье?» — Помилуйте! да что-же лучше: 4 т. жалованья!» отвѣчалъ Петръ Ѳаддѣевичъ.

Такую холодность приписывали болѣе къ роду службы, которой онъ посвятилъ себя. И очень вѣроятно, что ежедневные приговоры *о сильныхъ подозрѣніяхъ, ссылкѣ и каторжной работѣ*, составляя сами по себѣ сильныя ощущенія, могли нѣкоторымъ образомъ ожесточить его чувствительность. Отъ этого, однако-жъ, ни сколько не пострадали невѣсты, которыя преспокойно повышли замужъ. Пострадалъ одинъ *я*, потому что съ женитьбой Петра Ѳаддѣевича явилась бы на сцену любовь, интрига, дѣйствіе, комедія, драма и даже трагедія, и мой холодный разсказъ могъ бы возвыситься до занимательной повѣсти. Впрочемъ, дѣлать нечего: держась истины, надобно досказывать, какъ было на самомъ дѣлѣ.

ВЕЧЁРКИ.

Разъ только въ жизни Петръ Ѳаддѣевичъ сдѣлалъ, какъ говорится, *дебошъ* и подгулялъ крошечку съ пріятелями на загородной *вечёркѣ*. Эти, по нашему, вечеринки, или посидѣлки, въ такомъ обычаѣ въ здѣшнемъ краю, что нельзя не познакомить съ ними читателей. *Вечёрки*, по большей части бываютъ въ деревняхъ на праздникахъ

именинахъ, сватьбахъ, на которыя, по приглашенію, собираются крестьянскія дѣвушки. Желающій полюбоваться здѣшнимъ богатымъ дѣвичьимъ нарядомъ, можетъ даже не дожидаясь праздника уладить, или просто, заказать вечёрку. Для этого знакомой изъ ближайшихъ деревень хозяйкѣ надобно дать полсотни рублей на угощенье, назначить вечеръ и съ своимъ чаемъ и запасомъ отправиться къ ней въ гости. На эти прогулки ѣздятъ всего чаще за Двину, въ ближайшую казенную деревню *Здостровье*, противъ самаго Архангельска, и нерѣдко, для забавы, отправляются даже на оленяхъ въ Самоѣдскихъ саладкахъ. Вы подъѣзжаете къ роскошному крестьянскому дому, въ которомъ нѣсколько комнатъ, мебель краснаго дерева, зеркала и люстры. Входя, вы видите отъ 20 до 40 архангельскихъ красавицъ, въ пухъ разряженныхъ, набѣленыхъ и нарумяненыхъ, которыя чинно, неподвижно, сложа руки и потупивъ очи, сидятъ около стѣнки вокругъ комнаты. Въ сторонѣ стоятъ пѣвуньи, второкласныя красавицы. Когда послѣ привѣтствія хозяйкѣ, они начинаютъ пѣть, то разряженныя красавицы, какъ тѣни *въ Робертѣ*, машинально встаютъ, подходятъ и просятъ васъ *поиграть*; но игра эта состоитъ только въ томъ, чтобъ съ тою, которая васъ приглашаетъ, пройти родъ польскаго. Отказаться значитъ обидѣть. Тутъ хозяйка подчиваетъ гостей, и онѣ подъ тѣже пѣсни, но ужъ безъ кавалеровъ, начинаютъ плясать, или ближе сказать, ходить какъ во француз-

ской кадрили. Въ этой ходьбѣ и шарканьи нѣтъ ни живости, ни граціозности, словомъ, ничего похожаго на настоящую русскую пляску. Это происходитъ отъ наряда, который съ головы до ногъ связываетъ красавицъ. Отъ такой пляски не закружится голова; и если что-то подобное случилось съ Петромъ Ѳаддѣевичемъ, то это просто отъ шампанскаго. Здѣшній національный нарядъ чрезвычайно богатъ, чтобъ не назвать его роскошнымъ. Онъ состоитъ изъ штофной золотой юпки и такой же епанечки съ короткими рукавами. Высокая зубчатая повязка унизана жемчугомъ ожерелье, серьги и запястья также жемчужныя, на рукахъ бѣлыя, длинныя шелковыя перчатки и нога въ щегольскомъ башмакѣ, такъ что нарядъ крестьянской дѣвушки стоитъ отъ 500 до 1000 рублей.

Государь Императоръ Александръ Павловичъ, бывши въ Архангельскѣ въ послѣднихъ числахъ Іюлѣ мѣсяца 1819 года, изволилъ, между прочимъ, ѣздить на лежащій противъ города *Кегъ-островъ*, который, по живописному его мѣстоположенію, не однократно посѣщалъ Петръ І-й, и тутъ то Высочайшій Посѣтитель любовался щегольскимъ нарядомъ Архангельскихъ посе-[illegible] нокъ.

Такимъ образомъ, безъ жены, безъ родни, [illegible] всякихъ развлеченій, Петръ Ѳаддѣевичъ [illegible] ломъ и душой принадлежалъ [illegible] Онъ [illegible] въ присутствіи, дышалъ св[illegible] Ка- дая уѣздная почта привози[illegible]

новую энергію. На послѣднюю даже начинали жаловаться немножко; но онъ былъ того мнѣнія, что розги и строгость чрезвычайно поддерживаютъ народную нравственность.

Такъ проходили дни, мѣсяцы, годы. Онъ такъ освоился и сроднился съ мѣстностью, что она, какъ говорится, казалась ему *идеаломъ* совершенства. Палату онъ почиталъ ареопагомъ, Архангельскъ Лондономъ, Сѣверную Двину царицей рѣкъ, бѣломорское лѣто самымъ благорастворенньмъ и полярную зиму самою умѣренною. Наконецъ Петръ Ѳаддѣевичъ шагнулъ до предсѣдательства и выросъ до высокородія.

ПРІѢЗЖІЙ.

— А что, батюшка, скажете о нашей губерніи? спросилъ онъ однажды у одного проѣзжаго.

— Ну, что-жъ... губернія ваша огромная; она, я думаю, вдвое больше прусскаго королевства, отвѣчалъ пріѣзжій.

— Этого мало, замѣтилъ Петръ Ѳаддѣевичъ.

— И конечно, ваша губернія, кромѣ пространства, очень богата водою и лѣсомъ.

— И этого недостаточно, продолжалъ защитникъ всего архангельскаго: «Взгляните на наши промыслы, на наше судоходство....»

— Это правда: архангельцы славные мореходцы.

Петръ Ѳадѣевичъ обнялъ пріѣзжаго.

— Вашъ холмогорскій скотъ чудесный; свѣжая семга объяденье.

— А мезенскіе лошади? а кольская морошка?

— Не дурны, не дурны.

— А архангельскія полотна?

— Прекрасны, прекрасны!

Петръ Фаддѣевичъ чуть не поцѣловалъ столичнаго жителя.

— А что скажете о нашемъ городѣ?

Пріѣзжій молчалъ.

Петръ Ѳаддѣевичъ удивился.— Я думаю, продолжалъ онъ, что болѣе 100 т. годоваго дохода не портятъ города?...»

Разумѣется, если они съ пользой употребляются.

Петръ Ѳаддѣевичъ вспыхнулъ. Онъ схватилъ за руку пріѣзжаго и потащилъ его на площадь. «А этотъ геній, который преклонилъ колѣно и поддерживаетъ лиру безсмертнаго поэта? А этотъ восторженный поэтъ, который ударяетъ по струнамъ, воспѣвая славу и счастье сѣвера?... Словомъ, этотъ памятникъ Ломоносову.... что вы объ немъ скажете?»

— Сбросьте сперва этотъ дрянной домъ и караульню, которые давятъ вашъ памятникъ и сзади и спереди; сдѣлайте это пастьбище площадью, и тогда будетъ не дурно.

Петръ Ѳаддѣевичъ отворотился и плюнулъ потихоньку. — Послушайте, почтенный предсѣдатель, продолжалъ пріѣзжій: мы смотримъ на

вещи совершенно разными глазами, и потому никогда не сойдемся въ нашихъ мнѣніяхъ. Чтобъ кончить, скажу вамъ откровенно, что вашъ безжизненный край мнѣ не нравится. Остуженный холодными морями, онъ лишенъ тѣхъ удовольствій, которыми пользуются губерніи, болѣе согрѣтыя солнцемъ и дворянствомъ. Кушайте себѣ треску, катайтесь на оленяхъ, лакомьтесь морошкою—прощайте!

ОТСТАВКА.

Въ осеннюю полночь сильно завывалъ холодный вѣтеръ. Онъ наносилъ тучи, хмурилъ небо, срывалъ послѣдніе листья, тушилъ фонари и крупнымъ дождемъ и градомъ стучалъ въ окошки. Во всемъ городѣ въ двухъ только домахъ виденъ былъ свѣтъ и не спали люди. Въ одномъ они размахивали руками, вкладывали, тискали, вытаскивали; въ другомъ, длинная человѣческая фигура садилась, писала, вставала и, повѣсивъ голову, мѣрными шагами взадъ и впередъ ходила по комнатѣ. Въ одномъ изъ этихъ домовъ была губернская типографія, въ которой всю ночь напролетъ печатали уставъ о самоѣдахъ, едва ли имъ извѣстный; въ другомъ жилъ Петръ Ѳаддѣевичъ и писалъ просьбу къ министру. Предметъ чрезвычайно важный. Дѣло состояло въ томъ, что наканунѣ, взбѣшенный пріѣзжимъ говору-

номъ, онъ пришелъ домой, и первое, что увидѣлъ на своемъ письменномъ столѣ, на который, какъ на жертвенникъ правосудія, обращалъ главное вниманіе, было письмо съ черною печатью. Черная печать! что это значитъ? и холодныя мурашки отъ самаго темя до оконечностей пальцевъ пробѣжали по жиламъ Петра Ѳаддѣевича. Онъ съ трудомъ распечаталъ письмо и, наконецъ, какъ въ туманѣ, прочелъ апоплексическое извѣстіе о томъ, что палаты уголовная и гражданская, которымъ, по малому народонаселенію, нечего было дѣлать, соединены въ одну, и Петръ Ѳаддѣевичъ остался безъ мѣста! Вообразите сцѣпленіе ужасовъ, которыми изобрѣтательная судьба преслѣдуетъ иногда и доколачиваетъ, такъ сказать, человѣка. По той же самой почтѣ, по которой пріѣхала его отставка, онъ, какъ нарочно, получилъ новый вышитый предсѣдательскій мундиръ и генеральскую на шляпу петлицу!

— Не прикажете ли вскрыть посылку?—шепнулъ ему кто-то въ ухо.... и Петръ Ѳаддѣевичъ вскочилъ какъ бѣшеный.. «Я тебѣ дамъ посылку, разбойникъ! Подай ножъ! ножъ, говорю тебѣ! Запри двери и провались къ чорту!» Перепуганный слуга вообразилъ, что Петръ Ѳаддѣевичъ хочетъ зарѣзаться, и бросился въ полицію, и когда та, не такъ скоро, какъ иногда случается, вломилась въ дверь къ мнимому самоубійцѣ, въ надеждѣ найти его мертвымъ, то частный приставъ чуть не умеръ отъ страха, увидя бѣснующагося экзъ-предсѣдателя грозной палаты въ полномъ платьѣ

мундирѣ! Между нами, Петръ Ѳаддѣевичъ не вытерпѣлъ; оставшись на единѣ, онъ вынулъ, примѣрилъ и не успѣлъ сбросить съ плечъ соблазнителя.

Этотъ анекдотъ, и опять о мундирѣ, разнесся по всему городу. Петръ Ѳаддеевичъ не вынесъ; слегъ, хворалъ, выздоровѣлъ, думалъ, думалъ и, наконецъ, придумалъ. «Все къ лучшему! Служи я до смерти, умри я въ палатѣ, и лучшія мои надежды никогда-бъ не исполнились, сказалъ Петръ Ѳаддеевичъ. «Теперь рѣшено: ѣду въ Петербургъ. Это нужно, это необходимо. Между тѣмъ я разсѣюсь; увижу царскую фамилію, гвардію, сенатъ, министровъ, висящіе мосты, чугунныя дороги.» — И Петръ Ѳаддѣевичъ выпрямился, ожилъ, развеселился. И начатое посланіе къ министру разлетѣлось въ клочки и приговоръ объ отъѣздѣ былъ подписанъ.

ПОѢЗДКА ВЪ ПЕТЕРБУРГЪ

Началось тѣмъ, что онъ сыскалъ себѣ прекраснаго попутчика, и именно учителя гимназіи Карла Ивановича Штундера. Изъ Архангельска онъ перемѣщался въ Бессарабію и нѣсколько мѣсяцевъ долженъ былъ пробыть въ Петербургѣ. Этотъ человѣкъ много видѣлъ, много читалъ и былъ сущій кладъ для неофита. Потомъ Петръ Ѳаддѣевичъ сталъ разузнавать о дорогѣ. По

справкѣ оказалось, что по этому тракту не слишкомъ надежны мосты и худы лошади; но какъ это происходило зимою, которая все крѣпитъ и подгоняетъ, то бояться было нечего. Главнымъ затрудненіемъ представлялись встрѣчи, при которыхъ, по узкимъ и снѣжнымъ дорогамъ, невозможно разъѣхаться. Онъ узналъ, что въ этихъ случаяхъ, обыкновенно, старшій валитъ младшаго; но какъ, Петръ Ѳаддѣевичъ былъ 5 класса, то и на этотъ счетъ почтенному путешественнику не стоило безпокоиться. Онъ затруднялся также тѣмъ, гдѣ и какъ расположиться ему въ Петербургѣ. Надобно знать, что онъ ни разу въ жизни не былъ даже въ кандитерской лавкѣ, и вѣрить не хотѣлъ, чтобъ статскій совѣтникъ могъ жить въ трактирѣ.

Къ счастію, одна газета, которую онъ почиталъ источникомъ правды и свѣта, чрезвычайно расхвалила знакомую ей гостинницу, и эксъ-предсѣдатель, убѣдясь въ необходимости, рѣшился остановиться въ чудесномъ заведеніи у Казанскаго моста. Наконецъ все было готово; Петръ Ѳаддѣевичъ съ своимъ сопутникомъ влѣзли въ кибитку; русскій перекрестился, немѣцъ закурилъ трубку, ямщикъ махнулъ кнутомъ и гусемъ заложенныя лошади помчали по петербугскому тракту.

Первый ночлегъ ихъ былъ въ Холмогорахъ, столицѣ древней Біарміи, описанной въ первобытномъ ея состояніи докторомъ философіи Шнурцманомъ. Разумѣется, что за давностью не было тутъ мамонтовъ, но за то остались допотоп-

ные телята, которыхъ называютъ холмогорскими коровами. Отсюда около 400 верстъ до перваго города наши путешественники ѣхали лѣсами, и въ этихъ дебряхъ они случайно познакомились съ самыхъ сѣвернымъ помѣщикомъ. Извѣстно, что гг. Русскіе землевладѣльцы начинаютъ показываться по 46° сѣверной широты; до 59° они сильно плодятся и густѣютъ; тутъ начинаютъ рѣдѣть, рѣдѣть и, наконецъ, подъ 61° градусомъ, въ царствѣ морошки, совершенно исчезаютъ. По исключительнымъ ихъ правамъ въ сревненіи съ другими, Петръ Фаддѣевичъ почиталъ ихъ существами высшаго разряда. Вообразите-жъ его удивленіе, когда цѣлую деревню этихъ самыхъ существъ дерзскій ямщикъ осмѣлился назвать *дворянскою мелкотою.* Тутъ Петръ Ѳаддѣевичъ узналъ много невѣроятнаго. У него тотчасъ родились мысли, которыя онъ сообщилъ своему сопутнику, обѣщая развить и обработать ихъ въ С. Петербургѣ.

— Всѣ наши проекты сущій вздоръ, почтеннѣйшій Петръ Ѳаддѣевичъ,» флегматически отвѣчалъ ему Карлъ Ивановичъ.— Повѣрьте, новыя мысли не бабочки; онѣ не порхаютъ; онѣ высиживаются терпѣніемъ, наблюденіемъ и опытомъ. Вашъ проэктъ назовутъ старьемъ или враньемъ непремѣнно. Не заботьтесь указывать: если чего не сдѣлано, то вѣрно есть препятствія, которыхъ вы, при поверхностномъ обозрѣніи предмета, ни понять, ни предвидѣть не можете. — Петръ Ѳаддѣ-

евичъ нахмурился и цѣлую станцію не сказалъ ни слова.

Города, черезъ которые они проѣзжали, были Каргополь, Вытегра, Ладейное Поле, Новая Ладога и Шлиссельбургъ. Къ сожалѣнію, ни одного изъ нихъ не удалось имъ разсмотрѣть хорошенько. Иные въ то время занесло снѣгомъ, другіе они проѣхали ночью, а одинъ Петръ Өаддѣевичъ просто проглядѣлъ, потому что, въѣзжая въ городъ, чихнулъ, а когда оглянулся, то былъ уже за городомъ. Надобно признаться, что большую часть нашихъ уѣздныхъ и нѣкоторыхъ губернскихъ городовъ гораздо пріятнѣе видѣть зимою. Снѣгъ прикрываетъ безобразныя крыши, бугры, ямы, мостовыя, а морозъ держитъ на привязи куръ, гусей, поросятъ и проч. и проч. Лѣтомъ со всѣми этими патріархальными принадлежностями, особливо съ крапивой и съ коровами, городскія полиціи никакимъ образомъ не могутъ справиться.

Шлиссельбургъ заставилъ Петра Өаддѣевича выпрямиться, по близости къ Петербургу, и въ тотъ же день на заставѣ подъ Невскимъ записано: прибылъ изъ Архангельска отставной статскій совѣтникъ Кильдюмскій.

ПРОСЛАВЛЕННАЯ ГОСТИННИЦА.

Петръ Өаддѣевичъ пріѣхалъ такъ поздно, что спали даже на Невскомъ проспектѣ. Главный подъѣздъ

въ гостинницѣ былъ запертъ, и пріѣзжіе, поворотивъ къ воротамъ съ канавы, насилу втроемъ достучались до вопроса: кто ломаетъ ворота? Узнавъ въ чемъ дѣло, дворникъ съ огаркомъ въ рукѣ отворилъ калитку и повелъ ихъ по лѣстницѣ. Петръ Ѳаддѣевичъ шелъ, шелъ, задохся и сѣлъ на 52-ю ступеню. Отдохнувъ, онъ началъ взбираться выше, опять задохся и сѣлъ на 80-ю. «Ободритесь, сказалъ Карлъ Ивановичъ, мы должны быть не далеко отъ Адмиралтейскаго шпиля; мы восхожденіемъ нашимъ перещеголяемъ Сосюра и Гумбольдта...» И это подняло Петра Ѳаддѣевича на высоту 102-хъ ступеней отъ земной поверхости.

Есть случаи, гдѣ не приходится ни браковать, ни торговаться, и такимъ образомъ обсерваторія въ 3-мъ этажѣ, подъ самой крышкой, была нанята на недѣлю. Петръ Ѳаддѣевичъ въ сердцахъ выхватилъ огарокъ и приклеилъ его къ столу, чтобъ не остаться въ потемкахъ. — Всѣ квартирующіе у насъ въ гостинницѣ должны имѣть свои свѣчи, сказалъ ему дворникъ. «Очень хорошо, я могу купить ихъ завтра; но гдѣ-жъ я ихъ возьму ночью? Пошелъ, бѣги и вели подать чаю, чтобъ согрѣться по крайней мѣрѣ!» И Петра Ѳаддѣевича затрясло еще пуще, когда дворникъ увѣрилъ его, что у нихъ въ полночь всегда тушатъ огонь на очагѣ и послѣ 12 часовъ никому не подаютъ чаю». Вотъ вамъ и прославленная гостинница, почтеннѣйшій Петръ Ѳаддѣевичъ!» — [illegible]ъ, оставьте, Карлъ Ивановичъ? Вы видите, я

задохся отъ вашего восхожденья, дрожу отъ холода и сохну отъ жажды. Наговоримся завтра, а теперь успокоимся, если это возможно!

— «Славно, славно! Ай да хваленая гостинница!» ворчалъ сквозь зубы Петръ Θаддѣевичъ, возвращаясь на свою обсерваторію. Онъ подошелъ къ окошку, взглянулъ съ высоты четвертаго этажа на преисподнюю проспекта, и съ такимъ визгомъ отскочилъ въ сторону, что задѣлъ и разбудилъ Карла Ивановича. «Что это? вѣрно чай?...» спросилъ последній, зѣвая и потягиваясь.— Такъ и есть, дожидайтесь, отвѣчалъ Петръ Θаддѣевичъ. «Не въ томъ дѣло», продолжалъ его менторъ, «подумаемъ лучше о вашихъ надобностяхъ, о вашемъ платьѣ и вашей шубѣ. Предсказываю, что ваша нынѣшняя, то есть, бѣлая волчья съ свѣтлоголубою покрышкою шуба, погубитъ васъ рѣшительно. Повѣрьте, она превосходитъ всякую оригинальность и доходитъ до степени непозволительнаго.»—Помилуйте! вскричалъ Петръ Θаддѣевичъ, что касается до платья, это такъ, я согласенъ; но шуба, это объектъ важный. Согласитесь, это.... это не пантолоны. Карлъ Ивановичъ! это пахнетъ сотнями, которыми швырять я не намѣренъ. — Наконецъ они все-таки дождались чаю, одѣлись и отправились на обозрѣнія.

ОБОЗРѢНІЯ.

На Невскомъ проспектѣ, на которомъ встрѣчные и поперечные суетятся, бѣгутъ, скачутъ, ищутъ, мечутся, у новопріѣзжаго такъ закружилась голова, что Карлъ Ивановичъ съ трудомъ довелъ его до Казанскаго собора. Отсюда они отправились далѣе: видѣли Зимній дворецъ, колонну Александру І-му, зданіе Главнаго Штаба, Исакіевскій соборъ, чудесный памятникъ, который Великая воздвигла Великому, видѣли Сенатъ и Биржу. Петръ Ѳаддѣевичъ пыхтѣлъ и усталъ до смерти. Надобно знать, что воспитанный въ правилахъ истиннаго чинопочитанія, онъ при всякой встрѣчѣ съ чѣмъ нибудь важнымъ, какъ бумажная кукла, дернутая за снурокъ, мгновенно спрямлялся и простиралъ руку къ шляпѣ. Чудакъ безпрестанно оглядывался на всѣ стороны, а проходящіе безпрестанно съ усмѣшкою поглядывали на Петра Ѳаддѣевича. «Что это значитъ, Карлъ Ивановичъ?»—Не что иное, какъ исполненіе моего предсказанія, отвѣчалъ послѣдній. Это просто, дѣйствіе вашей шубы, единственной во всемъ Петербургѣ.

Возвратясь домой, онъ съ жадностью бросился на длинную афишу и не зналъ, съ чего начать и куда отправиться. «И вы не стыдитесь раздумывать, когда танцуетъ чудесная Тальони?»—А! а! о которой писали?—«Что значутъ ваши писанья, вся Европа прокричала о первой въ мірѣ

танцовщицѣ. Тальони чудо! Тальони Сильфида! Тальони грація, Тальони флора, Тальони получаетъ болѣе 100 т. годоваго дохода...» — Если ей не соорудили памятника, продолжалъ одинъ изъ случившихся тутъ знакомецъ Карла Ивановича: то всюду продаются ея бюсты. Здѣсь все Тальони, Петръ Ѳаддѣевичъ: чепчики á la Тальони, фраки à la Тальони, стекла à la Тальони, пирожное à la Тальони. Но что я говорю, прочтите любимую вашу газету, и вы увидите, что за всѣ эти наслажденія, мы, неблагодарные, платимъ слишкомъ мало, и что въ золотомъ вѣкѣ (въ которомъ мы живемъ) надобно пасть къ ногамъ Тальони и отдать ей все, что имѣемъ!

Петръ Ѳаддѣевичъ перекрестился.

Наши пріѣзжіе не теряли времени и не жалѣли денегъ. Они посѣтили всѣ театры, всѣ публичныя заведенія. Были въ Эрмитажѣ, въ Императорской Библіотекѣ, въ Музеумѣ, въ Академіи Художествъ. Были даже въ Дворянскомъ Собраніи, куда, я васъ увѣряю, Петръ Ѳаддѣевичъ явился въ палевыхъ перчаткахъ, въ эшарпѣ и съ булавкой въ грецкій орѣхъ. Съѣздили на паровозѣ въ Царское Село и въ Павлоскъ, заходили въ Англійскій магазинъ, завтракали у Беранже, лакомились у Вольфа, стриглись у французовъ, слышали Германа, Московскихъ Цыганъ, и даже ученыя блохи и обезьяны не скрылись отъ обозрѣній. Эти наслажденія, однако-жъ, стоили немножко дорого почтенному провинціалу: у украли подзорную трубку, а когда онъ с

руками началъ держаться за карманы, то извлечь бумажникъ.

«Ну, Карлъ Ивановичъ! вы, которые обо всемъ судите и рядите, что-то вы провозгласите о Петербургскихъ театрахъ?» сказалъ Петръ Ѳаддѣевичъ.

— Ну, что-жъ... они сдѣлали большіе успѣхи и перещеголяли даже многіе европейскіе, отвѣчалъ Карлъ Ивановичъ. Я говорю о музыкѣ, танцахъ, декораціяхъ, костюмахъ. Въ литературномъ отношеніи, это дѣло другое.

— Если пошло на откровенность, отвѣчалъ, вздохнувши, Петръ Ѳаддѣевичъ, то признаюсь вамъ, что меня не столько огорчаетъ ваша драматургія, сколько гг. газетчики и журналисты. Хваленые ими сочинители, трактирщики, лавочники и конфетчики надули меня чрезвычайно! Грустно разочаровываться, грустно не вѣрить печатному, почтенный Карлъ Ивановичъ!

По болѣзни своего товарища, эксъ-предсѣдатель началъ, наконецъ, пускаться по городу безъ путеводителя. Однажды, въ полночь, онъ прибѣжалъ домой, какъ бѣшенный. «Нѣтъ, Карлъ Ивановичъ, воля ваша, завтра же перемѣню квартиру. Вообразите, возвращаясь изъ театра, я слышу въ нашемъ домѣ музыку. На лѣстницѣ толпа людей въ маскахъ стискиваетъ и насильно вталкиваетъ меня въ залу. Я потѣю, задыхаюсь въ шубѣ; меня окружаютъ, хохочутъ; хочу вырваться и не нахожу выхода. Измученный, осмѣянный, я вышелъ изъ терпѣнія. Все къ чорту! кричу я...

и чортъ на встрѣчу! Дьяволъ понялъ меня, сжалился, схватилъ за руку, вывелъ изъ ада и укралъ золотую табакерку. Конечно, Карлъ Ивановичъ, завтра же вонъ изъ этого дома, гдѣ вѣчная давка и гдѣ музыка ни днемъ, ни ночью не даетъ покоя квартирующимъ.»

Этотъ случай, при всей непріятности былъ чрезвычайно полезенъ Петру Ѳаддѣевичу. Онъ заставилъ его сбросить съ плечъ свою голубую шубу, надѣть теплый пальто, засунуть руки въ передніе карманы, нахлобучить шляпу и, вмѣсто типа заѣзжаго зѣваки, преобразиться въ глубокаго мыслителя.

Съ этихъ поръ на него никто не взглянулъ и онъ остался спокоенъ.

«Ну, пожелайте мнѣ успѣха, сказалъ онъ однажды своему товарищу, — я отправлюсь просить мѣста.» — О! о! стало быть, у васъ есть связи, есть покровительство.... Кто-жъ за васъ хлопочетъ? — спросилъ его Карлъ Ивановичъ. — Кто за меня хлопочетъ? 35 лѣтняя безпорочная служба моя, м. г.,» важно отвѣчалъ Петръ Ѳаддѣевичъ. Первый улыбнулся, второй не понялъ и отправился.

— Ну, что-жъ, каковы успѣхи? спрос[illegible] его черезъ нѣсколько дней Карлъ Иванович[illegible] Ѳаддѣевичъ вспыхнулъ и началъ взадъ и [illegible] ходить по комнатѣ. «Послушайте, Кар[illegible] новичъ! я стану говорить съ вам[illegible] спросилъ мѣста — мнѣ отказа[illegible] вычайно скоро, чрезвычайно у[illegible]

отказали; просилъ позволенія въ отставкѣ носить предсѣдательскій мундиръ — не позволяли. Словомъ, отказали во всемъ, что могли сдѣлать и обѣщали, то... въ чемъ нельзя отказать никакимъ образомъ. Конечно, для этого, если вы хотите, не стоило пріѣзжать изъ Архангельска. Но я, я удовлетворилъ, по крайней мѣрѣ, чувство моей любознательности. Я много видѣлъ, много слышалъ, испыталъ и понялъ. Я запасся матеріалами для сотни проектовъ; я напишу огромную книгу — и кто знаетъ... кромѣ литературной извѣстности, я сторицей, можетъ быть, вознагражу свои издержки. Это нужно, это даже необходимо, продолжалъ онъ, судорожно пожимаясь: потому что я... между нами, нѣкоторымъ образомъ совсѣмъ прожился, почтеннѣйшій Карлъ Ивановичъ. И такъ, дѣлать нечего: радъ или не радъ, а надобно собираться во свояси.»

Чрезъ недѣлю они обнялись и разстались.

Карлъ Ивановичъ Шнудѐръ отправился въ Бессарабію; эксъ предсѣдатель возвратился въ Архангельскъ.

ПРЕДАНІЕ.

Послѣ смерти Петра Ѳаддѣевича осталась толстая, нигдѣ не напечатанная рукопись. До меня дошли толко нѣкоторые отрывки и глава подъ названіемъ: *Мысли и наставленія.*

Вотъ нѣкоторыя изъ нея выписки:

Петербургъ похожъ нѣсколько на Архангельскъ. Разумѣется, не строеніями, не людьми, это совсѣмъ другое; но похожъ тѣмъ, напримѣръ... что здѣсь Двина, а тамъ Нева; здѣсь Бѣлое море, тамъ Балтійское; здѣсь портъ, корабли и нѣмцы, тамъ еще больше; здѣсь морошка и тамъ морошка; здѣсь олени и тамъ олени; здѣсь ужасно холодно и тамъ чрезвычайно холодно. Одинъ городъ: Архангельскъ-Бѣломорскій, другой Архангельскъ-Балтійскій.

Разсчитавъ, приблизительно, сколько вы должны издержать денегъ въ Петербургѣ, берите ихъ вдвое, даже втрое, если можно.

Запасайтесь связами, запасайтесь покровительствомъ.

Если при вашихъ появленіяхъ подъѣздныхъ Русскій слуга, называемый швейцаромъ, скажетъ вамъ: не принимаютъ, суньте ему цѣлковый.

Не останавливайтесь въ хваленыхъ гостинницахъ.

Въ публичныхъ мѣстахъ застегивайтесь на всѣ пуговицы и обѣими руками держитесь за карманы.

На улицѣ смотрите на людей въ лорнетъ; въ театрахъ въ телескопъ.

Сторона Невскаго проспекта къ гостинному двору называется *мѣщанскою* или *плебейскою*.

Надѣньте пальто, засуньте руки въ передніе карманы, нахлобучьте шляпу, и смѣло ступайте по сторонѣ противуположной.

Тутъ отъ 2-хъ до 4-хъ часовъ вы встрѣтите всѣхъ и каждаго.

Садясь, старайтесь небрежно разваливаться.

При этихъ случаяхъ позволяется даже задирать ноги, но на это нуженъ, такъ называемый, тактъ и ловкость.

Чтобъ не наскучить, я кончу мою выписку. Прибавлю только то, что Петръ Ѳаддѣевичъ вторично добивался шитыхъ обшлаговъ и ему вторично было отказано. Онъ поставилъ на своемъ, однако-жъ, и, наперекоръ начальству, велѣлъ похоронить себя въ председательскомъ мундирѣ.

Stanford University Libraries
3 6105 019 764 195

